

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

№3 2015

*Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal*

Социология и управление

ISSN 2408-9338

9 772408 933006

Сайт журнала:
<http://rr.bsu.edu.ru>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ
«СОЦИОЛОГИЯ и УПРАВЛЕНИЕ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-9346

Том 1. №3(5), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СЕРИИ:

Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Кисиленко А. В., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ СЕРИИ:

Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра религиоведческих исследований Института философии и общественной теории Университета Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управ-

RESEARCH RESULT

SERIES
«SOCIOLOGY AND MANAGEMENT»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-9346

Volume 1. № 3(5), 2015

Founded by:

Belgorod State University

SENIOR EDITOR OF SERIES:

I. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY CHIEF EDITOR OF SERIES:

S. Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CLERK OF SERIES:

A. Kisilenko, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR:

I. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

V. Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

L. Shmigirilova, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL TEAM:

G. Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

M. Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Center of theological researches, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Serbia.

I. Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

ления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Буданов В. Г., кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук, Россия.

Бубенко П. Т., доктор экономических наук, профессор, директор СВНЦ НАН и МОН Украины, член-корреспондент Академии экономических наук Украины, Украина.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Карамышев Д. В., доктор наук государственного управления, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института державного управления Национальной академии государственного управления при президенте Украины, Украина.

Марек Х., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Польской Школы Государственного Управления, Польша.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, зав.каф. апологетики Минской Духовной Академии, Белоруссия.

Мchedlova Е. М., доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мchedlova М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории академии управления при президенте республики Беларусь, Беларусь.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Рязанова С.В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е.Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

V. Budanov, Candidate of Physico-mathematical Sciences, Doctor of philosophical sciences, Associate professor, Senior Research Scientist of Сектора Transdisciplinary problems of scientific and technical development, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia.

P. Bubenko, Doctor of Economics, Professor, Director of North-West Scientific Center National Academy of Science and Ministry of Education and Science of Ukraine, Associate Member of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Ukraine.

V. Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Yu. Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

D. Karamishev, Doctor of State management sciences, Professor, Head of the Department of social and humanitarian policy of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine, Ukraine.

X. Marek, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Polish School of State Management, Poland.

V. Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

E. Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

M. Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center “Religion in Contemporary Society” Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

I. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Belarus.

E. Ostrovsky, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

E. Patrik, Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

S. Rezanova, Ph.D., professor of Perm State University, Russia.

E. Rutkiewicz, Ph.D., a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

I. Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

A. Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

J. Toshchenko, Doctor of Social Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ****Богачёв М.И.**«А был ли мальчик?» трансформация
формы связи между воцерковленностью
и электоральными предпочтениями
православных верующих.....5**Клинецкая Н.В.**Молодежь, жизненный успех, религия
(по материалам социологического
исследования).....24**Крупкин П.Л.**К вопросу о «гражданской религии»
РФ 2: структурные особенности
содержимого локальных городских
идентичностей.....29**Лусина О.В.**Социокультурные детерминанты
здоровьесберегающего поведения
православной российской студенческой.....36
молодежи**Маркина И.В.**Реляционная социология
Пьерпаоло Донати.....43**Михель О.В.**Изменение и постоянство
в «мигрирующих религиях».....55**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ****Конев И.В., Евминов К.Н.**Технологизация группового влияния
на организационное поведение.....67**Конев И.В., Федосюк Я.В.**Технология формирования
управленческой команды.....75**Овечкина Я.В.**Особенности организации трудовой
деятельности современных
дауншифтеров.....83**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ****Федосюк Я.В.**Закономерности и принципы кибернетики
как теоретико-методологическая основа
формирования управленческих команд.....89**Шапвалова И.С.**Понятие субсредовых локусов среды
обитания человека93**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE****Bogachev M.I.**There was a boy? Transformation
the form of correlation between degree
of attachment to the church (being churched)
and electoral preferences of orthodox
believers.....5**Klinetskaya N.V.**The youth, life success, religion
(on the materials of sociological
research).....24**Kroopkin P.L.**On a «civil religion» in the Russian
Federation 2: structure of content
of local urban identities.....29**Lisina O.V.**Socio-cultural determinants
of health-saving behavior of the russian
orthodox students36**Markina I.V.**Relational sociology by
Pierpaolo Donati.....43**Michel O.V.**Change and persistence
in «migrating religions»55**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES****Konev I.V., Evminov K.N.**Technologisation of group influence
on organizational behavior.....67**Konev I.V., Fedosyuk Y.V.**Technologies of formation
of the management team.....75**Ovechkina Y.V.**Labor properties of modern
downshifters.....83**TRANSDISCIPLINARY RESEARCHES
IN THE SPHERE OF SOCIAL-SCIENCE
THEORIES****Fedosyuk Y.V.**Regularities and principles of cybernetics
as a theoretical and methodological basis
of formation of management teams.....89**Shapovalova I.S.**Concept subenvironment's locus of
the human environment.....93

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316.75

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-5-23

Богачёв М.И.

«А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?» ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМЫ СВЯЗИ МЕЖДУ ВОЦЕРКОВЛЕННОСТЬЮ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ

Богачёв Максим Игоревич, стажер-исследователь*Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия; E-mail: mbogachev@hse.ru*

Аннотация

Статья посвящена изучению связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих. Автор на данных Интернет-опроса (2014-2015 гг.) выявляет трансформацию параболы образной формы связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих и анализирует возможные причины фиксации данного изменения

Ключевые слова: воцерковленность; православие; электоральные предпочтения; «Единая Россия»; трансформация.

Bogachev M.I.

THERE WAS A BOY? TRANSFORMATION THE FORM OF CORRELATION BETWEEN DEGREE OF ATTACHMENT TO THE CHURCH (BEING CHURCHED) AND ELECTORAL PREFERENCES OF ORTHODOX BELIEVERS

Bogachev Maksim Igorevich,*Trainee-Researcher, Laboratory of Business Communications
Higher School of Economics National Research University**20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; E-mail: mbogachev@hse.ru*

АБСТРАКТ

The article is devoted to the analysis of the correlation between degree of attachment to the church (being churchd) and electoral preferences of orthodox believers. The author reveals transformation the form of correlation degree of attachment to the church (being churchd) and electoral preferences of orthodox believers which has shape of parabola on data the Internet poll (2014-2015).

Keywords: attachment to the church; Orthodoxy; electoral preferences; «United Russia»; transformation.

– Мистер Биббит, можешь предупредить вашего мистера Хардинга, что я такой ненормальный, что голосовал за Эйзенхауэра.

– Биббит! Скажи мистеру Макмерфи, что я такой ненормальный, что голосовал за Эйзенхауэра дважды.

– А ты передай в ответ мистеру Хардингу, <...> я такой ненормальный, что собираюсь голосовать за Эйзенхауэра и в нынешнем ноябре!

– Снимаю шляпу, – говорит Хардинг, наклоняет голову и жмет Макмерфи руку.

К. Кизи «Над кукушкиным гнездом»

Введение

В результате анализа массива статистических данных «Социальная стратификация российского общества» 2004-2005 гг. между воцерковленностью, операционализируемой через частотность посещения религиозных служб (храмов), и электоральными предпочтениями православных верующих была выявлена слабая статистически значимая не монотонная связь [1].

Связь между воцерковленностью и голосованием православных верующих за социально-консервативную партию «Единая Россия» графически могла быть изображена как выпуклая парабола: увеличение частотности посещения религиозных служб от «не посещаю» до «раз в месяц» сопровождалось увеличением электоральной поддержки «Единой России», в то время как учащение посещения служб от «раз в месяц» до «каждую неделю» сопрягалось с понижением поддержки «Единой России».

При этом в результате анализа массивов EuropeanSocialSurvey (ESS) 2006, 2008, 2010 и 2012 гг. и WorldValueSurvey (WVS) 2011 г. было установлено, что парабола образная форма связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих является устойчивой, так как фиксируется на трех последующих друг

за другом парламентских электоральных циклах 2003, 2007 и 2011 гг.

Однако в феврале – марте 2014 г. РФ оккупировала и аннексировала полуостров Крым. Данное внешнеполитическое действие, сопровождавшееся вялотекущей реакцией международного сообщества и массивным воздействием российской пропаганды, кардинально трансформировало общественно-политические предпочтения россиян. Массовое сознание российского обывателя приняло качественно иное состояние, что могло отразиться и на политических предпочтениях православных верующих.

Фиксация трансформации параболаобразной формы связи

Для того что бы проверить, сохраняется ли парабола образная связь между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих в новой ситуации, характеризующейся качественно иным состоянием общественно-политических предпочтений россиян (получившим название «Крымнаш»), автором исследования был проведен собственный социологический опрос.

Опрос проводился в сети Интернет среди пользователей социальной сети «ВКонтакте», числящихся в религиозно ориентированных сообществах, по случайной нерепрезентативной выборке без использования квот в декабре 2014 – январе 2015 гг. Выборочная совокупность исследования составила 6 259 человек, из которых 2 735 человек позиционировали себя как граждане РФ, исповедующие православие.

В онлайн опросе у респондентов спрашивалось об их предпочтениях в электоральной компании 2011 г. (аналогичный вопрос задавался в WVS 2011 г. и ESS2012 г.). Однако полученные в ходе анализа данных интернет опроса результаты оказались не идентичными распределениям, ранее выявленным на материалах WVS2011 г. и ESS2012 г.

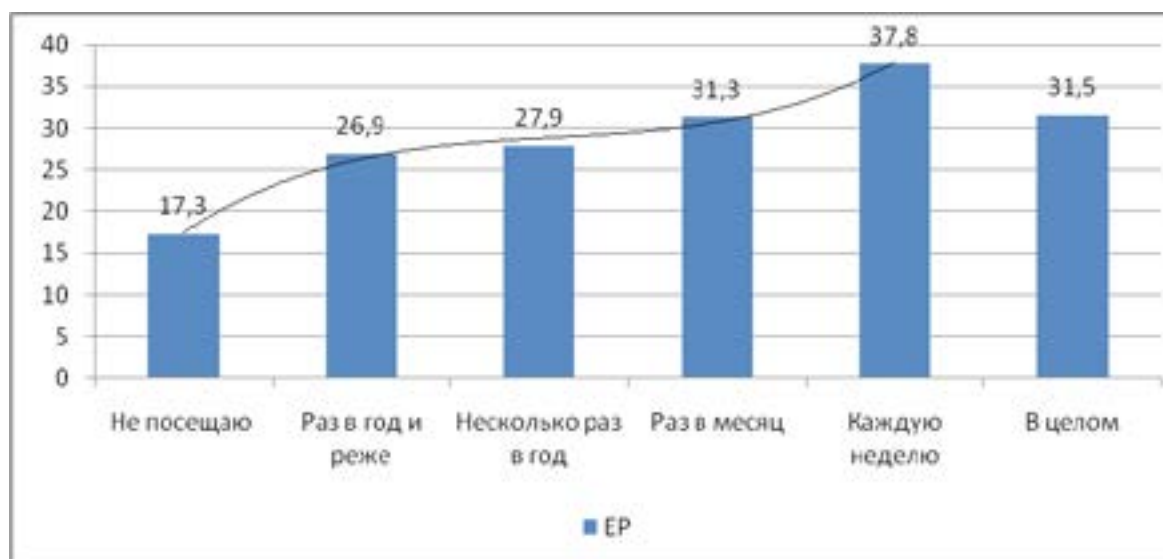

Диаграмма 1. За какую партию Вы голосовали на прошедших в декабре 2011 года выборах в Государственную Думу? («ЕдинаяРоссия»)¹

Diagram 1. Which party did you vote for in the December 2011 elections to the State Duma? («UnitedRussia»)

Из полученного распределения следует, что ранее выявленная парабола образная связь трансформировалась в монотонное возрастание поддержки «Единой России» по мере увеличения воцерковленности. Если ранее наблюдалось монотонное увеличение поддержки «Единой России» среди православных, посещающих службы от «не посещаю» до «раз в месяц», а с «раз в месяц» до «каждую неделю» фиксировалось понижение голосования за данную партию, то на материалах интернет опроса было выявлено, что доля верующих, поддерживающих «Единую Россию», монотонно увеличивается на протяжении увеличения воцерковленности от минимальной («не посещаю») до максимальной («каждую неделю»).

То есть постепенное увеличение электоральной поддержки «Единой России» сохра-

нилось с «не посещаю» до «раз в месяц», но при увеличении частотности с «раз в месяц» до «каждую неделю» поддержка данной партии существенно выросла (с 31,3% до 37,8%), в то время как в других массивах голосование за «Единую Россию» в этой группе падало. Подчеркнем, что вопрос задавался о голосовании в 2011 г., таким образом, выявленное на материалах 2014-2015 гг. распределение отличается от распределения, зафиксированного на материалах 2011 и 2012 гг.

Кросс-табуляционный анализ воцерковленности и электоральных предпочтений православных верующих на данных онлайн опроса подтвердил факт наличия связи между голосованием за партии и частотой посещения религиозных служб.

Таблица 1

Критерии Хи-квадрат

Table 1

X-square test

	Значение	ст.св.	Асимпт. значимость (2-стор.)
Хи-квадрат Пирсона	93,793 ^a	36	,000
Отношение правдоподобия	97,565	36	,000
Линейно-линейная связь	7,493	1	,006
Кол-во валидных наблюдений	2346		

a. В 13 (26,0%) ячейках ожидаемая частота меньше 5. Минимальная ожидаемая частота равна ,38.

1 Учитывались только те респонденты, которые в 2011 г. уже достигли 18 летнего возраста и могли участвовать в выборах.

Однако значимая связь между частотностью посещения храмов и голосованием за «Единую Россию» проявилась только в двух группах. Не посещение храмов, как и в массиве «Социальная стратификация...», оказалось отрицательно взаимосвязано с

голосованием за «Единую Россию», а посещение храмов «каждую неделю» явило положительную взаимосвязь с электоральной поддержкой «Единой России», что также противоречит ранее выявленному характеру взаимосвязи.

Таблица 2

Православные верующие и их электоральные предпочтения

Table 2

Orthodox believers and their electoral preferences

			СР	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	ЕР	Правое дело	Испортил	Не ходил	Не помню	Итого	
практикующие православные по группам	не посещаю	Частота	5	5	0	4	1	9	0	0	23	5	52	
		Стандартиз. остаток	1,1	1,1	-,7	-,2	-,6	-1,8	-,6	-1,4	1,9	,1		
	раз в год и реже	Частота	17	26	2	51	19	101	3	20	106	30	375	
		Стандартиз. остаток	-1,0	,8	-,7	3,4	1,6	-1,6	,2	1,7	-,7	-,8		
	несколько раз в год	Частота	33	49	5	61	22	159	8	21	168	43	569	
		Стандартиз. остаток	,0	2,6	,1	1,8	,4	-1,5	1,9	,0	-,3	-1,3		
	раз в месяц	Частота	41	32	7	51	22	194	5	24	188	55	619	
		Стандартиз. остаток	,8	-,8	,8	-,2	,0	-,1	,2	,3	,1	-,3		
	каждую неделю	Частота	41	28	6	33	19	276	1	21	222	84	731	
		Стандартиз. остаток	-,3	-2,4	-,1	-3,7	-1,3	3,0	-1,9	-1,1	,1	2,0		
	Итого		Частота	137	140	20	200	83	739	17	86	707	217	2346

При этом вычисленный коэффициент сопряженности признаков Пирсона оказался более высоким, чем в массиве «Социальная стратификация...», он составил (0,196), что

также свидетельствует о наличии **слабой, но статистически значимой связи** между воцерковленностью (частотой посещения храмов) и голосованием.

Таблица 3

Меры связи

Table 3

Safety communications

Симметричные меры			
		Значение	Прибл. значимость
Номинальная по номинальной	Фи	,200	,000
	V Крамера	,100	,000
	Коэффициент сопряженности	,196	,000
Кол-во валидных наблюдений		2346	

Сообразно с вышеизложенным, было выявлено, что православные верующие, посещающие храмы «каждую неделю», отвечая на вопросы, заданные им в 2014-2015 гг. часто утверждали, что в 2011 г. голосовали за «Единую Россию». Тогда как сильно воцерковленные православные, опрошенные в 2011 и 2012 гг., отвечая на аналогичные вопросы, редко упоминали, что голосовали в 2011 г. за «Единую Россию». Иными словами, анализ вторичных социологических данных выдал парабола образное распределение, а анализ первичных социологических данных – монотонно возрастающую форму связи.

Таким образом, результатом анализа ответов респондентов социологического опроса, проведенного в декабре 2014 – январе 2015 гг. в блоке политических предпочтений явилась фиксация того, что ранее выявленная на различных массивах парабола образная форма связи поддержки «Единой России» среди разно воцерковленных православных верующих трансформировалась в монотонно возрастающую функцию. То есть, в ситуации, характеризующейся качественно иным состоянием общественно-политических предпочтений россиян («Крымнаш»), форма связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных **могла** измениться.

Возможные причины трансформации парабола образной формы связи

Факт расхождения форм связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих, полученный в ходе анализа различных массивов социологических данных, вынуждает задуматься о причинах появления данной коллизии.

Причина расхождения полученных результатов может заключаться в трех аспектах:

1. Специфика нерепрезентативной выборки:
 - а) возраст респондентов;
 - б) религиозность респондентов;
2. Различия в методах сбора данных и формулировках вопросов.
3. Влияние трансформированных контекстуальных условий.

Первое обоснование выявленного разногласия результатов фундируется на том, что выборка проведенного автором исследования опроса не является репрезентативной.

Выборка онлайн исследования смещена, прежде всего, в возрастном отношении – в ней доминируют младшие возрастные когорты, в то время как в репрезентативных опросах преобладают представители старших возрастов.

Таблица 4

Распределение православных верующих по возрастным когортам в используемых
исследованиях массивах данных

Table 4

Distribution of Orthodox believers in the age cohorts in the study used data sets

Возрастные когорты	«Социальная стратификация современного российского общества», 2004-2005 гг.	ESS, 2006	ESS, 2008	ESS, 2010	WVS, 2011	ESS, 2012	«Социально-политические предпочтения российского общества», 2014-2015 гг.
100%=N православных	11246	1020	1170	1308	1510	1142	2735
10-17	0	2,2	2,2	1,8	0	2,4	5,7
18-24	14,3	8,8	9,8	7,9	9,8	9	31,1
25-34	17,9	12	14,3	15,7	16,8	14,6	31,4
35-44	19	13,4	13,2	15,4	16,2	16,1	15,6
45-60	25,3	24,8	26,1	27,4	29,6	28	13,4
60+	23,5	38,8	34,5	31,8	27,5	29,9	2,8

Из сводной таблицы следует, что в онлайн опросе существенно больше молодежи, чем в иных опросах. Однако существует ли разница в электоральных предпочтениях православной молодежи и православных, относящихся к старшим возрастным когортам?

Логистический регрессионный анализ массива «Социальная стратификация...» показал, что в 2003 г. шансы проголосовать за «Единую Россию» у всех когорт за исключением самой молодой (от 18 до 24 лет) были приблизительно равны, а у молодежи было на 45% **меньше шансов** проголосовать за «Единую Россию»,

чем у представителей старших возрастных когорт. То есть в 2003 г. молодые православные голосовали за «Единую Россию» существенно реже, чем их старшие единоверцы.

Что бы выяснить, есть ли существенная разница между электоральными предпочтениями молодых и пожилых православных, ранее изученные выборки были стандартизованы по возрасту, после чего были совмещены два графика – поддержка «Единой России» православными верующими в возрасте от 18 до 44 лет и аналогичный показатель для верующих от 45 лет.

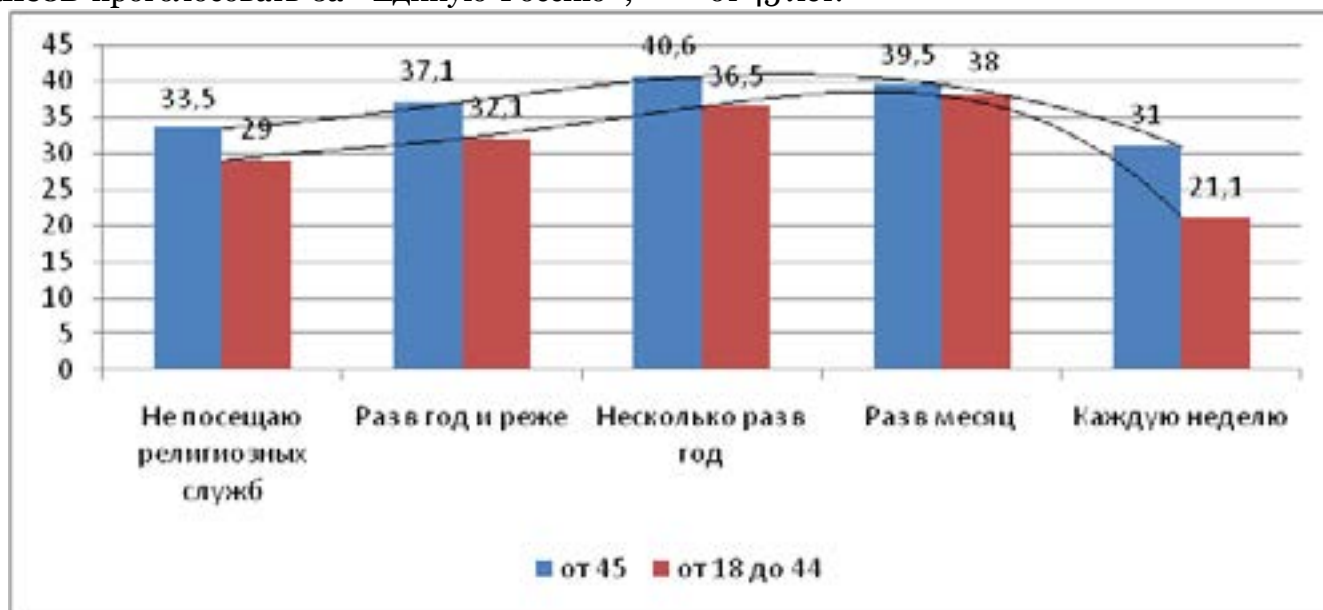

Диаграмма 2. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2003 г. («Социальная стратификация...», 2004-2005 гг.)

Diagram 2. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2003 (“Social stratification ...”, 2004-2005)

Из анализа массива «Социальная стратификация...» следует, что православная молодежь в 2003 г. меньше своих старших единоверцев поддерживала «Единую Россию».

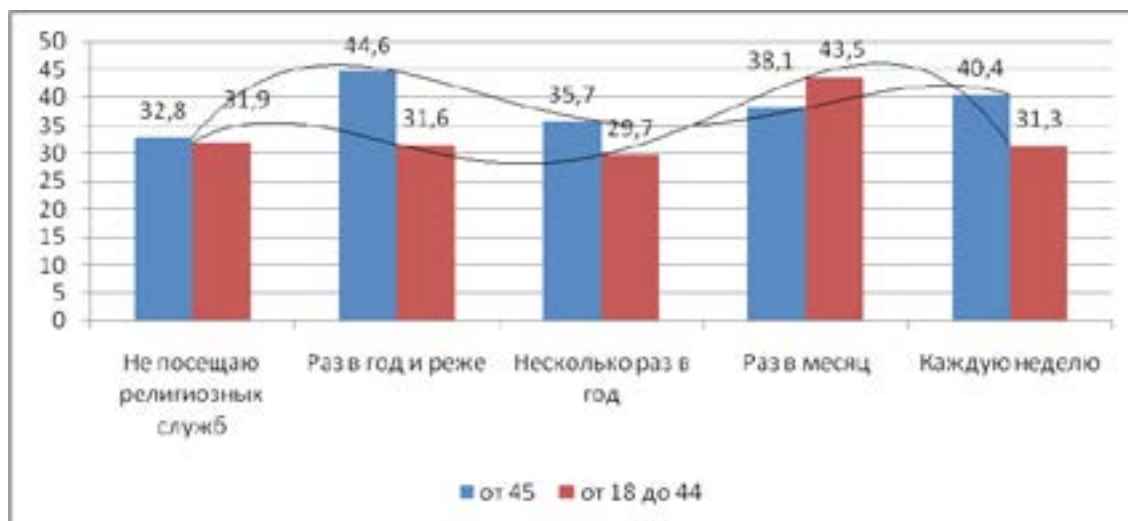

Диаграмма 3. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2003 г. (ESS, 2006 г.)

Diagram 3. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2003 (ESS, 2006)

В массиве ESS2006 г., отображающем голосование в 2003 г., можно наблюдать практически аналогичную картину. Выбивается лишь группа от 18 до 44 лет, посещающая службы «раз в месяц», она оказывает «Еди-

ной России» большую поддержку, чем православные верующие от 45 лет, бывающие на службах с такой же периодичностью (43,5% и 38,1% соответственно).

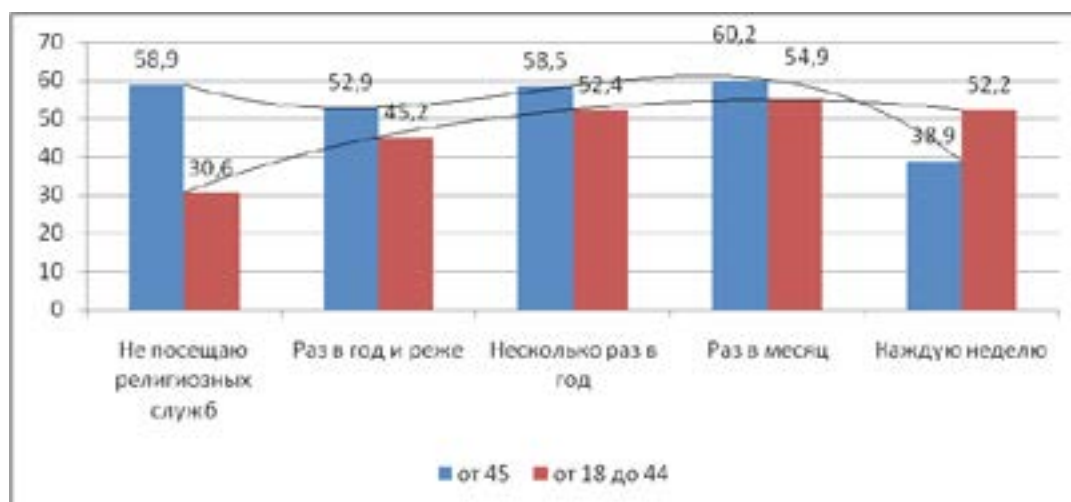

Диаграмма 4. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2007 г. (ESS, 2008 г.)

Diagram 4. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2007 (ESS, 2008)

Массив ESS2008 г., репрезентирующий голосование на парламентских выборах 2007 г., демонстрирует, что во всех группах, кроме наиболее воцерковленной, старшие православные больше поддерживают «Единую Россию», чем молодые православные. Только

лишь православная молодежь, посещающая службы «каждую неделю», оказывает «Единой России» в 2007 г. большую лояльность, чем представители старших когорт. Однако эта лояльность у молодых распространена на 13,3% больше, чем у «пожилых».

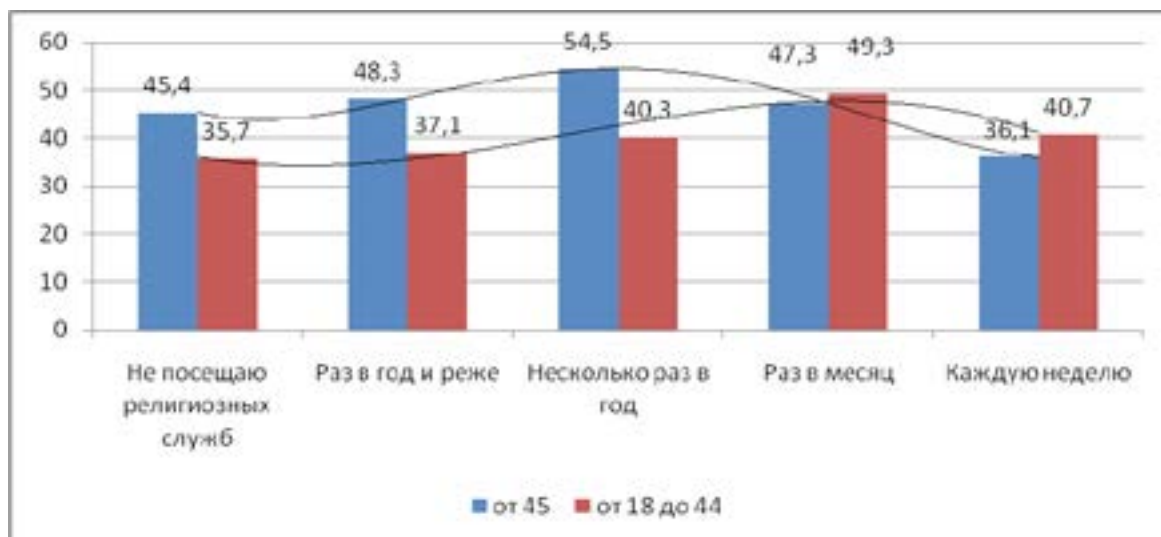

Диаграмма 5. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2007 г. (ESS, 2010 г.)

Diagram 5. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2007 (ESS, 2010)

В массиве ESS собранном в 2010 г., который также отображает результаты голосования на выборах 2007 г., православная молодежь в своей поддержке «Единой России»

опережает старшие возрастные когорты уже в двух наиболее воцерковленных группах – «раз в месяц» (49,3% и 47,3%) и «каждую неделю» (40,7% и 36,1%).

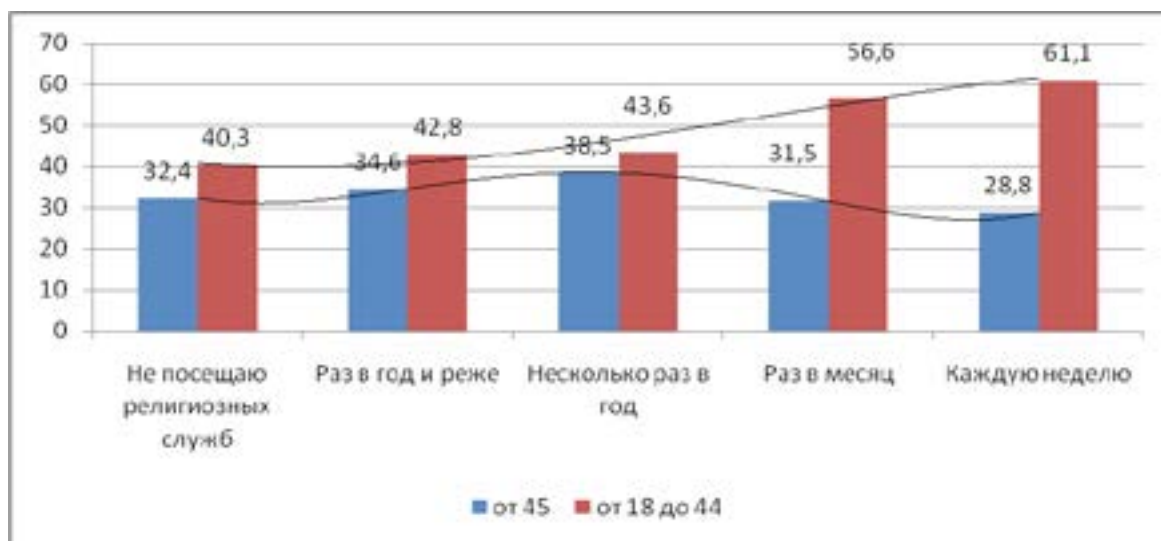

Диаграмма 6. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2011 г. (WVS, 2011 г.)

Diagram 6. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2011. (WVS, 2011)

Массив WVS 2011 г. демонстрирует, что все равно воцерковленные группы православной молодежи оказывают «Единой России» боль-

шую поддержку, чем аналогичные по воцерковленности группы возрастных православных.

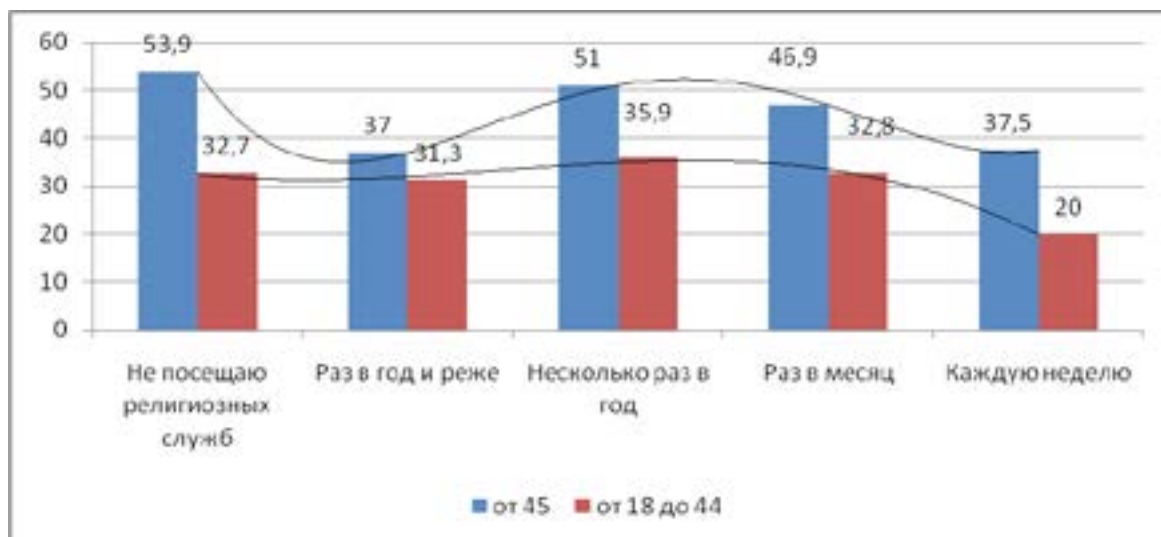

Диаграмма 7. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2011 г. (ESS, 2012 г.)

Diagram 7. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2011. (ESS, 2012)

Однако массив ESS данные, для которого собирались в 2012 г., отображающий голосование в 2011 г. показывает совершенно противоположное выданному ранее WVS2011 г. распределение. Согласно данным ESS2012 г.

все группы православных старших возрастных когорт оказывают «Единой России» поддержку большую, чем православная молодежь, характеризующаяся той же частотностью посещения религиозных служб.

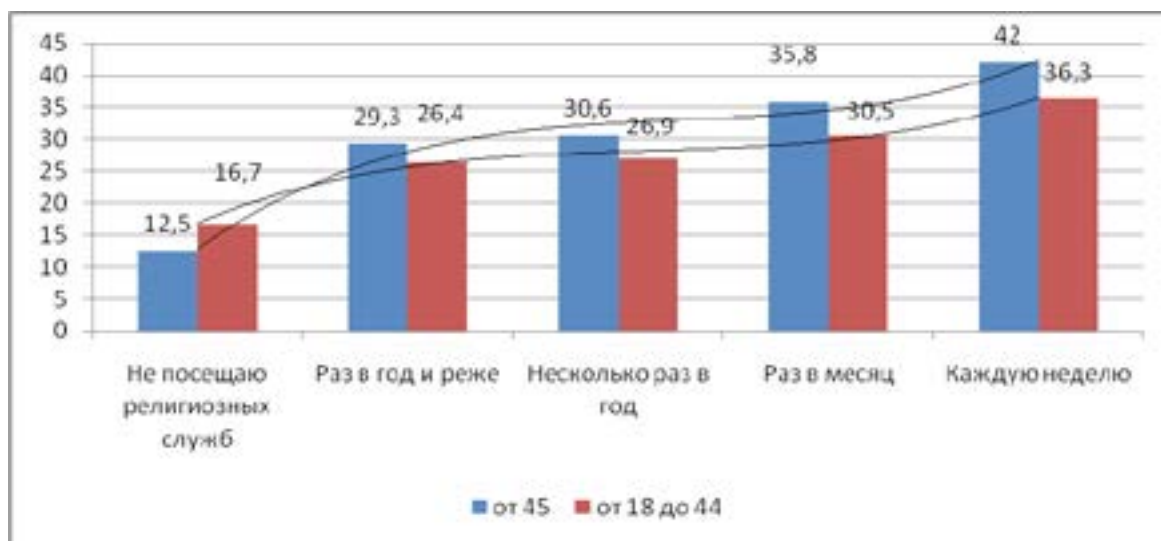

Диаграмма 8. Голосование за «Единую Россию» и частота посещения религиозных служб (по группам) в 2011 г. (Интернет опрос)

Diagram 8. The vote for the “United Russia” and the frequency of attendance at religious services (by groups) in 2011 (online survey)

Анализ данных интернет опроса демонстрирует преобладание доли молодых православных, отдавших на выборах свои голоса за «Единую Россию» над аналогичной группой возрастных православных только среди не посещающих храмы. В остальных груп-

пах – представители старших возрастных когорт чаще голосовали за «Единую Россию», чем православная молодежь. В том числе и в группе, посещающей храмы «каждую неделю» - в ней возрастные православные также выражают «Единой России» большую под-

держку, чем молодые верующие (42% и 36,3% соответственно).

Таким образом, на основании имеющихся данных, ввиду их противоречивости, нельзя однозначно утверждать о том, что православная «молодежь» (от 18 до 44 лет) чаще голосует за «Единую Россию», чем православные, относящиеся к старшим возрастным когортам (от 45 лет). В связи с этим, заявлять, что большая поддержка «Единой России» в наиболее воцерковленной группе, выявленная на материалах интернет опроса, вызвана исключительно смещением выборки по возрасту, невозможно.

Вместе с тем необходимо отметить, что онлайн опрос проводился преимущественно среди

граждан, числящихся в религиозно ориентированных группах, что могло отразиться на том, что в выборку попало много респондентов, характеризующихся высокими показателями исполнения религиозных практик и религиозной веры. Иными словами, если репрезентативные опросы стараются сохранить общенациональную пропорцию, в которой сильно верующие люди составляют не многочисленную группу, то выборка онлайн исследования была смещена в пользу сильно верующих православных.

Если сравнить соотношение долей разновоцерковленных групп православных верующих в используемых в данной работе массивах, то получатся следующие значения.

Таблица 5

Распределение православных верующих по степени воцерковленности в используемых в исследовании массивах данных

Table 5

Distribution of Orthodox believers in the degree of churching in the study used data sets

Группы по воцерковленности	«Социальная стратификация современного российского общества», 2004-2005 гг.	ESS, 2006	ESS, 2008	ESS, 2010	WVS, 2011	ESS, 2012	«Социально-политические предпочтения российского общества», 2014-2015 гг.
100%=N православных	11246	1020	1170	1308	1510	1142	2735
Не посещаю религиозных служб	37,9	17,4	13	14,8	20,7	11,2	2,4
Раз в год и реже	26,4	32,3	30,6	29,4	25,5	28,1	16,7
Несколько раз в год	26,3	28,5	30,9	32,1	36,8	35,6	24,7
Раз в месяц	6,5	15,1	17,4	15,3	12,4	17,7	25,4
Каждую неделю	2,8	6,8	8,1	8,5	4,6	7,4	30,8

В интернет опросе наиболее воцерковленная группа представлена 30,8% православных респондентов, в то время как в остальных выборках их доля колеблется от 2,8% до 8,5%. Можно предположить, что малая наполненность группы сильно воцерковленных верующих в репрезентативных опросах (в выборке «Социальная стратификация...» таковых 315 человек, в ESS2006 г. – 70, в ESS2008 г. – 95, в ESS2010 г. – 111, в WVS2011 г. – 70,

в ESS2012 г. – 85) способствует искажению представлений о политических предпочтениях данной группы православных. В то время как акцентуация внимания именно на православных, посещающих службы (храмы) каждую неделю (в выборке интернет опроса таковых 843 человека), может давать в большей степени приближенные к реальности результаты.

Кроме того, в используемых массивах сильно различается доля верующих, харак-

теризующихся высокими показателями *силы веры*¹. Сложность определения доли данной категории верующих заключается в том, что в разных исследованиях используются различные формулировки вопросов, операционализирующих данный показатель, а также различные шкалы исчисления.

Так в опросе «Социальная стратификация...» задавался вопрос «Насколько важна религия в Вашей жизни?» и давалась шкала из четырех пунктов: очень важна – скорее важна – скорее не важна – совсем не важна. В волнах ESS задавался вопрос «Насколько религиозны человеком Вы себя считаете?» и предлагалась шкала из 11 пунктов (от 0 – «совсем не религиозен» до 10 – «очень религиозен»). В исследовании WVS респондентам предлагалось выбрать ответ из трех альтернатив «Независимо от того, посещаете ли Вы религиозные службы или нет, вы...? – религиозный человек/нерелигиозный человек/атеист?». В интернет исследовании «Социально-политические предпочтения российского общества» респондентам задавался вопрос «Какую роль в Вашей жизни играет религия?», подразумевающий один из четырех вариантов ответа: очень

важную – довольно важную – не слишком важную – не играет никакой роли.

Имеющиеся данные массива WVS не позволяют выявить долю верующих, характеризующихся высокими показателями силы веры, так как имеющиеся варианты ответов делят православных респондентов только на людей, считающих себя: религиозными (75,7%), не религиозными (22,8%) и атеистами (1,5%). Подчеркнем, что среди лиц, идентифицирующих себя как православные верующие в массиве WVS 2011 г. 22,8% не считают себя религиозными, а 1,5% позиционируют себя как атеистов (православных атеистов).

Дискуссионным является вопрос о том, какие варианты ответов из одиннадцати пунктной шкалы ESS (от 0 до 10) считать близкими варианту ответа «очень важна», то есть какой ответ считать маркером высокого показателя силы веры? В данной работе был использован самый не строгий метод пересчета, и шкала из 11 пунктов была перекодирована в 5 пунктов следующим образом: «0-2» – совсем не важна, «3-4» – скорее не важна «5» – 50/50, «6-7» – скорее важна, «8-10» – очень важна.

Таблица 6

Доля верующих, характеризующихся высоким показателем силы веры в используемых в исследовании массивах данных

Table 6

The share of believers, characterized by high levels of faith in the strength used in the study data sets

%	«Социальная стратификация современного российского общества», 2004-2005 гг.	ESS, 2006	ESS, 2008	ESS, 2010	WVS, 2011	ESS, 2012	«Социально-политические предпочтения российского общества», 2014-2015 гг.
100%= N православных	11246	1020	1170	1308	1510	1142	2735
Доля сильно (очень) религиозных	17,1	21,2	21	24,7	-----	21,9	50,2

1 Сила (глубина, степень) веры/духовности – это степень проникновения религиозных убеждений в сознание человека; важность веры в высшую силу и споспешествующие ей явления; убежденность в том, что сверхъестественные силы могут повлиять на жизнь человека.

Данное измерение может операционализироваться через такие вопросы, как: насколько вы религиозны? насколько, для вас важна религия? верите ли вы в рай и ад, жизнь после смерти и т.п.?

Даже если приравнять варианту «религия очень важна» сумму из вариантов ESS (8+9+10), то получится, что в интернет опросе почти на 30% больше верующих, характеризующихся высокими показателями силы веры. Сообразно с вышеизложенным, массивы различаются по соотношению долей и глубоко воцерковленных, и сильно верующих православных.

Не исключено, что трансформация параболы образной формы связи в монотонно возрас-

тающую функцию связана именно с тем, что в выборке онлайн опроса содержится большое количество сильно верующих православных. Сила веры также может быть взаимосвязана с электоральными предпочтениями верующих. Что бы это проверить необходимо посмотреть, различается ли поддержка «Единой России» среди православных, характеризующихся различными степенями *силы веры*?

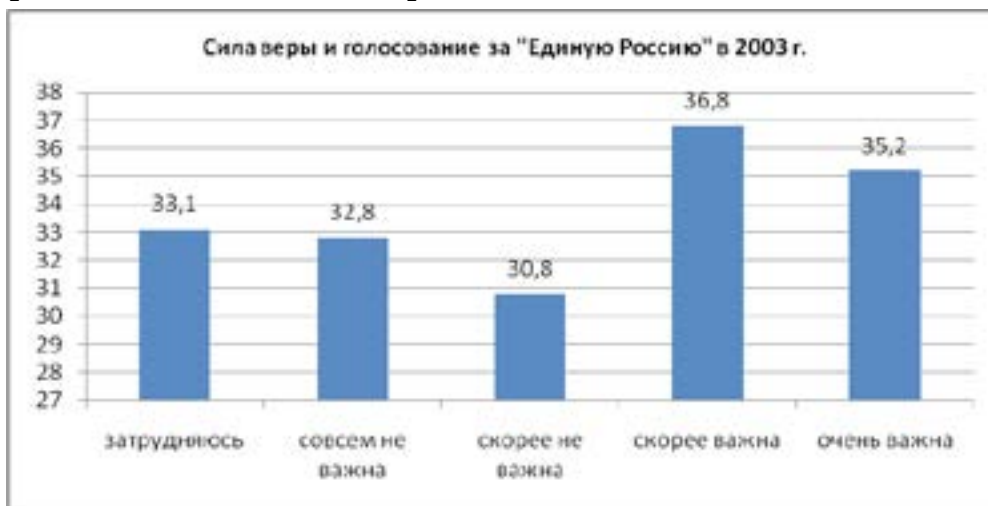

Диаграмма 9. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве «Социальная стратификация современного российского общества», 2004-2005 гг.

Diagram 9. The power of faith and vote for the "United Russia" in the array of "social stratification of modern Russian society," the 2004-2005

Анализ массива «Социальная стратификация...» позволяет сделать вывод о том, что православные верующие, для которых религия «очень важна» и «скорее важна» голосуют за «Единую Россию» чаще, чем верующие, для которых религия скорее не важна и совсем не важна (35,2% и 36,8% против 30,8% и 32,8% соответственно). Иными сло-

вами, верующие, характеризующиеся высоким показателем силы веры, чаще поддерживают «Единую Россию», чем верующие с менее высокими показателями силы веры. При этом те, для кого религия «очень важна» электорально поддерживают «Единую Россию» чуть меньше чем те, для кого религия «скорее важна» (35,2% и 36,8%).

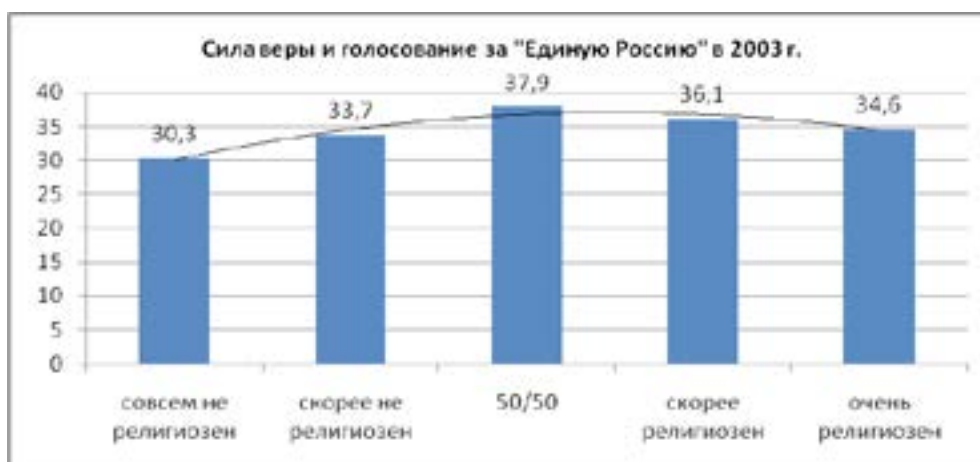

Диаграмма 10. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве ESS, 2006 г.

Diagram 10. The power of faith and vote for the "United Russia" in the array ESS, 2006

Из массива ESS2006 г. следует, что наибольшую поддержку «Единой России» оказывают граждане, выбравшие в оценивании своей веры промежуточный вариант между «очень религиозен» и «совсем не религиозен» – «50/50» (37,9%). При этом «очень ре-

лигиозные», чаще голосуют за «Единую Россию», чем «совсем не религиозные» (34,6% и 30,3%), а «скорее религиозные» чаще, чем «скорее не религиозные» (36,1% и 33,7%). В целом распределение долей верующих напоминает параболаобразную функцию.

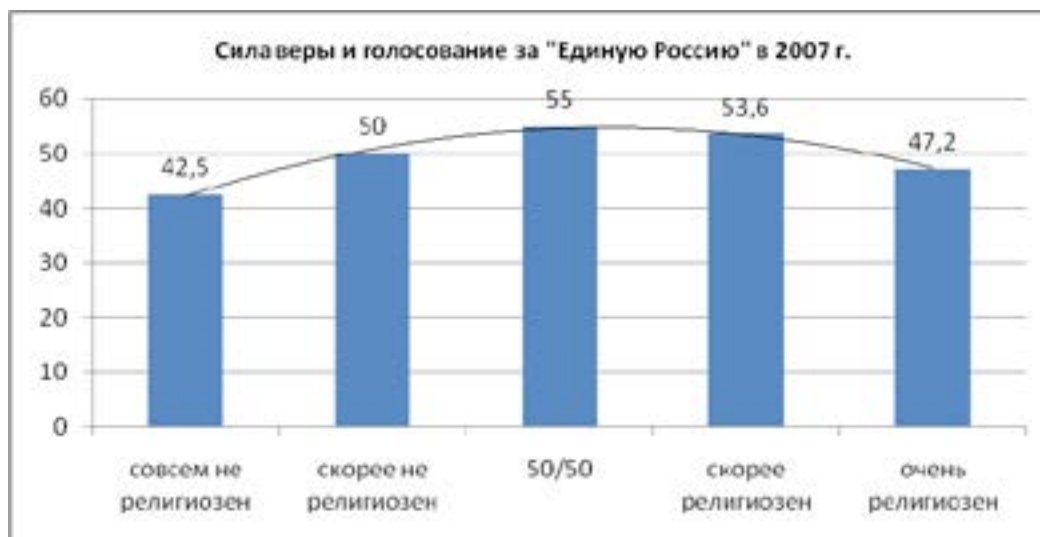

Диаграмма 11. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве ESS, 2008 г.

Diagram 11. The power of faith and vote for the “United Russia” in the array ESS, 2008

Массив ESS2008 г. демонстрирует аналогичную картину, выявленную на материалах 2006 г. – наивысшая поддержка «Единой России» среди людей, оценивших силу своей веры как пограничное состояние между «очень религиозен» и «совсем не религиозен» (55%). С увеличением силы веры от «со-

всем не религиозен» до «50/50» поддержка «Единой России» увеличивается, а с «50/50» уменьшается, но при этом «скорее религиозные» поддерживают «партию власти» больше, чем «скорее не религиозные» (53,6% и 50%), а «очень религиозные» больше, чем «совсем не религиозные» (47,2% и 42,5%).

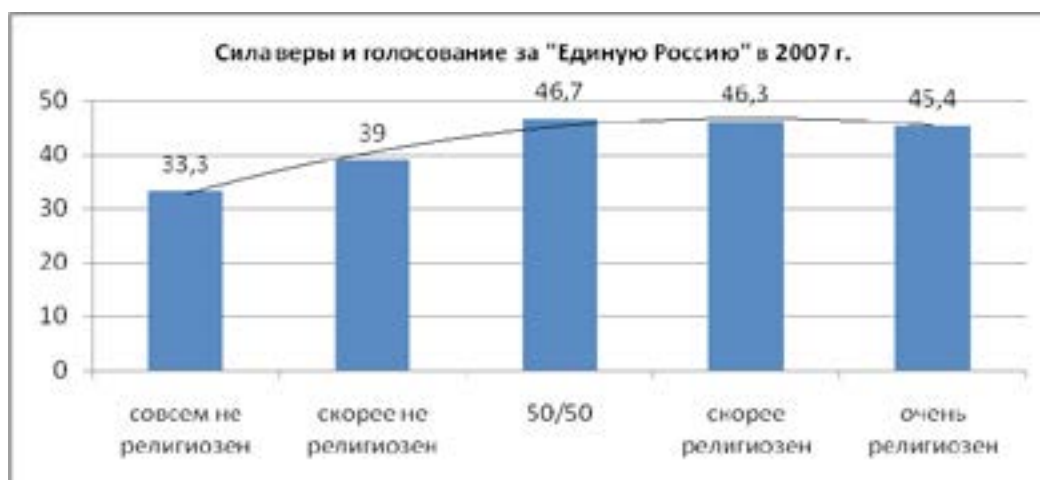

Диаграмма 12. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве ESS, 2010 г.

Diagram 12. The power of faith and vote for the “United Russia” in the array ESS, 2010

Анализ массива ESS2010 г. отображает распределение электоральной поддержки «Единой России» среди православных верующих, деленных на группы в зависимости от степени религиозности, симулятивно распределениям, полученным на материалах опросов ESS 2006 и 2008 гг. Вместе с тем, необходимо от-

метить, что разрыв между поддержкой «Единой России» среди граждан, оценивающих свою религиозность как пограничную между двумя полюсами, и поддержкой партии «Единая Россия» среди «скорее религиозных» и «очень религиозных» сократился до минимума (0,4% и 1,3% соответственно).

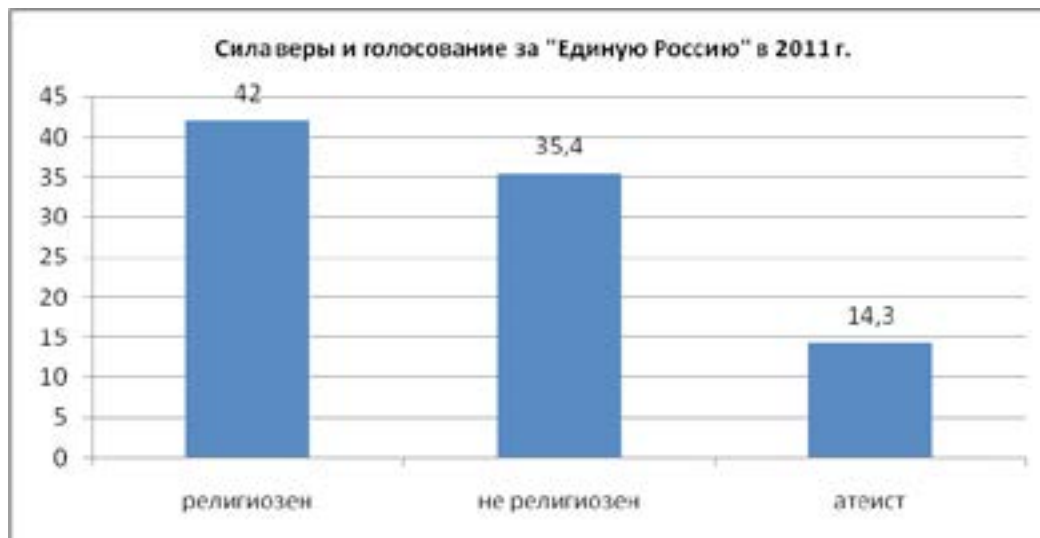

Диаграмма 13. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве WVS, 2011 г.

Diagram 13. The power of faith and vote for the "United Russia" in the array of WVS, 2011

Формулировка вопроса и возможные варианты ответов в WVS отличаются от ESS, что существенно осложняет процесс сопоставления результатов опросов и их интерпретации. Полученное на материалах опроса

WVS2011 г. распределение свидетельствует в пользу того, что «религиозные» православные чаще голосуют за «Единую Россию», чем «не религиозные» (42% и 35,4%).

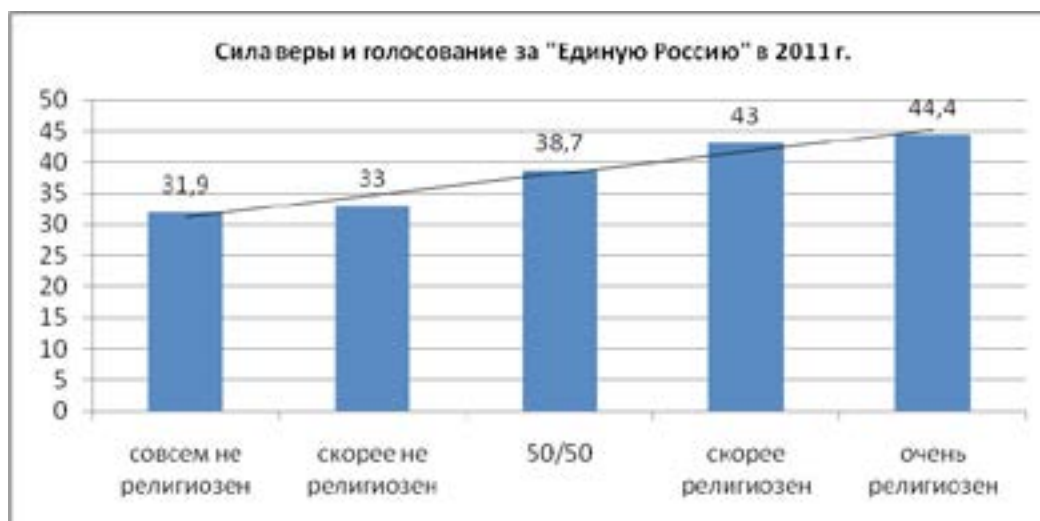

Диаграмма 14. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве ESS, 2012 г.

Diagram 14. The power of faith and vote for the «United Russia» in the array ESS, 2012

Тот факт, что предмет изучения не является статичным, подтверждается результатами анализа массива ESS2012 г. Если распределения, полученные на более ранних массивах (ESS 2006, 2008, 2010 гг.), могли быть описаны функциями в виде выпуклой параболы, то распределение в 2012 г. отображается как монотонно возрастающая функция. Увеличение степени силы веры сопровождается увеличением электоральной поддержки, оказываемой партии «Единая Россия» на федеральных парламентских выборах 2011 г. При этом группа «очень религиозных» верующих демонстрирует наивысшую поддержку «Единой России» (44,4%).

Трансформация, с одной стороны, могла быть вызвана изменением контекстуальных

условий – 21 февраля 2012 г. панк-группа «PussyRiot» совершила политическую акцию в Храме Христа Спасителя, вызвавшую широкий общественный резонанс и консолидацию около церковной публики. Однако с другой стороны – тенденции к трансформации тенденции были выявлены еще на основании анализа массива ESS2010 г., что может свидетельствовать о глубинных изменениях, происходящих в сознании «скорее религиозных» и «очень религиозных» православных верующих. Одной из причин данной трансформации может являться проправославный политический курс, проводимый российским государством при президентстве Д.А. Медведева.

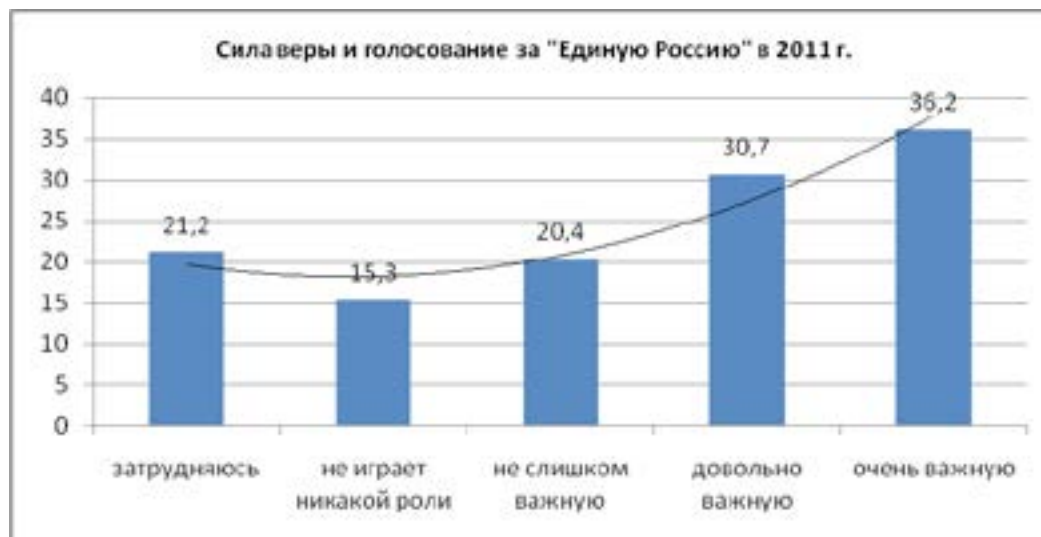

Диаграмма 15. Сила веры и голосование за «Единую Россию» в массиве «Социально-политические предпочтения российского общества», 2014-2015 гг.

Diagram 15. The power of faith and vote for the "United Russia" in the array «Socio-political preferences of Russian society», 2014-2015

Результаты анализа массива интернет опроса также являют наличие различий в поддержке «Единой России» среди групп православных верующих с разной степенью силы веры. Более того, результаты опроса свидетельствуют о возрастании доли голосов, отданных за «Единую Россию» по мере увеличения степени силы веры среди православных верующих, что соотносится с результатами анализа массива ESS2012 г.

Таким образом, были выдвинуты предположения о том, что причина трансфор-

мации парабола образной тенденции электоральной поддержки «Единой России» среди разно воцерковленных православных верующих может заключаться в специфике нерепрезентативной выборки, а именно в двух ее принципиальных отличиях от репрезентативных выборок – возрасте респондентов и элементах их религиозности. Однако анализ политических предпочтений православных стандартизированных по возрасту не позволяет сделать однозначных выводов о наличии в среде молодых православных

большей поддержки «Единой России», чем среди православных, находящихся в старших возрастных когортах. Поэтому утверждать о том, что именно смещение выборки по возрасту трансформировало парабола образную форму связи не допустимо

Вместе с тем, значительная часть респондентов, попавших в выборку интернет опроса, характеризуется высокими показателями силы веры, в то время как в репрезентативных опросах доля группы подобных православных существенно меньше. Анализ используемых в работе массивов продемонстрировал, что группы верующих, характеризующиеся разными показателями по силе веры, в разной степени голосуют за «Единую Россию». Соответственно, наличие в выборке большой доли глубоко верующих православных могло повлиять на трансформацию парабола образной функции в монотонно возрастающую.

Второе обоснование расхождения полученных результатов заключается в том, что методы сбора данных и формулировки вопросов в опросах не значительно различаются. Так массивы для репрезентативных опросов проводились при помощи метода личного формализованного интервью, то есть в оффлайн режиме, в то время как проведенные автором замеры – в онлайн режиме [2].

Также привлекает внимание и факт наличия различных формулировок вопросов, через которые определяется степень воцерковленности. В онлайн исследовании респондентам задавался вопрос «Как часто Вы посещаете храм (церковь, мечеть, синагогу, дацан)?», а в оффлайн опросах «Как часто Вы посещаете религиозные службы?». Тем не менее, изменение формулировки не отразилось ни на смысловом содержании вопроса, ни на его интерпретации респондентами, так как в процессе апробации вопросника было установлено, что респонденты не видят разницы между посещением религиозных служб и храмов. Минутное посещение церкви, взятие в храме «святой воды» и визит в часовню, ради установления свечей, воспринимается верующими респондента-

ми как «посещение религиозной службы». Кроме того, даже уточняющий вопрос верующему о том, «Как часто он посещает не храмы вообще, а именно религиозные службы (вечерня, утренняя, литургия)?» не позволяет получить точную информацию о частотности посещения служб.

В качестве **третьего обоснования** расхождения результатов проведенного онлайн опроса с итогами более ранних исследований выступает изменение контекстуальных условий. Опираясь на данные социологических опросов «Левада Центра» можно утверждать, что массовое сознание россиян претерпело на себе кардинальные изменения после аннексии российскими войсками полуострова Крым и эскалации военных действий на территории Юго-Востока Украины. Совокупное влияние на мировосприятие россиян военных «побед» России, усиленное пропагандистскими материалами, отразилось в патриотической мобилизации населения, обострении чувства национальной гордости, усилении уверенности в наличии у России «кольца врагов» и т.п.

Негативная консолидация россиян против сконструированного образа нового врага (так называемой, «фашистской» угрозы) трансформировала политические предпочтения россиян. Общество сплотилось и на время забыло о существовании ряда нерешенных властями внутренних проблем (положение представителей северокавказских республик, миграционная политика, идеолого-мировоззренческая поляризация общества («патриоты» и «пятая колонна»), коррупция), что нашло выражение в повышении лояльности существующей власти.

Под влиянием «Крымнаш» многие россияне переосмыслили свое отношение к существующей власти в целом и к правящей партии в частности, многие поддались влиянию искусственно создаваемого пропагандистскими материалами «большинства» [3], которое поддерживало действия российских властей, и, отвечая на вопрос о голосовании в 2011 г., давали не соотносящиеся с их реальным выбором ответ (эффект «спирали молчания» [4]). «Проявлением спирали

молчания можно считать ситуацией, когда люди, проголосовавшие скажем, за определенную партию или определенного кандидата в опросах на выходе из избирательного участка (так называемых эксит-полах) и вообще в разговорах после выборов называют другую партию или другого кандидата» [5, с. 145].

Можно сказать, что в конце 2014 начале 2015 гг. (в период фактического ведения боевых действий между РФ и Украиной) в России поддержка политической силы, находящейся у власти, стала социально желательной (одобряемой обществом), ввиду чего респонденты стали скрывать собственное мнение, если оно отлично от мнения «большинства», во избежание социальной изоляции и преследований (проявление конформности). «Федеральные выборы для значительной части населения связаны с подтверждением преданности российской политической традиции. Это – область «высшего», в чем-то даже трансцендентного. Здесь остается немного места частным представлениям и интересам, они приносятся в жертву всеобщему Единению» [6, с. 183], чувству целостности и желанию к нему принадлежать.

В наибольшей степени влияние «Крымнаш» отразилось на наиболее воцерковленной группе православных верующих, для которых характерно гипертрофированное восприятие идентификационных элементов и компонентов традиционалистского мировоззрения, свойственного православному сообществу. При этом природа этого влияния в группе сильно воцерковленных имеет иной характер, это не просто эффект спирали молчания. Определенная доля православных верующих, посещающих храмы «каждую неделю», квалифицируется зашкаливающими патриотическими настроениями, проецирующимися в желании видеть Россию «сильной державой» и чувствовать гордость за принадлежность к большому сообществу. Для них умеренная политика властей была главным объектом критики, власть критиковалась за нерасторопность и недостаточный патриотизм.

Однако «Крымнаш» дал «патриотически настроенным» православным верующим искомое, восполнил их притязания на статус сверхдержавы, что в свою очередь трансформировало политические предпочтения данной группы. Грубо говоря, «радикалам» дали то, что они хотели – «победоносную войну», и это изменило их отношение к власти предрежающим. В результате, отвечая на вопрос о том, за кого они голосовали в 2011 г. такие респонденты отвечают, что голосовали за «Единую Россию», хотя их реальное поведение и предпочтения в 2011 г. были иными.

Сообразно с вышеизложенным, автором были рассмотрены три возможные причины наличия разногласий в результатах, полученных при анализе распределения электоральной поддержки «Единой России» среди разно воцерковленных православных верующих, на репрезентативных и нерепрезентативной выборках.

Наиболее вероятными причинами, повлиявшими на трансформацию параболы образного формы связи, являются: наличие в выборке значительной доли православных верующих, характеризующихся высокими показателями силы веры, а также влияние контекстуальных условий («Крымнаш») на восприятие респондентами правящей партии.

Высоковероятно, что под воздействием «Крымнаш» изменился характер самой связи – наиболее воцерковленные православные верующие, стали активнее поддерживать «Единую Россию» как десницу правящей власти.

Заключение

Таким образом, для того что бы выяснить, сохраняется ли парабола образная связь между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих в иных контекстуальных условиях, характеризующихся отличным состоянием общественно-политических предпочтений россиян («Крымнаш»), в 2014-2015 гг. в сети Интернет был проведен нерепрезентативный опрос.

В результате анализа данных онлайн опроса была выявлена трансформация ранее зафиксированной между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих формы связи. Парабола образная функция сменилась на монотонно возрастающую – наиболее воцерковленная группа православных оказала «Единой России» наибольшую поддержку, в то время как менее воцерковленные группы православных сохранили свои позиции по отношению к данной партии.

Не репрезентативность данных, на которых было выявлено изменение формы связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных, не позволяет экстраполировать данный результат на генеральную совокупность, поэтому невозможно однозначно утверждать, что трансформация формы связи реально произошла. Тем не менее, можно предположить причины выявления монотонно возрастающей функции в двух полярных случаях.

Если в реальности между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных сохранилась парабола образная форма связи, то факт выявления монотонно возрастающей функции может быть объяснен не репрезентативностью выборки интернет опроса, проведенного в 2014-2015 гг. В выборке онлайн опроса доля верующих с высокими показателями *силы веры* оказалась существенно больше, чем доля аналогичных респондентов в репрезентативных опросах, проведенных до аннексии полу-

строва Крым. При этом верующие с высокими показателями силы веры демонстрируют большую лояльность «Единой России», чем православные с менее высокими показателями силы веры (однако данная взаимосвязь не статична; тенденция к ее появлению была выявлена на материалах ESS2010 г., и сама она зафиксирована на данных ESS2012 г.).

Если изменение формы связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих действительно произошло, то причина данной перемены может заключаться в трансформации контекстуальных условий. Под воздействием «Крымнаш» наиболее воцерковленная группа православных кардинальным образом переменила свое отношение к «Единой России» и, отвечая в 2014-2015 гг. на вопрос о том, за кого они голосовали в 2011 г. респонденты указывали, что голосовали за «Единую Россию», хотя их реальное поведение и предпочтения в 2011 г. были иными.

В заключение необходимо отметить, что предположение о трансформации формы связи между воцерковленностью и электоральными предпочтениями православных верующих под воздействием изменившихся контекстуальных условий требует дополнительного изучения и проверки на репрезентативных данных, что планируется осуществить в дальнейшем по мере появления соответствующих массивов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богачев М.И. Взаимосвязь степени воцерковленности и политических предпочтений православных верующих // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. №4. С. 193-216.
2. Девятко И.Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн исследования в России 2.0 / Под редакцией Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17-30.
3. Титков А. Три России: из кого на самом деле складывается «путинское большинство». URL: <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/31/03/2015/551a40189a79477151f9b609> (дата обращения: 05.04.2015).
4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
5. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М., СПб.: Университетская книга, 2013. 237 с.
6. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М.: РОССПЭН, 2011. 318 с.

REFERENCES:

1. Bogachev M.I. The correlation apartment to the church and political preferences of orthodox believers. Bulletin of the Perm university. Series: Political science. 2014. №4. Pp. 193-216.
2. Deviatko I.F. Online of research and methodology of social sciences: the new horizons new (and not so new) difficulties. Online Research in Russia 2.0. Moscow: RITs «North-east», 2010. Pp. 17-30.
3. Titkov A. Three Russian: of whom is actually composed «Putin majority». URL: <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/31/03/2015/551a40189a79477151f9b609> (date of access: 05.04.2015).
4. Noel-Neumann E. Public opinion. Opening of the spiral of silence. Moscow: Progress Academy, Whole World, 1996. 352 p.
5. Ionin L.G. Rise of minorities. Moscow; SPb.: University book, 2013. 237 p.
6. Citizens and political practicing in modern Russia: reproduction and transformation of the institutional order. Moscow: ROSSPEN, 2011. 318 p.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-24-28

*Клинецкая Н.В.***МОЛОДЕЖЬ,
ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ, РЕЛИГИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)****Клинецкая Нина Васильевна,***кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры социологии
молодежи и молодежной политики факультета социологии**Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Смольного, д. 1/3, 9 подъезд, Санкт-Петербург, 191124, Россия
Электронный адрес: swbusoff@mail.ru***А**ННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о влиянии религиозности студентов вузов Санкт-Петербурга на представления ими жизненного успеха. В религиях понятие жизненного успеха имеет смысл, отличающийся от представлений о жизненном успехе в западном обществе. Опрос, проведенный в 2013 году кафедрой социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ в вузах Санкт-Петербурга, показал, что представления верующей молодежи о жизненном успехе отличаются от представлений атеистов. В понятие жизненного успеха верующими студентами включаются духовные элементы.

Ключевые слова: молодежь; жизненный успех; религиозность; вера; атеизм.

*Klinetskaya N.V.***THE YOUTH, LIFE SUCCESS, RELIGION
(ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH)****Klinetskaya Nina Vasil'evna, PhD in Economics, Senior Researcher,**
Department of Sociology of Youth and Youth Policy of the Department of Sociology
St. Petersburg State University,*1/3, entrance 9, Smolny st., St. Petersburg, 191124, Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru***А**БСТРАКТ

The article examines the question of the influence of the religiousness of students of St. Petersburg on their representation about life success. In religions the concept of life success has a meaning, different from the perceptions of the life success in Western society. The survey, conducted in 2013 by the department of sociology of youth and youth policy in the higher schools of St. Petersburg, showed that the representations of the young believers about the life success are different from representations of the atheists. In the concept of life success the believing students include spiritual elements.

Keywords: youth; life success; religiousness; faith; atheism.

Жизненный успех, понимаемый в социальном смысле (как правило, это – достижение каких-то конкретных материальных благ) отличается от понимания жизненного успеха в религии. Рассматривая влияние религиозности молодежи на жизненный успех, нельзя не заметить, что религиозные представления о мире определенным образом накладываются на мировоззрение человека, определяя структуру ценностей. В современных западных обществах жизненный успех играет важную роль как критерий, оценивающий человеческие достижения в жизни, и, прежде всего, его значимость обуславливается тем, что от того, что именно вкладывается в данное понятие обществом, будет и его влияние на мотивацию человеческого поведения [7]. Достижению успеха посвящено немало книг, разработаны теории и методы его достижения [4]. Поэтому важность данного понятия усиливается в связи с тем, что возникают противоречия между представлениями о жизненном успехе в обществах с различными религиозными традициями, разным социально-экономическим развитием. Если жизненный успех в обществах западной ориентации трактуется преимущественно как некий ориентир, позволяющий человеку стремиться к движению вверх по социальной лестнице, то в обществах с другим вектором развития жизненный успех может заключаться в иных смыслах.

В исламе, например, «труд – нераздельная часть религии. Тот, кто честно зарабатывает себе на жизнь, достоин наивысшей похвалы» [5, с. 182]. В приведенном отрывке речь идет о том, что человек должен поддерживать духовную жизнь в соответствии с исламскими принципами, которые ведут к успеху в этой жизни и после смерти, а исламские принципы связаны с преодолением стремления человека к материальным благам, гедонизму и поощряется стремление к жизни, согласной с волей Аллаха. Принципы включают целый набор ритуалов и практик, которые обязан выполнять каждый мусульманин. Жизненный успех, таким образом, в сознании исповедующих ислам не может быть иным, не таким, как это представлено в религиозном вероучении.

В христианстве главное достижение человека, его успех в жизни – это достижение спасения, для чего необходимо исполнение

заповедей Христа, а не достижение материальных благ, которые являются лишь сопутствующими жизни, данными от Бога. В буддизме успех – это достижение нирваны, а жизнь – стремление к ней. Можно привести много различных религиозных вероучений, в которых жизненный успех имеет совершенно иные критерии, нежели у обществ западного типа, преимущественно связанных с достижением материальных благ [2]. Однако, основное отличие понятия жизненного успеха в религиозной традиции и современном понимании как социальной нормы или ценности в рамках постиндустриального общества заключается в том, что рассматриваемое понятие является одним из механизмов, которое трансформирует общество в конкурентное, заставляя людей конкурировать, соревноваться между собой. Религиозное же понимание жизненного успеха, включающее духовное измерение, ориентировано на взаимопомощь и поддержку членов общества, организованных, как правило, в религиозные общины. Наиболее близка к современному пониманию жизненного успеха западного типа протестантская этика, которая предполагает достижения жизненного успеха в миру, ориентируя на построение достойного общества, а не только спасения души.

Наше исследование, посвященное изучению жизненного успеха в представлениях студентом Санкт-Петербурга, также включал в себя и попытку анализа влияния религиозности студентов на жизненный успех в их понимании.

Результаты проведенного опроса кафедрой социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ, (N = 500 чел.) студентов в ряде вузов Санкт-Петербурга в 2013 г, показали, что глубоко верующих среди студентов 4,5%, верующих в Бога, но не соблюдающих религиозных обрядов и правил – 47%, считающих, что существует некое духовное иррациональное начало мира – 32,7% и атеистов – 15,8%. Данная структура религиозности опрошенных студентов находится в рамках обычной структуры религиозности молодежи, полученной в ряде ранее проведенных исследований различных аспектов жизнедеятельности современной российской молодежи. Среди них в группе глубоко верующих 58,8% девушек, в группе веру-

ющих в Бога, но не соблюдающих обрядов – 57,5% девушек, верующих в духовное начало мира – 59,8% девушек и себя назвали атеистами 36,7% девушек. Это достаточно интересное соотношение степени религиозности студентов, связанное с половой принадлежностью, только подтверждает постоянно получаемые при опросах данные, свидетельствующие о том, что женщины полагают себя более религиозными, чем мужчины.

Рассматривая полученные данные связи степени религиозности и представлений студентов о жизненном успехе, можно заметить ряд некоторых характеристик, по которым они отличаются. Наиболее ярко эти различия выражаются между группами верующих, особенно глубоко верующими и атеистами. При исследовании жизненного успеха было предложено выделить наиболее значимое ядро из 19 факторов. Полученные данные свидетельствуют о том, что, по мнению верующей молодежи, жизненный успех состоит из следующих компонентов: на первом месте – «счастливая семейная жизнь» (отметили 88,2% глубоко верующих, 79,9% верующих в Бога, но не соблюдающих обряды). На втором месте – «интересная, любимая работа» (отметили 82,4% глубоко верующих, 65,9% верующих в Бога, но не соблюдающих обряды), на третьем – «материальное благополучие», важность которого в составе жизненного успеха полагает 64,7% глубоко верующих и 63,4% верующих в Бога. Те, кто считает, что есть некое духовное начало мира, ядро жизненного успеха примерно то же, но на первом месте для них «любимая интересная работа» (74,8%), на втором – «счастливая семейная жизнь» (63,8%) и на третьем – «материальное благополучие» (51,2%). Интересно, что четвертое место в ряду важнейших элементов жизненного успеха во всех группах верующих занимает «любовь». Иная картина у атеистов: жизненный успех включает в себя, в первую очередь, «материальное благополучие» (63,3%), на втором месте – «счастливая семейная жизнь» (61,7%), на третьем – «любимая интересная работа» (53,3%), на четвертом – «возможность путешествовать по миру» (41,7%). Как видим, если у верующих в представлениях о жизненном успехе доминируют ценности семьи и интересной работы, то у атеистов материальные блага преобладают. Нельзя также не отметить, что такой компонент жизненного успе-

ха, предложенный для оценки в ряду других элементов, как «искренняя вера в Бога», был отмечен 23,5% глубоко верующих, 11,2% верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов, 3,1% тех, кто считает, что существует некое духовное начало мира и 1,7% атеистов. Приведенные данные свидетельствуют, о том, что степень религиозности действительно влияет на формирование структуры жизненного успеха в представлениях студентов.

Группа глубоко верующих по ряду характеристик выделяется из групп опрошенных респондентов. Так, 41,2% из них готовы бороться за достижение жизненного успеха всю жизнь, в других группах таковых меньше (35-30%). Они более, чем респонденты других групп целеустремленны – 70% из них имеют четкие цели на длительную перспективу (10-15 лет), тогда как, например, среди атеистов такой целеустремленностью обладают только 35%. 23,5% глубоко верующих ставят себе цели только на ближнюю перспективу – недели, месяцы. Среди респондентов других групп верующих и атеистов таковых намного больше – 64-56%, Остальные респонденты по их оценкам «живут одним днем».

Как показал опрос, религиозность оказывает влияние на более оптимистичное восприятие реальности: 41,2% глубоко верующих полагают, что перспективы у России хорошие. Респонденты других групп оценили хорошие перспективы России намного пессимистичнее – только 14-11% верующих и атеистов полагают их таковыми. Также ярко влияние степени религиозности респондентов проявилось при выборе ответа «перспектив у нашей страны практически нет» на вопрос о перспективах России. Данный вариант выбрали 17,6% глубоко верующих, 32,2% верующих в Бога, 41,1% тех, кто считает, что существует некое духовное начало мира и 48,3% атеистов. Проявившаяся тенденция показывает более спокойный и светлый взгляд на действительность глубоко верующих, чем у других респондентов, особенно атеистов.

Современная молодежь и, прежде всего, студенты в большой мере ориентируются на собственные силы, преимущественно «только на себя». При этом, если среди глубоко верующих такой ответ выбрали 64,7%, то среди верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов

таковых 68,7%, среди тех, кто считает, что существует некое духовное начало мира их уже 69,6%, среди атеистов – 70%. Более чем каждый пятый (23,5%) среди глубоко верующих надеется не только себя, но и на Бога, среди верующих в Бога таковых меньше – только 5,6%, среди третьей группы верующих 0,8%. Интересно, что те, кто себя относит к атеистам, также питают надежду на Бога – их 3,3%.

Вера в Бога помогает респондентам не только более оптимистично смотреть на окружающий мир, но и более уверенно себя в нем ощущать. Среди глубоко верующих нет неудачников, при этом они с большей трезвостью подходят к оценке своей личности. Среди них 23,5% «осознают свою исключительность и неординарность» и 76,5% «считают себя не лучше и не хуже других». Верующие из других групп ощущают себя по-другому: среди них по их оценкам 5,6-5,7% неудачников, 31-33% тех, кто «осознает свою исключительность и неординарность» и 61-63% тех, кто «считает себя не лучше и не хуже других». Более других чувствуют себя неудачниками атеисты 8,3%, среди них 31,7% тех, кто «осознают свою исключительность, неординарность». Остальные (60%) – «считают, что они не хуже и не лучше других».

Приведенные данные говорят о том, что глубоко верующие более гармонично ощущают себя в окружающей реальности. 82,4% из них уже считают себя успешными людьми, находясь пока еще на этапе обучения в вузе. Например, атеисты полагают себя менее успешными: таковых среди них 77,6%, среди других верующих 72-78% успешных.

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что степень религиозности оказывает некоторое влияние на представления о жизненном успехе и возможностях его достижения. Например, 23,5% глубоко верующих респондентов «резко отрицательно» относятся к достижению целей на основе принципа «цель оправдывает средства», атеистов, способных относиться также к достижению собственных целей гораздо меньше – 15%. Однако в других группах верующих молодежь более толерантна к этому принципу – только 7,4% верующих в Бога и 12,6% из тех, кто считает, что существует некое духовное начало мира, высказались негативно.

Изучая представления о жизненном успехе современных студентов, нельзя не заметить, что мы анализируем мнения и оценки еще сравнительно молодых людей, многих из которых находят в мировоззренческом поиске, в процессе социализации и не имеющих жизненного и религиозного опыта. Тем не менее можно говорить о том, что на формирование представлений о жизненном успехе оказывает некоторое воздействие степень религиозности. На основании полученных данных мы не можем говорить о том, что жизненный успех у верующей молодежи и в частности глубоко верующей связан только с религией, с Богом, который для них важнее, нежели окружающая реальность. Жизненный успех в их представлениях, хотя и отличается от представлений атеистов, но все-таки имеет вполне реальную приземленность, включая все компоненты для проявления себя в окружающем мире. Но при этом верующие будут более целеустремленными при достижении успеха в жизни, выстраивая жизненные стратегии таким образом, чтобы в них была включена и духовная составляющая. Это важный аспект, который показало наше исследование. Нельзя также не сказать и о том, что на некоторые стороны представлений о жизненном успехе религиозность не оказывает особого влияния. Это относится к значимости для респондентов жизненного успеха – здесь нет четко выраженных тенденций, связанных с влиянием религиозности.

Таким образом, полученные данные проведенного исследования можно интерпретировать как свидетельство того, что степень религиозности студентов Санкт-Петербурга оказывает определенное позитивное влияние на их представления о жизненном успехе, проявляющееся наиболее ярко в группе глубоко верующих. Из глубоко верующих только для 41,2% жизненный успех является одной из значимых ценностей, также он значим для 35,4% верующих в Бога, для 30,6% тех, кто считает, что существует некое духовной иррациональное начало мира и для 30% атеистов. Остальные не готовы всю жизнь бороться за него, многим из опрошенных близка позиция «жить и радоваться жизни». Но при этом жизненный успех ими рассматривается как нечто необходимое, но не возведенное в ранг «жизненного успеха» по типу протестантской этики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грунт Е.В. Проблема смысла жизни в истории западно-европейской философии (от античности до конца 19 века). Челябинск: ЧИРПО, 1996. 315 с.
2. Дерек Лин. Дао успеха: Пять шагов к счастью и процветанию в древних китайских притчах / Перев. с англ. М.: ООО Издательство «София», 2011. 224 с.
3. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Жизненный успех в современном российском обществе // Вестник С.-Петербургского Университета. Сер.12. Вып. 2. 2013. С.136-143.
4. Картер-Скотт Ш. Если успех – игра, то это ее правила / Пер. с англ. П.А. Самсонов. Мн.: ООО «Попурри», 2003. 256 с.
5. Птуха А.Р., Степанов С.С. На развилке менталитетов. Действенные рецепты для инноваций, бизнеса и закона в России. СПб., Алетейя, 2010. 320 с.
6. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996, 672 с.
7. Трепакова А.В. Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи: книга для чтения по курсу «Культурология». М.: КДУ, 2007. 112 с.

REFERENCES:

1. Grunt E.V. The Problem of the Meaning of Life in the History of Western Philosophy (from Antiquity to the Late 19th Century). Chelyabinsk: CHIRPO, 1996. 315 p.
2. Derek Lin. The Tao of Success. The Five Ancient Rings of Destiny. Jeremy P. Tarcher, a member of Penguin Group (USA), 2010. 224 p.
3. Zobov R.A., Kelas'ev V.N. The Life Success in Modern Russian Society. Bulletin of St. Petersburg State University. Series12. issue 2. 2013. Pp.136-143.
4. Cherie Carter-Scott, Ph.D. If Success is Game, These are the Rules (Ten Rules for a Fulfilling Life). N.Y.: «Broadway Books», 2000. 256 p.
5. Ptukha A.R., Stepanov C.C. At the Fork of the Mentalities. The Effective Recipes for Innovations, Business and Law in Russia. Sant-Peterburg: Aleteyya, 2010. 320 p.
6. Samygin S.I., Nechipurenko V.I., Religious Studies: Sociology and Psychology of Religion. Rostov-na-Donu, 1996. 672 p.
7. Trepakova A.V. The Values of American Cinema. Genres, Images, Ideas: a book to read for the course of «Culturology». Moscow: KDU, 2007. 112 p.

УДК 316.75

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-29-35

*Крупкин П.Л.***К ВОПРОСУ О «ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ»
РФ 2: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОДЕРЖИМОГО ЛОКАЛЬНЫХ
ГОРОДСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ****Крупкин Павел Ливерьевич**, кандидат физико-математических наук, научный директор
Центр изучения современности; 2-я Мелитопольская, 5, Москва, 117623, Россия
Электронный адрес: kroopkin@mail.ru**А**ННОТАЦИЯ

Усиление «гражданской религии» в обществе может быть способом повысить уровень социальной сплочённости людей, степень инклюзивности их социальной идентичности. Гражданские религии обычно развиваются на основе рамочных культурных коллективных идентичностей места, одним из видов которых являются городские идентичности. В статье представлены результаты обобщения материала по локальным коллективным идентичностям девяти городов РФ, собранного по авторской методике.

Оказалось, что достаточно полный список структурных элементов городских идентичностей может быть представлен в следующем виде: Центральное место сообщества; Представления горожан о локальной географии, включая представления о городских окрестностях и представления о городе на карте страны и мира; Ценности, святыни, мифы самостояния горожан в разрезе представлений горожан как о городе, так и о себе; Антропологические характеристики горожан; Ритуалы единения; Пантеон героев города; Общая структура городского сообщества.

Собранный массив компонентов структурных элементов городских идентичностей может быть также переупорядочен в следующие классы: «Исторические итоги развития города», «Значимые исторические события», «Географические значимости», «Урбанистические значимости», «Антропологические значимости», «Представления горожан о своих нравах», и «Прочее».

Ключевые слова: локальная идентичность; социальная идентичность; гражданская религия.

*Krupkin Pavel***ON A «CIVIL RELIGION» IN THE RUSSIAN
FEDERATION 2: STRUCTURE OF
CONTENT OF LOCAL URBAN IDENTITIES****Krupkin Pavel**, PhD in Applied Mathematics, Science Director
Center for Modernity Studies; 5, 2-ya MelitopolskayaSt., Moscow, 117623, Russia
E-mail: kroopkin@mail.ru**А**БСТРАКТ

Strengthening a «civil religion» in the society can be a way to raise the level of social cohesion of the people, the degree of inclusiveness of their social identity. Civil religion is usually developed using a framework social identity linked to the place of living. One of such identities could be an urban identity. The article presents the results of investigation of local social identities of nine Russian cities using the author's original method.

It turned out that a fairly complete list of the structural elements of urban identities can be represented as follows: (1) Central place of the community; (2) Common imagination of local residents about the city's geography, including (2a) the urban surroundings and (2b) views of the city on the map of the country and of the world; (3) Values, relics, myths of self-confidence of urban residents in the contexts of (3a) the city as a whole, and of (3b) the citizens themselves; (4) Anthropological characteristics of residents; (5) Rituals of «being together»; (6) Pantheon of heroes of the city; (7) General structure of the urban community.

The collected array of components of the structural elements of urban identities can also be rearranged using the following classes: «Historical results of the city evolution», «Historical events», «Geographic significances», «Urban significances», «Anthropological significances», «Common imagination of the residents about their behavior, customs and attitudes», and «Different others».

Кeywords: Local identity; social identity; civil religion.

1. В рамках институционального обществоведения [2] актуальность изучения городских идентичностей РФ может быть обоснована следующим образом. Развитые общества выработали и удерживают в актуальном состоянии специфические институты, которые можно объединить термином «порядки открытого доступа» [6]. Формализация данных институтов в виде понятия «социальной спайки» (socialcohesion), действительно дает положительную корреляцию уровня «спайки» со средней производительностью труда в обществе [9, p.41]. Перефразируя это [7], можно положить, что качество социальных институтов (institutions) общества, а также и уровень развития его гражданственности, зависит от взаимодействия составляющих это общество сообществ, каждое из которых принадлежит одному из двух типов: «замкнутые» (bonding) – организованные по типу «мафий / кланов», с высоким порогом включения в свои сети доверия людей «со стороны», и «открытые» (bridging) – обеспечивающие априорное доверие участников друг к другу и к незнакомцам. При этом желательной является именно что «склонность» людей к «открытым» сообществам.

Значимость того факта, что человеческие сообщества самоорганизуются разными способами, вовлекает в рассмотрение концепцию коллективных идентичностей (socialidentities) [2, с. 122], свойства которых и определяют качества объединяемых собой сообществ.

Возникает гипотеза, что «раскрытие» сообществ / солидарностей / доверия людей можно осуществить на основе развития рамочной коллективной идентичности, связанной с местом проживания людей. Одним из этапов этого является подчинение ей / включение в нее большинства «замкнутых» коллективных идентичностей данного места. Данная гипотеза среди прочего опирается на обобщение исторических фактов важности городов для развития гражданственности в Европе. В этом плане и возникает интерес к конкретным городским идентичностям в РФ, при этом в число первых проблем выходит развитие системы категорий для описания актуально действующих городских идентичностей.

2. Эмпирические исследования [1-3-5] дают достаточно полный список структурных элементов городских идентичностей в следующем виде:

1. Центральное место сообщества.
2. Представления горожан о локальной географии.
 - 2.1. Представления о городе и его окрестностях.
 - 2.2. Представления о городе на карте страны и мира.
3. Ценности, святыни, мифы самостояния горожан.
 - 3.1. Представления о городе.
 - 3.2. Представления о себе.
4. Антропологические характеристики горожан.
5. Ритуалы единения.
6. Пантеон героев города.
7. Общая структура городского сообщества.

Для каждого конкретного города каждый из этих элементов «наполняется» локальными компонентами, причем данные компоненты по своей распространенности / эмоциональной наполненности тоже же выстраиваются в иерархии. В таких иерархиях компонентов оказывается вполне достаточным фиксировать 1-й и 2-й ряды по значимости, дальнейшая же детализация зачастую не имеет смысла.

3. В соответствии с разработанной структурой были исследованы городские идентичности восьми городов РФ: методом полуструктурированного экспертного интервью – Белгорода, Владимира, Нижнего Новгорода, Иркутска и Хабаровска [3], Ростова на Дону и Ярославля [4] и Рязани [5]; методом дискуссионных фокус-групп (по пять в каждом городе, за исключением Белгорода) – Белгорода, Владимира, Смоленска и Ярославля [1, 8]; в последних трех городах были также проведены репрезентативные опросы¹.

Интервью и опросы велись в соответствии с планами, составленными на основе структу-

¹ Работа «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ: Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля» была выполнена совместно с Исследовательской группой ЦИРКОН при финансовой поддержке гранта от Президента РФ (распоряжение от 17.01.2014 №11), полученного через Фонд ИСЭПИ (ОГРН 1037728040206). Отчет – [8].

рирования вербального содержимого локальных идентичностей, описанного выше в п.2.

Оказалось, что компоненты структурных элементов городских идентичностей могут быть также перегруппированы в следующие классы: «Исторические итоги развития города», «Значимые исторические события», «Географические значимости», «Урбанистические значимости», «Антропологические значимости», «Представления горожан о своих нравах», и «Прочее» (см. Приложение, где представлены основные мемы¹ – компоненты структурных элементов, обнаруженные в дискуссиях).

При большом желании из класса «Прочее» можно еще выделить классы «Промышленные значимости» и «Культурные значи-

мости», однако данные классы проявляются далеко не во всех исследованных городах, что ставит под вопрос их универсальность.

4. Попытки вычленения невербального содержимого локальных городских идентичностей, предпринятая на основе соответствующего анализа экспертных интервью и дискуссий в фокус-группах, оказались в общем-то неуспешными. Достаточно активным проявил себя лишь «толерантный комплекс», который явно блокировал презентацию и обсуждение участниками дискуссий своего различия сообществ «чужих» в городе. Однако, поскольку данный комплекс достаточно универсален, и совершенно неакцентован в городских контекстах, то его скорее следует отнести к содержанию общестрановой идентичности.

10 Мем – смысловая единица, передаваемая в человеческой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Истомин А.Г., Лебедев С.Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Серия «Социология и управление». 2015. № 2 (4). С. 13-21.
2. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010. 568 с.
3. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.
4. Крупкин П.Л. К вопросу о «гражданской религии» РФ: локальные идентичности Ростова-на-Дону и Ярославля // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. С. 257-261.
5. Крупкин П.Л., Морозова О.С. Рязанская локальная идентичность. // Центр изучения Современности (сайт). URL: <http://modernity-centre.org/2014/11/14/kroopkin-morozova-101/> (дата обращения: 25.07.2015)
6. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: «Ad Marginem». 1996. 287 с.
8. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. Отчет. М.: ЦИРКОН, 2015. 94 с.
9. Social Cohesion Radar: An international comparison of social cohesion / Dragolov G., Ignácz Z., Lorenz J. and oth. Blomberg: Rihn GmbH, 2013. 73p.

REFERENCES:

1. Istomin A.G., Lebedev S.D. The local identity of people living in the city of Belgorod (based on the Materials of a qualitative research). ResearchResult. A series of "Sociology and management." 2015. № 2 (4). Pp. 13-21.
2. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. Moscow: Flinta, 2010.
3. Krupkin P.L., Lebedev S.D. By the Sacred Grounds of Local Identities in Today's Russia: the Experience of Structural Analysis. Journal of Sociology. 2013. №4. Pp. 35-48.
4. Krupkin P.L. On a «Civil Religion» in Russia: Local Urban Identities of Rostov-na-Donu and Yaroslavl. Sociology of Religion in the Society of Late Modernity. Belgorod, 2014. Pp. 257-261.
5. Krupkin P.L., Morozova O.S. Urban Identity of Ryazan. Center for Modernity Studies (Web). URL: <http://modernity-centre.org/2014/11/14/kroopkin-morozova-101/> (date of access: 25.07.2015)
6. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders. Cambridge: University Press, 2009.
7. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
8. Urban Identities as a Basis for Formation of Local Solidarities. Study of Urban Identities of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl. Report. Moscow: ZIRCON, 2015.
9. Social Cohesion Radar: An international comparison of social cohesion / Dragolov G., Ignácz Z., Lorenz J. and oth. Blomberg: Rihn GmbH, 2013. 73p.

Приложение:

Альтернативная классификация компонентов структурных элементов локальной идентичности девяти городов РФ:

1. Исторические итоги развития города

Смоленск: Древность города*¹; Городские обороны*; Гнездовские курганы; Много выдающихся людей – смоляне (1)²; Город «сохранил лицо» (1).

Владимир: Древность города*; «У нас все начиналось... Потом Москва перехватила»; Достопримечательности* (Владимир-Суздальское зодчество): Золотые ворота*, Успенский собор*, Покрова на Нерли, Фрески Рублева; Владимирский централ; Владимирцы; Город «Золотого Кольца»*.

Ярославль: Исторический город*; Историческое наследие*; Город строился как купеческий; Город «кормился с Волги»; Первый в России театр*; Первая женщина-космонавт*; Архитектура, храмы, достопримечательности* (2); Город «Золотого кольца»*; Город на тысячурублевой купюре; Хоккейная команда*.

Рязань: «Рязань – это прежде всего провинция, маленький город под боком большого мегаполиса, «высасывающего» все энергичное»; Город С. Есенина и ВДВ.

Нижний Новгород: Нижегородская старина; Нижегородская «хваткость» (1): «Есть в нас определенная «хваткость», тому порукой и старорежимное купечество с мастеровыми, и советские изобретатели, конструкторы, организаторы производства, и великие медики с учеными. Мы любим творческий труд, на чем и стоим. Мы изобрели и делали корабли на подводных крыльях и экранопланы; мы двигали атомный проект, и много еще чего другого (автозавод, подводные лодки, Миги, и т.д.). Мы делали и делаем классных специалистов. Мы продолжаем творить и делать.»; Первый трамвай; Первый городской водопровод.

Белгород: Древняя земля; Могилы пав-

1 Знак (*) обозначает популярность мема среди горожан. Нерелевантен мемам городов, обследованных лишь экспертными интервью.

2 Знаки (1), (2) обозначают «пограничное расположение» мема между двумя классами.

ших в ВОВ*; Белогорье – земля многих талантов.

Ростов-на-Дону: Ворота Юга, Степь, Дон. «Ростов – это центр. Центр Степи, центр Южного региона, интеллектуальный центр. Ростов равновелик Москве, которая «где-то там», а может быть еще и круче. Гораздо ближе – т.е. постоянно «виден» – Кавказ. Где-то тут под боком есть еще и море...» (1).

Иркутск: Место ссылки – особо качественный, «отборный» человеческий материал (1)

Хабаровск: Освоение Дальнего Востока (преимущественно в советский период, 1930-е годы).

2. Значимые исторические события

Смоленск: 1812; ВОВ*; Оборона Шеина (Смутное время); Битва с Батыем / Меркурий Смоленский, Катынь, Самолет Качинского.

Владимир: Столица древней Руси*; Оборона Владимира от Батыя в 1238 г.*; Перевоз в Москву главных владимирских святынь в 1380-1390 гг.; Образование Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 1958 г.; Пожар в торговом центре «Глобус» в 2012 г.

Ярославль: Основание города Ярославом Мудрым в давние времена*; Явление иконы Толгской Богородицы; Ополчение 1612 г.; Открытие первого в городе вуза - Демидовского училища высших наук в 1803 г.; Открытие Ярославского автомобильного завода (ныне – моторный) в 1916 г.; Белогвардейский мятеж 1918 г.; Здесь нашли «Слово о полку Игореве»; Празднование 1000-летия образования города в 2010 г.; Гибель хоккейной команды «Локомотив» в 2011 г.

Рязань: –

Нижний Новгород: Нижегородское ополчение 1612 г.; Серафим Саровский; Нижегородская ярмарка.

Белгород: ВОВ (Прохоровское сражение)*; Белгородская засечная черта XVI – XVIII веков.

Ростов-на-Дону: Гражданская война.

Иркутск: Декабристы и их жены; Место ссылки (3).

Хабаровск: Освоение края: Генерал-губернаторы, советские энтузиасты.

3. Географические значимости

Смоленск: Порубежье* (1); Сердце России.

Владимир: Дальнее Подмосковье.

Ярославль: Волга*; Центр России.

Рязань: Город промеж деревней и Москвой.

Нижний Новгород: Слияние Оки с Волгой, Заволжские леса.

Белгород: Порубежье; близость Украины (Харьков) (2).

Ростов-на-Дону: Ворота Юга, Степь, Дон. Ростов – это центр. Центр Степи, центр Южного региона.

Иркутск: Байкал: Иркутск – город «в тени» Байкала.

Хабаровск: Амур (1); Тайга; Европейский город в Азии, представитель Европы в Азии.

4. Урбанистические значимости

Смоленск: Красивый центр, «у других такого нет»*; Город очень зеленый; Город «сохранил лицо» (2).

Владимир: Тихое, спокойное место*; «все близко, все рядом»*; чистый зеленый город*; уютный город*.

Ярославль: Красивый город*; Волга, волжские виды*; Архитектура, храмы, достопримечательности* (1); Очень зеленый город; Неуютный город: мало лавочек, мало урн; Город без дорог; Грязный город - кроме центра.

Рязань: В Рязани спокойно, тихо, все близко, нет суеты. При том: город серый, некомфортный, практически без зелени. Город проблемный: регулярно стоит в пробках, грязная промышленность (Нефтезавод, Кожзавод, Химволокно и др.) постоянно «пованивает».

Нижний Новгород: Нижегородский кремль, Храмы: Староярмарочный собор (архитектор Монферран), собор Александра Невского, и др.; Волга – Ока; Волжские виды.

Белгород: Диарама «Прохоровское поле»*; Университет; Князь Владимир (памятник).

Ростов-на-Дону: Центр с его старой архитектурой, Набережная Дона, Нахичевань; «Первоконники», «львы» возле банка в цен-

тре города, другие памятники в центре; Левбердон.

Иркутск: Центр Иркутска: ул. Карла Маркса с окружением, Центральный рынок; набережная Ангары. Также значим и так называемый 130-й квартал – место тусовок горожан.

Хабаровск: Набережная Амура, бульвары, ул. Муравьева-Амурского, другие улицы центра. Также народ любит городские пруды.

5. Антропологические значимости

Смоленск: Диалект*; Свое городское арго; Много выдающихся людей – смоляне (2).

Владимир: Свое городское арго*.

Ярославль: Ярославцы от других отличаются говором* – протяжный, окают; Свое арго; Эстетика очень важна – заметная часть мироощущения горожан (1); «Ярославны – самые красивые»*

Рязань: Обычные люди (1).

Нижний Новгород: Люди творческого склада: мастеровые, ученые, врачи, предприниматели.

Белгород: Крепкие надёжные служивые люди; Белогорье – земля самых красивых девушек.

Ростов-на-Дону: Южная пестрота, закрученная вокруг двух равновеликих центральных общин – русских и армян; Раки; Марихуана; Самые красивые девушки.

Иркутск: Позы (блюдо бурятской кухни); Самые красивые женщины; Свободолюбие (1); Место ссылки – особо качественный, «отборный» человеческий материал (2).

Хабаровск: «Крепкие люди» форпоста: Хабаровчане – крепкие люди, верные слову, ценящие дружбу.

6. Представления горожан о своих нравах

Смоленск: Город-герой*, город-воин*, страж Москвы*, «место, где враг ломает зубы»*; Город-феникс (2); Порубежье* (2)

Владимир: Спокойные люди*; Прижмитые; «Себе на уме».

Ярославль: Эстетика очень важна – заметная часть мироощущения горожан (2); Деловая сметка, торговая жилка, хваткость:

досоветское «Ярославец»; Потребители культуры.

Рязань: Спокойные люди; Обычные люди (2).

Нижний Новгород: Творческий труд; Нижегородская «хваткость» (2): «Есть в нас определенная «хваткость», тому порукой и старорежимное купечество с мастерами, и советские изобретатели, конструкторы, организаторы производства, и великие медики с учеными. Мы любим творческий труд, на чем и стоим. Мы изобрели и делали корабли на подводных крыльях и экранопланы; мы двигали атомный проект, и много еще чего другого (автозавод, подводные лодки, Миги, и т.д.). Мы делали и делаем классных специалистов. Мы продолжаем творить и делать.»

Белгород: Порубежье (1); Белгородцы – надежные служаки; Люди «себе на уме»; Энергичные, деловые, инициативные; Любят пафос и показуху.

Ростов-на-Дону: «Ростовчане – народ «себе на уме», ушлый, хитрый, хваткий, предприимчивый, «на ходу подметки режут». Ростовчане – люди деловые, самодостаточные, могут все «разрулить», решить любую проблему. Ростовчане знают, что извне их считают чрезмерно агрессивными и жесткими, и прощают внешним людям такое недопонимание.»

Иркутск: Свободолюбие (2); «Центральность» положения.

Хабаровск: Временная служба на форпосте; Жизнь «в тайге»; Надежность, верность слову.

7. Прочее

Смоленск: Картинная галерея; Музей Тенишевой, другие музеи; Театры; Кинофестиваль; Развитие туризма; Город достойный лучшей доли (бесхозность); Начальство – чужие; Город-феникс (1); Город-ключ*, Город-дверь*; Ворота в Россию*, Щит России* (1).

Владимир: Фестивали (Владимирская вишня, Суздальский огурец, др.); Промышленность и ее продукция: трактора, автопанели, и т.д.; В России нас все знают; Суздаль*.

Ярославль: Город культуры; Хорошие музеи; Театры; Снято много фильмов; «Афоня»; Много разных фестивалей; Промышленный центр; Легенда о Медведе.

Рязань: Константиново.

Нижний Новгород: Дивеевский монастырь, Макарьевский монастырь.

Белгород: Чистота города.

Ростов-на-Дону: Вертолетный завод («Роствертол») и Ростсельмаш – символы индустриальной эпохи; «воспоминание о прошлом» – Университет (РГУ – Ростовский государственный университет – был очень славен, но слава увы была утрачена при преобразовании его в ЮФУ – Южный федеральный университет).

Иркутск: Бабр.

Хабаровск: –

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-36-42

Лисина О.В.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ****Лисина Ольга Васильевна,***ассистент кафедры государственного муниципального управления и социологии
факультета промышленной политики и бизнес-администрирования*

Казанский Национальный Исследовательский Технологический Университет

ул. Ямашева, д. 89, кв. 68, Казань, 420126, Россия

Электронный адрес: socio-olga@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Проанализированы социокультурные особенности витального поведения верующей студенческой молодежи. Выявлен культурно-детерминируемый устойчивый образец здоровья православного студенчества Казанского национального исследовательского технологического университета и Казанской духовной семинарии. Выделены приоритетные дефиниции понимания здоровья, болезни, здоровьесберегающего поведения и конкретных стратегий здоровьесориентированности.

Ключевые слова: здоровьесберегающие практики; витальная компетентность; социокультурный эталон здоровья.

Lisina O.V.

**SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS
OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR OF THE
RUSSIAN ORTHODOX STUDENTS****Lisina Olga Vasil'evna,***assistant of the department of state municipal management and sociology faculty
of industrial policy and business administration*

Kazan National Research Technological University

89/68, Yamasheva st., Kazan, 420126, Russia

E-mail: socio-olga@mail.ru

АБСТРАКТ

Аnalyzed socio-cultural features of vital behavior believing students. Identified cultural determinacy steady pattern of health orthodox students of Kazan National Research Technological University and the Kazan Orthodox Seminary. Allocated priority definitions understanding of health, disease, health-saving behavior and concrete strategies health-oriented.

Кeywords: health-practices; vital competence; social and cultural standard of health.

Долгое время здоровье совпадало с социальным конформизмом, а болезни рассматривались в теологическом контексте и лишь общество модерна с идеей управляемости, рационализации социального создало веру в то, что социум может мобилизовать свои ресурсы на борьбу с ними [1, с. 202]. В обществе Позднего Модерна трансформируется как само понимание дефиниций «здоровье» – «болезнь», так и представления о конкретных индивидуальных, социальных действиях поддержания, приумножения жизненных сил. Способы оздоровления, эталон здоровья и болезни становятся все более социокультурно обусловленными. Это подтверждается появлением целого ряда новых недугов современного общества – синдром хронической усталости, депрессия, игромания, дефицит внимания, зависимость от лайков в социальных сетях, селфимания, кризис четверти жизни, нервное истощение и т.п. Такие расстройства не следует отождествлять с отклонениями, однако они требуют особых, новых способов лечения, а вместе с тем изменений методов профилактики и реабилитации. Среди российской молодежи наблюдается распространение двух крайних форм поведения в области здоровьесбережения: 1) конструирование имиджа здорового человека (впечатление, которое индивид создает в глазах других) и образа «Я» (представления о самом себе). Чаще всего это выражается в создании видимости соблюдения основ ЗОЖ как дань моде или как самореклама, что связано с *эстетизацией* здоровья и *медиатизацией* технологий конструирования образа здоровой молодежи. Медийные когнитивные стимулы стимулируют ассоциативное мышление и вместе с тем желание современного человека выглядеть, а не быть здоровым. Например, выкладывание фотографий во время занятий спортом, фотографий в брендовой спортивной одежде, обуви, с ультрасовременными гаджетами, фото своего тела, накачанного пресса, бицепсов в Instagram, VKontakte, на Facebook и др. Помимо фотографий пользователи социальных сетей испытывают потребность выкладывать музыкальные подборки для занятий спортом, что выступает

способом самоидентификации, позволяет обозначить принадлежность к определенному спортивному направлению (стрит воркаут, капозэйро, паркур, фриран, танцы и др.); 2) гипертрофированная ориентированность на ЗОЖ – культ ЗОЖ, культ *тела*, сопровождающийся жесткими самоограничениями/нагрузками, применением быстрых способов достижения нужных форм тела (медиализация здоровья, профессиональный спорт, употребление спортивного питания, переход от традиционного питания к веганству, сыроедению), что объясняется незащищенностью перед перенасыщенностью информационного пространства, неограниченным доступом к любой информации. В этих условиях поведенческий уровень здоровьесбережения уже не рассматривается без анализа смыслового – все чаще отечественные исследователи апеллируют понятиями «витальная компетентность», «витальные ценности», «ЗОЖ-грамотность», «здоровьеориентированные стратегии».

На фоне психодуховной агрессии, несмотря на несколько декларативный характер, среди российской молодежи возрастает интерес к религии, которая выступает средством защиты от деструктивных воздействий глобального пространства, новых болезней современности, а в некоторых случаях олицетворяет общее понятие духовности. После многолетних экспериментов в поиске новых идейных ориентиров россияне вновь обращаются к православию. Эта тенденция влечет возрождение и наращивание духовно-нравственного капитала молодого поколения в РФ. Особую значимость имеет корреляция религии с образом жизни, базовыми ценностями, от которых в свою очередь зависит здоровье и отношение к нему. В научном обществе религиозный образ жизни понимают через систему нравственных норм. С социологической точки зрения такой образ жизни – это интеграция религиозных, витальных и социальных ценностей; соответствие внешних и внутренних требований – сохранение социально-активной позиции в социуме, жизнотворчество, вовлеченность и в то же время соблюдение основ веры, благочестия

и морали. Православный уклад жизни выражается и в области быта, культуры, в определенном отношении к людям, к трудовой и учебной деятельности, культуре отношения к здоровью, болезни, смерти. Здоровье с позиции православного вероучения подразумевает здоровое тело и душу, которые могут быть таковыми только при условии достаточно аскетического образа жизни, добродетельности намерений и поступков, витальных ценностей, душевного покаяния, физического труда, стремления к духовному самосовершенствованию, разумного режима питания. Исходя из того, что степень религиозности, формирующая набор вышеописанных личностных детерминант поведения, оказывает воздействие на деятельность-поведенческом уровне, мы предположили, в чем именно выражается социокультурная специфика здоровьесберегающей ориентированности молодежи.

Для изучения социокультурных особенностей обыденных представлений о практиках здоровьесбережения обратимся к материалам социологического исследования православной студенческой молодежи светского технологического и духовного ВУЗов (на примере Казанского национального исследовательского технологического университета и Казанской духовной семинарии) с общим числом респондентов – 448 студентов. В качестве методов сбора первичной информации выступили: анкетирование, интервьюирование, опрос по тесту жизнестойкости с элементами качественного анализа.

Обозначим следующие социокультурные особенности здоровьесберегающего поведения православной студенческой молодежи в сравнении со студентами с менее выраженной реализованностью религиозных традиций (учащимися в светском ВУЗе) в границах дифференцированного пространства культурно установленных полей жизнедеятельности, представленных в различии [2, с. 469]:

– в пределах модуса ценностей: 1) в антогонистической природе их смыслов (духовно-ценностные и материально-целевые), 2) различной субъектности при реализации здоровьесберегающих практик, т.е. способности быть активным в их выборе, осознан-

ности смысловых оснований этого выбора, соответствующих ожидаемому поведению и культурному фону (выраженная, конформистская);

– модуса деятельности: 3) дифференциации видов практик (традиционно-медицинские, альтернативно-медицинские, самостоятельное воспроизводство традиционно-медицинских, нетрадиционные нелегитимизированные практики, воспроизводимые с помощью «специалистов», религиозные, псевдорелигиозные, псевдоздоровьесберегающие), 4) основаниях их легитимизации (конфессиональные, рациональные), 5) характере практик – репродуктивные (цель-сохранить), потенциативные (цель-приумножить);

– модуса социализации: 6) дифференциации по уровню жизнестойкости (по индикаторам: вовлеченность, контроль, принятие риска), 7) по уровню витальной компетентности (оптимальный, управляемый, стандартизированный, базовый, повторяемый), 8) по эталону здоровья и болезни (устойчивый образец, общая схема представлений, универсалий индивидуального и коллективного опыта оздоровления в контексте конкретного социально-исторического пространства – универсальный или локальный), 9) по типу стратегий здоровьесберегающей ориентированности (сберегающе-резервирующий, придерживающийся, индифферентный, заинтересованный, декларативный, нарушающий, поддающийся, деструктивный).

Для изучения социокультурных особенностей обыденных представлений о здоровье и болезни в модусе ценностей обратимся к материалам качественного исследования, которое в дальнейшем дополним количественными данными о здоровьесберегающих практиках верующей студенческой молодежи. Метод сбора первичной информации – полужформализованное интервью с участием студентов светского и духовного высших учебных заведений. Все интервьюируемые являются верующими студентами, что было выявлено с помощью бланка-фильтра. Объект исследования в светском ВУЗе – КНИТУ (N=23), подразделялся на 2 группы,

отобранные методом «снежного кома»: православные студенты гуманитарной (N=13) и православные студенты технической специальности (N=10), из них 15 мужчин и 8 женщин. В КДС все воспитанники, учащиеся на пастырском факультете (N=21) на 1-4 курсах, лица мужского пола в возрасте от 18 до 24 лет. Посредством полужформализованных интервью было выявлено, что к положительным факторам, оказывающим воздействие на здоровье, воспитанники КДС относят образ жизни, состояние окружающей среды, тогда как студенты КНИТУ чаще всего указывают на условия учебы, труда, условия быта, экологию и значительно реже – образ жизни. К отрицательным факторам, оказывающим воздействие на здоровье, воспитанники КДС отнесли психологические перегрузки, образ жизни, реже физические перегрузки. Наиболее распространенным вариантом ответа среди студентов КНИТУ также оказались эмоциональные, психологические перегрузки, стресс. При этом в открытом вопросе практически все студенты КНИТУ и КДС отметили, что здоровье не менее чем на 70-80 % зависит от образа жизни.

Анализ качественных данных показал, что социальные представления верующих студентов о здоровье исходят из нескольких детерминирующих признаков и подходов: 1) отсутствие патологий, болезней, недугов (нормоцентрический подход); 2) нормальное, обычное состояние организма, когда здоровье подразумевает совокупность среднестатистических норм поведения (нормоцентрический); 3) целостность физического, психологического, социального благополучия (системно-холистический подход); 4) здоровье как ценность (аксиологический подход); 5) ресурс, позволяющий полноценно выполнять социальные функции (инструментальный подход); 6) баланс, гармония внутреннего и внешнего, равновесие организма и среды (адаптационный подход); 7) объяснение проблем со здоровьем объективными причинами, попытка упорядочивания социальных фактов (этнометодологический). Ни один из детерминирующих признаков не упоминался по отдельности, и многие типичные выска-

зывания респондентов интегрировали в себе несколько представленных подходов. Часть респондентов женского пола из КНИТУ связывает здоровье с его эстетической стороной. Разделим наиболее типичные высказывания на условные группы по содержанию: 1 группа – понимание здоровьесберегающих практик как отказ от чего-либо, например, от вредных продуктов, привычек и т.д.; 2 группа – здоровьесберегающие практики – это насыщение, сопровождение своей повседневной жизнедеятельности различными полезными практиками, профилактическими, укрепляющими, совершенствующими твое физическое и духовное состояние, а не только отказ от чего-либо. Эти условные группы представляют собой *сохранительные* и *оздоровительные* виды практик.

Религиозно-этические воззрения православной студенческой молодежи позволяют применять некоторые *альтернативные медицинские* практики, в том числе фитотерапию, мануальную терапию, цветотерапию, иглорефлексотерапию, музыкотерапию, гомеопатические средства (за исключением препаратов зарубежных производителей, которые могут быть связаны с аюрведической медициной и т.п.) К выявленным *легитимным* методикам православного врачевания и целения относятся: исповедь, епитимья, молитва, аскеза, таинство елеосвящения, исправление грехов, разговоры с духовным отцом, пост, причастие, а также обращение к формальной медицине. *Псевдоправославные* практики подразделяются на *нетрадиционные* здоровьесберегающие практики, осуществляемые с помощью «специалиста» или без его помощи (самостоятельное воспроизводство технологий с опорой на интериоризованный образ врача, целителя и т.п.). К ним следует относить методики, обманно изобилующие православной терминологией, но основывающиеся при этом на эзотерике, оккультном целительстве, суевериях, медитативных техниках и прочее. Тогда как для православного человека неприемлемо использовать любые биоэнергетические, магические, экстрасенсорные методы лечения, методы, сопровождающиеся активным вне-

дрением в психику человека (гипноз, аутогенную тренировку, кодирование). К псевдоправославным целебным практикам следует относить, например, оздоровление организма по методике священномученика Серафима, осуществляемое К.П. Кравченко, отрицающей формальную медицину, методику Н.Н. Антоненко и многие другие. На сегодняшний день сформирован список «Наименований изданий, не рекомендованных к распространению через системы церковной книжной сети», содержащих псевдоправославные источники.

Главной выявленной социокультурной особенностью в процессе обработки материалов интервьюирования стала *диаметральная* природа смыслов здоровьесберегающего действия студенческой молодежи с более выраженной и менее выраженной реализованностью религиозных традиций. Действительно, некоторые высказывания подтвердили, что выбор практики исходит из локального или универсального социокультурного эталона здоровья, из духовно-ценностных или материально-целевых смыслов. Духовно-ценностные смыслы проявлялись в таких своих признаках как стандартные, легитимно-одобряемые средства достижения долговременной цели, согласованность выбора практик с предполагаемыми последствиями, ожиданиями, минимальной субъектностью в пространстве реализации практик, локальностью, и, главное, репродуктивной направленностью, выражающейся в воспроизведении образца. Материально-целевые смыслы выявлялись согласно своим ключевым свойствам: потенциация-продуктивность, умножение смыслов, выраженная субъектность, направленность на решение проблемы, разнообразность, универсальность, применение как стандартных, легитимных так и нестандартных, нелегитимных способов достижения конкретной, чаще краткосрочной цели и др.

В рамках социокультурного генетического модуса социализации уровень жизнестойкости выявлялся нами с помощью методики, апробированной Ю.М. Стакиной, О.В. Шангиной [3]. Основой методики выступает

опросник С.Мадди «*HardinessSurvey*», переведенный и преобразованный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой в «Тест жизнестойкости» [4]. Опрос направлен на определение общего показателя жизнестойкости по трем ключевым индикаторам – вовлеченность, принятие риска, контроль. По индикатору «принятие риска» гуманитарии КНИТУ оказались выше нормы среднего значения – 13,91, даже с учетом стандартного отклонения – 4,39, набрав в среднем по 18,2 балла. Тогда как воспитанники КДС и студенты КНИТУ технической специальности показали средний балл – 12,0, что немного ниже нормы, согласно автору русифицированного теста жизнестойкости, и значит, эти группы студентов менее склонны к риску. Первую позицию жизнестойкости по индикаторам «вовлеченность» и «контроль» заняли студенты КНИТУ технической специальности, набравшие в среднем по 39,2 за контроль и 42,2 за вовлеченность. При этом нормальным средним значением является 37,64 балла за индикатор вовлеченности и 29,17 баллов за индикатор контроля. Достойную позицию занимают воспитанники КДС, также превысившие норму среднего балла, набрав по 39,6 баллов, незначительно отставая по индикатору вовлеченности от технических специальностей КНИТУ. Высокий уровень контроля показали воспитанники КДС, которые набрали в среднем 33,9 балла, что превышает норму среднего значения по тесту жизнестойкости. Таким образом, первую позицию по общему уровню жизнестойкости занимают студенты КНИТУ технической специальности – 93,4 балла, вторую – воспитанники КДС – 85,5 балла и третью (53,9 балла) – студенты КНИТУ гуманитарных специальностей при среднем значении нормы по тесту – 80,72 балла. Соответственно, большинство участвовавших в исследовании студентов обладают выраженной жизнестойкостью.

Базируясь на метасистемном подходе к анализу жизнедеятельности человека Яковлевой Н.В.[5], нами была адаптирована модель витальной метакомпетентности, которая представляет собой систему веду-

щих жизненных компетенций. На основе степени сформированности подобной системы выделяются пять уровней витальной метакомпетентности: базовый, повторяющийся, стандартизованный, управляемый, оптимальный. По уровню витальной компетентности первую позицию занимают студенты КНИТУ технических специальностей женского пола и студенты КДС пастырского факультета, демонстрирующие оптимальный уровень. Второй – управляемый уровень характерен для студентов технической специальности мужского пола и гуманитариев женского. Третью позицию занимают студенты гуманитарного профиля мужского пола со стандартизированным уровнем витальной метакомпетентности. Никто не показал минимальный – базовый уровень компетентности, который предполагает малоразвитые способности жизнеобеспечения, отсутствие автономности, решение проблемных жизненных ситуаций спонтанными действиями, т.е. отсутствие сформированных представлений и приемов преодоления критической ситуации. Тогда как среди студентов КНИТУ технических специальностей и воспитанников КДС выявлен более разнообразный, широкий и гибкий набор витальных жизненных компетенций. Однако данный набор еще не является системой, поскольку его элементы практически не взаимосвязаны между собой. Сравнительный анализ результатов исследования показал, что есть некоторые различия в отношении изучаемой проблемы, среди студентов КДС и КНИТУ. В частности, все респонденты положительно относятся к здоровому образу жизни, но фактически его придерживается меньшинство: 20% опрошенных студентов КНИТУ ведут ЗОЖ и 46 % в КДС, пытаются это делать – 45% в КНИТУ и 18 % в КДС. При этом имеют вредные привычки более 57% студентов КНИТУ и 6% опрошенных воспитанников КДС.

Выявлено, что здоровьесберегающие практики студентов гуманитарной специальности КНИТУ наиболее разнообразны, к ним относятся оздоровительные медицинские, легитимные, нетрадиционные практики, духовные практики оздоровления и различные способы самолечения. Здоровьесберегающие практики воспитанников КДС определены религиозным мировосприятием: православные, псевдоправославные практики оздоровительной и сохранительной направленности, легитимные. Студенты технической специальности КНИТУ чаще всего применяют оздоровительные практики, нацеленные на приумножение ресурсов здоровья, такие как – медицинские, легитимные и реже – нетрадиционные. Доминирующим подходом к здоровью среди православных студентов КДС оказался нормоцентрический с положительной дефиницией. Большинство студентов КНИТУ склонно понимать здоровье через *негативную дефиницию*, определяя это состояние как отсутствие болезней и физических недугов, дефектов и как следствие, отсутствие медицинского вмешательства. Студенты технических и гуманитарных специальностей КНИТУ, кроме гуманитариев женского пола интерпретируют болезнь как случайность. Гуманитарии мужского пола склонны к пониманию болезни как неизбежности. Воспитанники КДС обозначили болезнь как испытание, реже – наказание. Таким образом, на современном фоне постоянных социокультурных трансформаций, когда индивиду особенно тяжело самоидентифицироваться, сформировать собственные модели поведения в рамках определенного культурного эталона, важно по достоинству оценить значимость социокультурных модусов в пространстве реализации здоровьесберегающих практик и витального поведения студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Savelyeva Zh.V. Health and disease in the context of sociological theory: the specifics of interpretations. Herald of Kazan Technological University. 2012. T. 15. № 22. Pp. 202-206.
2. Lisina O.V. Understanding the definitions of «health» and «disease» of the orthodox students: based on semiformalized interviews. Herald of Kazan Technological University. 2014. Vol. 17. № 23. Pp. 468-472.
3. Stakina Y.M. Viability of students with different professional orientation. Promising areas of psychology: collection of scientific articles. Vol. 2. Moscow: Publishing house HSE, 2012. Pp. 143-155.
4. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. Viability test: a guide to the new method of psychological diagnosis of personality with the wide range of applications. Moscow: Meaning, 2006. 63 p.
5. Yakovleva N.V. Metalivelihoods: metasytem approach to the analysis of human life. Applied legal psychology. 2011. № 2. Pp. 18-22.

REFERENCES:

1. Savelyeva Zh.V. Health and disease in the context of sociological theory: the specifics of interpretations. Herald of Kazan Technological University. 2012. T. 15. № 22. Pp. 202-206.
2. Lisina O.V. Understanding the definitions of «health» and «disease» of the orthodox students: based on semiformalized interviews. Herald of Kazan Technological University. 2014. Vol. 17. № 23. Pp. 468-472.
3. Stakina Y.M. Viability of students with different professional orientation. Promising areas of psychology: collection of scientific articles. Vol. 2. Moscow: Publishing house HSE, 2012. Pp. 143-155.
4. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. Viability test: a guide to the new method of psychological diagnosis of personality with the wide range of applications. Moscow: Meaning, 2006. 63 p.
5. Yakovleva N.V. Metalivelihoods: metasytem approach to the analysis of human life. Applied legal psychology. 2011. № 2. Pp. 18-22.

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-43-54

*Маркина И.В.***РЕЛЯЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ПЬЕРПАОЛО ДОНАТИ¹**

Маркина Ирина Васильевна, научный сотрудник
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул.Новокузнецкая, д. 23, строение 5а, г. Москва, 115184, Россия
Электронный адрес: ivkozmina@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет собой обзор реляционной теории общества, созданной в конце прошлого века итальянским философом и социологом Пьерпаоло Донати (род. 1946). Ее создание стало результатом длительного философского и научного поиска инструментов для преобразования современного западного общества, которое, по мнению самого Донати, находится в состоянии острого кризиса. Связывая этот кризис с тем, что современное общество стремится изолировать индивида от любых межчеловеческих отношений, Донати предлагает любой социальный факт рассматривать с позиции социальных отношений. В основе его парадигмы, таким образом, лежит тезис «общество есть реляция». За последние три десятилетия реляционная социология получила широкую известность в Италии и в настоящее время развивается в трудах целого ряда как начинающих, так и состоявшихся итальянских ученых. Кроме того, значительная часть работ Пьерпаоло Донати и его единомышленников опубликованы также на английском языке. Цель настоящего обзора – представить реляционную теорию общества русскоязычной аудитории.

Ключевые слова: реляционная социология; рефлексивность; социальные отношения.

*Markina I.V.***RELATIONAL SOCIOLOGY
BY PIERPAOLO DONATI**

Markina Irina Vasil'evna, research fellow
St. Tikhon's Orthodox University,
23-5A Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
E-mail: ivkozmina@ya.ru

АБСТРАКТ

This article provides an overview of the relational theory of society, established at the end of the last century by the Italian philosopher and sociologist Pierpaolo Donati (born 1946). Its creation was the result of a long philosophical and scientific research of tools for the transformation of modern Western society, which, in Donati's opinion, was in a state of acute crisis. Linking this crisis to the fact that modern society tends to isolate an individual from all interpersonal relations, Donati suggests that we should look at any social fact from the perspective of social relationships. His paradigm is, therefore, based on the proposition that "society is relation". Over the past three decades, relational sociology became widely known in Italy and is currently being developed in the writings of a number of both beginning and prominent Italian scientists. In addition, a significant part of the work by Pierpaolo Donati and his associates is published in English as well. The purpose of this review is to present the relational theory of society to the Russian-speaking audience.

Keywords: relational sociology; reflexivity; social relations.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2015 году.

Итальянский философ и социолог Пьерпаоло Донати родился в 1946 г. Он относит себя к «поколению 1968» [4, р. 1], поколению участников протестных выступлений в Европе и США, в эти годы занимавших активную общественную позицию. Именно здесь лежит начало его научного и философского поиска: «Я не был революционером и не разделял марксистских или анархистских идей. Я просто хотел лучшего мира» [4, р. 1].

В качестве средства для достижения этой цели была избрана социология: «Мои исследования начались с идеи создания социологии, способной реформировать общество» [4, р. 1]. «Поколение 1968» Донати называет свидетелем «успеха и упадка современности» [4, р. 1], чью историю он уподобляет движению по параболической траектории. Упадок, кризис современного общества, дряхлеющий и усугубляющийся до сих пор – эту тему Донати неизменно затрагивает в своих публикациях.

В цитированной выше работе «*Birthing development of the relational theory of society: a journey looking for a deep 'relational sociology'*» он рассказывает о том, как пытался найти искомое – инструмент для преобразования общества – в различных социологических учениях, популярных в упомянутое время (а именно в марксизме, функционализме и идеях Франкфуртской школы), о критическом прочтении теорий наиболее крупных социологов – Т. Парсонса, Дж. Александра, Н. Лумана, Э. Гидденса и т.д.: «Я все время убеждался, что их теории – неполные, упрощенные, эклектичные и, в конечном счете, ложные. Эти теории оказались заложниками порочного круга и вели к паранойе. По моему мнению, так называемые «постмодернисты» бьются на прокрустовом ложе поздней современности» [4, р. 6].

В 1983 году эти поиски завершились публикацией своего рода манифеста новой социологической теории – «*Introduzione a una sociologia relazionale*» (Milano, 1983), «Введения в реляционную социологию». «Основная идея этой книги заключалась в том, что современности была – и остается до сих пор – большим экспериментом, цель которого – освободить индивидов от социальных отношений, то есть привить им иммунитет к социальным отношениям» [4, р. 13].

«Между 1983 и 1991 я провел несколько исследований, основное содержание которых заключалось в одном и том же: переопределить каждый социологический концепт (или исследовательскую тему) как социальное отношение и посмотреть, что этот подход способен объяснить или раскрыть» [4, р. 15]. По результатам этих исследований, в частности, были опубликованы две крупных работы о семье с точки зрения новой парадигмы. Наконец, в 1991 вышла «*Teoria relazionale della società*» (Milano, 1991), «Реляционная теория общества», систематическое изложение реляционной теории, которую, впрочем, Донати считает и в настоящее время открытой к дальнейшему развитию [4, р. 15].

На сегодняшний день Пьерпаоло Донати – один из самых крупных итальянских социологов, известным и за рубежом. Он является профессором Болонского университета, экс-президентом Итальянской ассоциации социологов, основателем CIRS (Межуниверситетский центр социологических исследований, Италия), руководителем Национальной обсерватории по делам семьи (Италия), членом Папской академии общественных наук (Италия) и автором порядка 600 публикаций. С 2000 по 2005 входил в Совет Международного Института Социологии¹.

За минувшие десятилетия его теория получила развитие – и развивается далее – в трудах многих итальянских ученых, как известных, так и начинающих. В их числе Евгения Скабини (Eugenia Scabini, профессор психологии семейных связей на факультете психологии Католического университета Святого Сердца в Милане (UCSC) и президент научного комитета Университетского центра изучения и исследования семьи при этом университете), Джованна Росси (Giovanna Rossi, профессор социологии и социальных служб и директор Университетского центра изучения и исследования семьи UCSC, член Национального исследовательского центра по делам семьи); Витторио Чиголи (Vittorio Cigoli, профессор клинической психологии семейных отношений UCSC); Рикардо Прандини (Riccardo Prandini, профессор кафедры социологии и хозяйственного права Болонского университета); Рафаэлла Яффа-

¹ Board dell'International Institute of Sociology.

те (Rafaella Jafrate, профессор социальной психологии UCSC); Сара Маццукелли (Sara Mazzucchelli, научный сотрудник факультета психологии UCSC), а также Луиджи Тронка (Luigi Tronca), Паоло Теренци (Paolo Terenzi), Серджио Белардинелли (Sergio Belardinelli), Иво Колоцци (Ivo Colozzi), Лючия Боккачин (Lucia Vossacin) и др. (более подробно на их работах мы остановимся в третьей части нашего обзора).

Менее широко теория Донати известна также в Испании и англоязычных странах, есть публикации на других языках. Эпизодически имя Донати появляется в русскоязычной прессе.

В представленном ниже обзоре мы изложим, во-первых, основные положения реляционной теории общества.

Оригинальная социологическая теория должна опираться, по мнению Донати, на некую предельную идею об обществе: «Моя предельная идея – вспомогательное¹ по отношению к человеку общество. Общество является вспомогательным, когда развивает положительные качества человеческого существа посредством соответствующих социальных отношений, то есть когда выстраивает отношения, ориентируясь на увеличения позитивной синергической реляционности (вместо унижения или эксплуатации) между Эго и Другим...» [4, р. 25]. Таким образом, предназначение общества – создание оптимальных условий для формирования человека.

Однако «сегодня кажется, что общество становится все более фрагментарным, неопределенным, колеблющимся, неустойчивым, отчужденным и управляемым <...> Социальные проблемы растут, в то время как возможности их решить, уменьшаются» [4, р. 20], что не осталось вне поля зрения ведущих социологов. Эмпирические исследования также свидетельствуют о росте неудовлетворенности, растерянности, тревоги, вызванных тем, что «общество становится все менее человеческим, если не античеловечным» [4, р. 22]. Общество теряет «человеческий облик», теряет связь с человеческой личностью, социальные отношения между людьми становятся все менее прочными. «Социальное уже не воспринимается ни обычными людьми, ни

профессиональными социологами как место, где живут человеческие существа» [4, р. 22]. «Человеческое» исчезает не только из политической или экономической сфер; все более хрупкими становятся семейные и родственные отношения. И если раньше желание социологов отрешиться от «человеческого» как «субъективного» при рассмотрении общества как системы могло быть оправданным, то сегодня, по мнению Донати, это разделение между «человеческим» и «социальным» выходит на новый уровень: «человеческое» начинает рассматриваться либо в качестве источника «сбоев» в действии «системы», либо как своего рода «фоновый шум» [4, р. 23]. В повседневной жизни это приводит к упомянутым выше кризисным явлениям, к осознанию того, «что человеческое вмешательство не может помешать экономической системе генерировать определенный уровень безработицы, что население целых стран умирает от голода, что политические игры могут привести к войне...» [4, р. 24].

Человек перестает чувствовать свою *надфункциональную* ценность в социальных отношениях. Или, используя терминологию Мартина Бубера [см. 1], которую приводит Донати, человек теряет отношения «Я-Ты», относится к другим все более как к «Оно» и встречает аналогичное отношение в ответ. В то время как только «Я-Ты» отношения создают необходимые условия для развития и бытия человеческой личности.

Задача реляционной парадигмы, таким образом, сводится к созданию другого общества – общества для человека, основанного на новом представлении о соотношении «человеческого» и «социального» (речь не идет о возвращении в прошлое, предупреждает Донати). «Источник социального спасения кроется в личном отношении к обществу, в котором мы можем актуализировать наши ценности и наши предельные вопросы» [12, р. 58]. Выход из кризиса требует изменения *мышления* общества о себе самом, то есть перехода к новой теории общества, новой социологической парадигме. Такой парадигмой и должна стать реляционная теория Донати.

Паоло Ягулли, в своей небольшой работе, посвященной Донати, называет его подход особой парадигмой, особым взглядом

¹ Subsidiary.

на мир, в основе которого лежит тезис «общество – это отношение»¹ [5]. Донати неоднократно и старательно подчеркивает, что его подход подразумевает отказ от традиционных для социологии индивидуалистской и холистской парадигм, первая из которых восходит к Макс Веберу, а вторая – к Эмилю Дюркгейму. Более того, их противопоставление он считает ловушкой, в которую попала социология, оказавшаяся не способной выстроить мост между индивидом и системой. В то же время он указывает, что его подход таким мостом не является, напротив, представляет собой попытку взглянуть на общество с принципиально новой стороны, или, как уже подчеркивалось выше, создать новую парадигму.

Что такое социальное отношение? Указывая на отличие собственной теории от других, также называемых «реляционными» (например, Мустафы Эмирбайера), Донати говорит об «онтологии реляционного реализма». Социологию М. Эмирбайера, П. Бурдьё (и других авторов, рассматривающих социальное отношение) он считает безнадежной попыткой связать воедино индивидуализм и структурализм: «Коротко говоря, я отрицаю все формы реляционизма, поскольку они рассматривают отношение как продукт смешения индивидуальных действий и социальной структуры, не принимая во внимание, что отношение – это реальность *suigeneris*, с которой нельзя обращаться как захочется, в условиях культурного релятивизма и конструкционизма» [4, p. 7].

Социальное отношение противопоставляется взаимодействию, наблюдаемому здесь и сейчас. Социальное отношение нельзя понимать ни как нечто идеальное, ни как нечто материальное, ни как сочетание идеального и материального; «это не только символическое посредничество (Э. Дюркгейм), проекция индивидов (М. Вебер) или выражение структуры (Р. Мертон). Это нечто иное и нечто большее» [4, p. 6]. Это эмерджентная реальность, «особый эффект взаимности между взаимосвязанными членами» [4, p. 6] (Донати заимствует это определение у Ге-

орга Зиммеля, но подчеркивает несогласие с его взглядами в целом). Понимаемое таким образом социальное отношение и должно являться, с точки зрения Донати, объектом социологии.

Социальное отношение включает два уровня: во-первых, «горизонтальную» связь между индивидами – участниками отношения, во-вторых, «вертикальную» отсылку к смысловому контексту, символическим значениям, в которых эта связь осуществляется. «Горизонтальная» связь, обозначаемая как «*refero*» (лат. относить, связывать) отвечает веберовскому подходу, «вертикальная» – как «*religo*» (лат. привязывать) и отвечает дюркгеймианскому взгляду. *Refero* – это «связь в узком смысле между двумя или более субъектами, соединение, интерсубъективность, взаимодействие, коммуникация»; *religo* означает, что «связь, соединение, взаимодействие, коммуникация существуют не в пустоте и в абсолютном настоящем, но «приводят с собой» поле общих символических отсылок, «память», вводят связь в историю, объединяют ее с другими связями, что ее делают значащей». Социальное отношение может быть изображено как вектор при помощи этих двух осей [3, p. 44].

Новое разграничение «человеческого» и «социального» требует новой концепции человека. Проблему понимания человека в социологии Донати называет «досадным вопросом» [13, p. 35]. Решение этого вопроса в рамках реляционной теории опирается на упомянутый выше принцип «онтологии реляционного реализма» [4, p. 7]. Представление о «реляционности» как основополагающей характеристике человека, «реляционном характере (природном, практическом, социальном и духовном) человеческой личности как сущностно важном² для его/ее бытия и для нашего понимания» [13, p. 36] он противопоставляет идее классической философии о человеке как субстанции и социальности как акциденции, с одной стороны, и, с другой, своего рода «потерянности» человеческой личности в современной социологии. Последнее он связывает, помимо прочего, в

¹ Ит. «*relazione*» иангл. «*relation*» здесь и далее переводится как «отношение», «*relazionale*», «*relational*» – как «реляционный».

² Донати употребляет здесь слово «*coessential*», используемое прежде всего в контексте христианской триадологии и переводимое как «единосущный».

том числе с непреодолимым для популярных социологических теорий противоречием «индивидуалистского» и «системного» подходов; человек теряется между двумя противостоящими сторонами, в которых, тем самым, остается все меньше «человеческого». По-настоящему «увидеть» человека он считает возможным только в его отношениях. Единственным, кому удалось избежать общих ошибок и продемонстрировать принципиально новое видение человека, Донати считает Маргарет Арчер, в то же время, далеко не во всем с ней соглашаясь¹.

В своей теории Донати выделяет 3 составляющих: эпистемологическую, методологическую и прагматическую.

Реляционная эпистемология базируется на идее о том, что «(социальная) идентичность любого агента или актора является опосредованной отношением, или скорее идентичность развивается посредством отношения с Другим, нежели я» [4, р. 15]. Если в предшествующей традиции идентичность определялась через саму себя или через отрицание всего того, что ею не является, то Донати предлагает определять ее через отношение. Эти три варианта он выражает следующим образом:

- (1) A=A
- (2) A=-(-A)
- (3) A=r(A, -A).

Принять третий подход значит пересмотреть определение любого социального актора.

В основе *методологии* лежит известная схема Т. Парсонса AGIL², называемая Донати «компасом» для социологического анализа [4, р. 16] и принимаемая им с некоторыми поправками.

Изучение какого-либо феномена состоит из двух частей. Во-первых, любой социальный факт рассматривается как социальное отношение. Во-вторых – как эмерджентный феномен, возникающий из «черного ящика» [4, р. 16], представленного Парсонсом в виде системы четырех элементов. Донати сравнивает эти четыре элемента с четырьмя

точками компаса и наделяет равным значением, в отличие от Парсонса. Он подчеркивает, что вся схема, выражает не единичный акт и не систему, а именно отношение; Ось L-G отвечает горизонтальному уровню отношения, *refere*, A-I – вертикальному уровню, *religio*.

Кроме того, Latensy в реляционном прочтении связывается не с культурной моделью, а с реляционными ценностями, с отношением. В работе «Реляционная теория общества (Teoriarelazionale della società. Milano, 1991) Донати пишет: «латентность ценностей (уже не сохранение культурной модели, а ее постоянная реинтерпретация!) отсылает к вертикальному измерению [...] L – это оценочная инстанция (или ценностная, или также «этическая»), которая проходит через все социальные отношения (следовательно, AGIL), и поэтому определяет все функции. Это потребность, отраженная во всех остальных функциональных полюсах. На фоне основного функционирования общества L предоставляет среднее взаимности [...], представляет точку во времени и пространстве, в которой общество превосходит самого себя как человеческое общество [...]. Если бы не было ценностей, не было бы человеческого социального мира, ни человеческих действий, ни, следовательно, потребности в компасе для ориентации в нем» [цит. по: 2, р. 18].

Как пишет Е. Карра, «анализировать социальные феномены как социальные отношения означает, в таком случае, наблюдать и выявлять *отношение*, которое демонстрируют все социальные феномены, между символическим выражением (смыслом) и структурными условиями; кроме того, в свою очередь, каждый из этих двух аспектов в реальности является *отношением* между ценностями и целями, с одной стороны, и средствами и нормами, с другой» [2, р. 19].

Общество в целом рассматривается, таким образом, как «сеть социальных сфер, которые «реляционно» отличаются друг от друга сверхфункциональным образом» [4, р. 17].

Наконец, *прагматическая* составляющая реляционной парадигмы обусловлена целью, которая упоминалась выше: использование социологии в качестве инструмента для преобразования общества. «Я предпола-

¹ Разбору и критике антропологии М. Арчер и посвящена цитируемая выше статья [13].

² AGIL – схема функциональных элементов социальной системы – «адаптация-цель-интеграция-латентность» (adaptation-goal-integration-latency), – разработанная Т. Парсонсом.

гаю, что социологические исследования могут быть направлены на осуществление воздействия в свете освобождения человека» [4, р. 17]. Для этого Донати была разработана система «ODG», «наблюдение-диагностика-управление».

Социальное явление, вызывающее проблему, следует рассматривать в определенном социальном контексте (наблюдение); диагностика призвана определить, что не удовлетворяет участников с точки зрения отношений. Наконец, цель вмешательства – изменить реляционный контекст с помощью активации «реляционного потенциала» (способности начинать, изменять и развивать отношения) [4, р. 17].

Приведем пример в области семейной политики из публикации Е. Карра «Внутри семейной политики». Посредством *наблюдения* выявляется, что работающие молодые родители склонны обращаться за помощью в воспитании детей к собственным родителям. Оценка этого явления на этапе *диагностики* может быть двоякой. С одной стороны, можно предположить, что данная ситуация свидетельствует о крепости первичных связей, которые имеют значительную ценность в повседневной жизни. С другой, напротив, это может говорить о неспособности молодых родителей быть самостоятельными, ограниченности их возможностей и умений. На основе этих оценок могут быть предложены два различных комплекса мер. Первый будет направлен на укрепление солидарности внутри семьи в соответствии с принципом субсидиарности (*управление* реляционного характера); основной задачей второго, напротив, будет увеличивать количество различных предложений для семьи за счет бюджета (социальная политика заменяющего типа) [2, р. 12-13].

В рамках реляционной теории получило переосмысление такое важнейшее для социологии понятие, как социальный капитал. Донати отказывается ставить знак равенства между понятиями социального капитала и социальных связей или сетей. За уже упомянутым нами тезисом «общество есть отношение» следует другой: социальный капитал есть отношение. Точнее, это социальные отношения особого качества, для которых характерно доверие, сотрудничество и вза-

имность. Они являются почвой, на которой произрастают другие формы капитала, такие как человеческий (способности личности), ассоциативный (сети, которые стремятся к созданию общего блага), гражданский (поведение в публичной сфере), а также духовный (в случае, если семья осознает себя как духовное благо). Другими словами, социальный капитал – это «сеть отношений доверия и сотрудничества, в которых субъект (индивидуальный или коллективный) может находиться в своей естественной сфере жизни, посредством обмена материальными и нематериальными благами, полезными для его деятельности» [143, р. 154].

К понятию социального капитала приближается понятие общего блага. Как отмечает Донати, в современном дискурсе общее благо все чаще трактуется в материалистских и утилитаристских терминах, сводится к «коллективному благу»¹ [6, р. 75], то есть простой сумме индивидуальных благ, или материальному благу, право на которое должно быть в равной степени обеспечено всем членам общества: «...современное мышление постоянно демонстрирует опасность редуцирования смысла и ценности понятия общего блага к чистой собственности» [6, р. 75]. В рамках реляционного подхода общее благо отличается от индивидуального и коллективного тем, что оно может производиться и потребляться членами общества только *совместно*. Это означает, что оно «находится внутри отношений, которые связывают субъектов» [6, р. 76], то есть имеет реляционный характер. Таким образом, социальный капитал – это отношения, представляющие собой общее (реляционное) благо.

В качестве примера операционализации понятия социального капитала приведем вопросы из анкеты, использованной в ходе исследования итальянской семьи в 2011-2012 гг. группой социологов, включавшей самого Донати, а также Е. Скабини, С. Мацукелли, Л. Тронка, Дж. Росси и др. (см. ниже), направленные на оценку способности семьи быть источником социального капитала. Первые два вопроса касались именно таких характеристик, как доверие и способность к взаимопомощи:

¹ Il bene collettivo.

В случае срочной необходимости, насколько вы можете положиться на членов вашей семьи?

Насколько вы (в среднем) помогаете членам семьи, не жалея себя?

Авторами различаются первичный, вторичный и обобщенный социальный капитал.

Семья является источником первичного социального капитала, «уникального и незаменимого» [9, р. 197], который становится вторичным или обобщенным, выходя за пределы семьи и реализуясь в обществе. Все три типа сопоставляются по трем параметрам в таблице 1.

Таблица 1

Типы социального капитала. Types of social capital

Типы социального капитала	Социальная сфера или субъект	Составляющие	Специфика СК данной сферы как фактора
Первичный	а) Семейный СК б) Родительский СК в) Общинный СК неформальных сетей (соседи, друзья, коллеги)	1. Первичное доверие (интерсубъективное, «лицом к лицу») 2. Интерперсональная взаимность как символический обмен, или дар как акт в цепи взаимного обмена, не имеющего денежного эквивалента	Благожелательность: СК производит благожелательные отношения, подразумевающие вежливость и положительное отношение к другому, что является условием сотрудничества и взаимной солидарности в межличностных отношениях
Вторичный	Ассоциативный СК формализованных социальных сетей объединений гражданского общества	1. Вторичное доверие (между лицами, вместе принадлежащими к гражданской или политической ассоциации или сообществу) 2. Расширенная социальная взаимность (расширение символического обмена, включающего тех, кто принадлежит к одной и той же гражданской или политической ассоциации или сообществу)	Ассоциативная демократия: СК производит ассоциативные формы для достижения целей, которые не могут быть достигнуты в одиночку, а требуют доверия и сотрудничества между людьми или группами, признающими друг друга в качестве членов одной и той же социальной сети или организации
Обобщенный	СК в сфере публичного пространства, безличного пространства, рассматриваемого как политическое (мультикультурное, мультиэтническое и т.д.).	1. Общее (обобщенное) доверие к Другому – незнакомому человеку, случайно встреченному в публичной сфере. 2. Готовность сотрудничать с целью производства коллективного блага (участие в выборах, поддержка организаций просоциального характера, деятельность по защите коллективных прав и т.д.).	Гражданская культура на местном, локальном или глобальном уровне: СК производит гражданскую культуру, подразумевающую реализацию качеств «добродетельного гражданина», который принимает на себя ответственность за общественное благо, а также доверие и дух сотрудничества в сфере имперсональных отношений между простыми гражданами, признающими друг друга в качестве членов одного и того же политического сообщества.

Способность производить первичный социальный капитал) объясняется Донати через понятия «социальных добродетелей»¹. В отличие от личных добродетелей, которые характеризуют личность как таковую и направлены на ее совершенствование, ее полное «очеловечивание» [9, р. 184], социальные добродетели проявляются в социальных отношениях и имеют целью совершенствование последних, то есть максимальное придание им характера блага.

Социальные добродетели нельзя понимать как простое продолжение личных, их взаимосвязь более сложна. Донати приводит пример: в семье, где каждый из родителей по отдельности может обладать многими положительными качествами, далеко не всегда создается атмосфера, благоприятная для воспитания детей (то есть отсутствуют социальные добродетели), и детям в результате не удастся унаследовать личные добродетели родителей. Можно сказать, что социальные добродетели формируются на базе личных; и в то же время первичное формирование личных добродетелей возможно только на базе социальных, то есть почти исключительно в семье, которая является местом первичной социализации, а также единственным местом, где личность проявляется во всей полноте, всецело, где она воспринимается максимально сверхфункциональным образом. Именно это отличает семью от любых других социальных отношений (даже таких, как дружеские).

В социологии Донати получила развитие концепция «рефлексивной модернизации». Ее автором является У. Бек, затем ее использовали Ю. Хабермас, Э. Гидденс, С. Леш и др. Донати строит свою теорию, в наибольшей степени опираясь на подход М. Арчер.

Определяя рефлексивность как «социальное отношение между эго и другим в социальном контексте» [12, р. 193], он предлагает различать три ее типа в зависимости от того, что представляют собой «эго» и «другой»:

- Личная рефлексивность, внутренний диалог (другой – собственная личность эго);
- Социальная рефлексивность (другой – человек или группа людей);
- Системная рефлексивность (эго и другой – части какой-либо системы).

Любое социальное явление рефлексивно опосредуется. В целом все три типа рефлексивности определяют характер социальной дифференциации в обществе. Донати и выдвигает теорию реляционной дифференциации как одного из возможных сценариев развития глобализованного общества, который может быть реализован на основе нового типа рефлексивности.

Современная социология до сих пор указывала на три типа социальной дифференциации: сегментарный, стратифицированный и функциональный. Эти три типа, а также реляционный тип, сравниваются Донати в следующей таблице.

Таблица 2

Типы социальной дифференциации. Types of social differentiation

Исторические формы дифференциации	Доминирующий тип рефлексивности	Принцип идентичности	Связанные сферы общества
Сегментарная дифференциация	Рефлексивность является репродуктивной (племенной) (это полностью зависит от общения со значимыми другими = коммуникативная рефлексивность)	Я = коллективное сознание (личное Я = коллективное Я)	Племя, примитивные формы семьи
Стратифицированная дифференциация	Рефлексивность является стратифицированной (т.е. осуществляется в границах значений, соответствующих стратам иерархического общества = автономная рефлексивность (своя в границах каждой страты)	Я = позиция на социальной лестнице (Я = принадлежность к определенному статусу или страте как ограниченной области действия)	Государство, иерархия, бюрократия

¹ Le virtù sociali.

Функциональная дифференциация	Рефлексивность является функциональной, выполняя специализированную роль в социальной системе, которая является «открытым обществом», базирующемся на приобретении/достижении = автономная рефлексивность.	Я = системная функция как специализированная часть производства (Я = не не-Я: отрицание того, что не Я)	Рынок
Реляционная дифференциация	Рефлексивность является отношением к собственной идентичности посредством других или как к «другому» (в сообществах, основанных на взаимности = «метарефлексивность»)	Я = взаимоотношение между Я и не-Я (другим) (идентичность исходит из взаимоотношения с другим)	Третий сектор, частные сферы общества, новое гражданское общество

«Новые способы формулирования социокультурной идентичности рефлексивным образом создают сегодня общество «после-модерна»; новый характер деятельности в гражданском обществе «определяется не различиями модерна (буржуазными), такими как частное-публичное (или либеральное-социалистическое, правое-левое etc.), но различиями, которые имеют этическую природу» [12, р. 204-205] и сводятся к оппозиции человеческое – не человеческое. Новое общество, общество «после-модерна», основанное на реляционной социальной дифференциации, возникает тогда, когда «новые формы рефлексивности, личной и социальной, начинают существовать вне рынка и государства» [11, р. 208]. Это такие явления, как, например, донорство крови/органов, банки времени и т.д.

Вслед за М. Арчер Донати называет такую рефлексивность «мета-рефлексивностью» и определяет как «форму возвращения к самому себе субъекта, который рассматривает (как внутренне, так и во взаимодействии с другими) результаты его/ее собственных действий, как прямые, так и косвенные, и пытается соотнести их с горизонтом ценностей, который выходит за рамки того, что уже дано» [12, р. 208]. Эти ценности имеют, в конечном счете, утопический характер, предполагая возможность разрешения всех противоречий.

На этой основе могут быть преобразованы все четыре подсистемы общества (экономическая, политическая, третий сектор и семья). «...Глобализация порождает «систему», которая действует как контекст, в котором рефлексивность сегодня необходима в поиске другого пути установления связи с Собой, Другим и целым миром» [12, р. 206]

Приведем пример использования понятия реляционной дифференциации в сфере семейных отношений. Донати предлагает новую дифференциацию пар (не связанную напрямую с формальными показателями, например, заключением брака), различая «объединенную пару» (*coppia aggregata*) и «генеративную пару» [9, р. 157]. Первая – механический союз двух самоутверждающихся индивидов («двух Эго, которые встретились в мыльном пузыре» [9, р. 158]); вторая предполагает отношения подлинной любви и, в отличие от первой, создает реляционное благо. Чтобы быть генеративной, пара должна иметь «рефлексивные отношения» [9, р. 160], то есть осознавать свои отношения как благо и ориентироваться на «Мы-отношения»¹.

Как и любая социологическая теория, реляционная теория общества преследует цель «понимания и объяснения социальной реальности» [9, р. 160]. Однако, как было указано выше, ее создателем руководило желание найти инструменты для преобразо-

¹ We-relation.

вания этой реальности, желание «лучшего мира» [4, р. 1]; «понимание» общества позволяет видеть, «чем общество может быть, если оно актуализирует потенциалы, которые извлекает из богатства человеческого существа и его/ее реляционного потенциала» [12, р. 56]. С этой точки зрения Донати называет свою теорию «цивилизационным проектом» [12, р. 56].

Историю общества эпохи модерна Донати представляет как историю развития и взаимодействия двух фундаментальных принципов, которые можно упрощенно назвать либералистским и социалистским; они лежат в основе политических систем современных европейских государств, подразумевающих компромисс между государством и рынком, то есть, с одной стороны, личной свободы (основа для рыночной конкуренции), с другой – вмешательства государства (обеспечение равных условий и возможностей).

Оба этих принципа упираются в одну и ту же социологическую оппозицию, оппозицию индивидуализма и холизма. Невозможность преодолеть эту оппозицию Донати считает главной проблемой современной социологии и стремится решить ее в своей теории общества; следовательно, и оппозиция либеральных/социалистических принципов должна и может быть преодолена: «Нам необходим архитектурный принцип, полностью отличный от либеральной/социалистической позиции» [12, р. 57]. Таким принципом в рамках реляционной парадигмы становится принцип субсидиарности, который основывается на представлении, что «социальный порядок базируется на

осознании естественных прав человека и их рефлексивных социальных форм и на справедливом распределении задач между всеми субъектами, индивидуальными и коллективными», которые «выполняют свои роли в соответствии со взаимосвязью свободы и ответственности» [12, р. 57].

На практике принцип субсидиарности означает, что «более крупные социальные образования не должны подменять собой более мелкие, но должны поддерживать их в их автономии, обеспечивая правила и средства, необходимые для того, чтобы они могли сами выполнять свои специфические задачи» [11, р. 7]. При этом субсидиарность может проявляться в отношениях между различными субъектами и принимать различные формы. Так, в сфере семейной политики этот принцип подразумевает, что государство должно не брать на себя специфические функции семьи (то есть в первую очередь производство первичного социального капитала), с которыми она по тем или иным причинам не справляется (политика ассистенциализма, гипертрофированной опеки), а при помощи своих инструментов обеспечивать семье такие условия, в которых она была бы способна выполнять собственные функции самостоятельно и как можно более полно. В самом же широком смысле, как было указано выше, общество в целом должно иметь субсидиарный характер по отношению к личности, то есть, как уже было сказано выше, иметь целью создание условий для максимального развития потенциала личности при помощи социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бубер М. Я и Ты /пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольца, послесл. П.С. Гуревича. М.: Высшаяшкола, 1993. 175 с.
2. Carrà Mittini E. Dentro le Politiche Familiari. Storia di una ricerca relazionale sulla Legge 23/99 della Regione Lombardia «Politiche Regionali per la Famiglia». Milano, 2003.
3. Carrà Mittini E. Un'osservazione che progetta. Strumenti per l'analisi e la progettazione relazionale di interventi nel sociale. LED, 2008.
4. Donati P. Birth and development of the relational theory of society: a journey looking for a deep «relational sociology». URL: http://www.relationalstudies.net/uploads/2/3/1/5/2315313/donati_birth_and_development_of_the_relational_theory_of_society.pdf (дата обращения: 15.03.2014).
5. Donati P. Che cos'è la sociologia relazionale? Breve itinerario di conoscenza della teoria relazionale in sociologia. URL: http://www.relationalstudies.net/uploads/2/3/1/5/2315313/per_conoscere_la_sociologia_relazionale_di_p_donati.doc (датаобращения: 24.03.2014).
6. Donati P. I fondamenti della sussidiarietà. URL: <http://www.sussidiarieta.net/files/Donati.pdf> (датаобращения: 13.08.2014).
7. Donati P. La famiglia come soggetto sociale. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/La%20famiglia%20come%20soggetto%20sociale.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).
8. Donati P.(a cura di) La famiglia è ancora una risorsa per le persone e per la società? Le tesi contro e le tesi a favore // Famiglia risorsa della società. Bologna. 2012.
9. Donati P. La famiglia il genoma che fa vivere la società. Roma. 2013.
10. Donati P. La sociologia relazionale: una prospettiva sulla distinzione umano/non-umano nelle scienze sociali // Nuova Umanità. 2005. XXVII (1) 157.Pp. 97-122.
11. Donati P. Le politiche familiari in Europa: modelli, principi e un nuovo approccio relazionale ai «diritti della famiglia». URL: 213.174.176.145/osservatorioprova/images/altrepubb/documenti/2012/donati_politiche_famiglia_europa.pdf (дата обращения: 30.07.2014).
12. Donati P. Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences. London and New York, 2011.
13. Donati P. Understanding the human person from the standpoint of the relational sociology // Memorandum. 2006. № 11. Pp. 35-42.
14. Rossi G., Bramanti D. (a cura di) La famiglia come intreccio di relazioni. La prospettiva sociologica. Milano, 2012.

REFERENCES:

1. Buber M. Me and you/ per. s nem. YU.S. Terent'eva, N. Fajngol'ca, poslesl. P.S. Gurevicha. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. 175 c.
2. Carrà Mittini E. Dentro le Politiche Familiari. Storia di una ricerca relazionale sulla Legge 23/99 della Regione Lombardia «Politiche Regionali per la Famiglia». Milano, 2003.
3. Carrà Mittini E. Un'osservazione che progetta. Strumenti per l'analisi e la progettazione relazionale di interventi nel sociale. LED, 2008.
4. Donati P. Birth and development of the relational theory of society: a journey looking for a deep «relational sociology». URL: http://www.relationalstudies.net/uploads/2/3/1/5/2315313/donati_birth_and_development_of_the_relational_theory_of_society.pdf (date of access: 15.03.2014).
5. Donati P. Che cos'è la sociologia relazionale? Breve itinerario di conoscenza della teoria relazionale in sociologia. URL: http://www.relationalstudies.net/uploads/2/3/1/5/2315313/per_conoscere_la_sociologia_relazionale_di_p_donati.doc (date of access: 24.03.2014).
6. Donati P. I fondamenti della sussidiarietà. URL: <http://www.sussidiarieta.net/files/Donati.pdf> (date of access: 13.08.2014).
7. Donati P. La famiglia come soggetto sociale. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/La%20famiglia%20come%20soggetto%20sociale.pdf> (date of access: 20.03.2014).
8. Donati P. (a cura di) La famiglia è ancora una risorsa per le persone e per la società? Le tesi contro e le tesi a favore // Famiglia risorsa della società. Bologna. 2012.
9. Donati P. La famiglia il genoma che fa vivere la società. Roma. 2013.
10. Donati P. La sociologia relazionale: una prospettiva sulla distinzione umano/non-umano nelle scienze sociali // Nuova Umanità. 2005. XXVII (1) 157.Pp. 97-122.
11. Donati P. Le politiche familiari in Europa: modelli, principi e un nuovo approccio relazionale ai «diritti della famiglia». URL: 213.174.176.145/osservatorioprova/images/altrepubb/documenti/2012/donati_politiche_famiglia_europa.pdf (date of access: 30.07.2014).
12. Donati P. Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences, London and New York, 2011.
13. Donati P. Understanding the human person from the standpoint of the relational sociology // Memorandum. 2006. № 11. Pp. 35-42.
14. Rossi G., Bramanti D. (a cura di), La famiglia come intreccio di relazioni. La prospettiva sociologica. Milano, 2012.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-55-66

*Michel O.V.***CHANGE AND PERSISTENCE
IN «MIGRATING RELIGIONS»**

Michel Olga Vaceslavovna, PhD in Sociology
Heilbronn University, 39 Max-Planck-Str., Heilbronn, 74081, Germany
E-mail: omichel@stud.hs-heilbronn.de

АБСТРАКТ

This study explores the preconditions for the change and persistence of religious identity and religious practices in strongly religious transnational messianic movements against the background of their migration experiences. It presents an exploratory comparative micro-analysis of two research cases, i.e., two strongly religious communities, which are located in Germany and which keep different kinds of ties to their superordinate transnational structures. This study raises the question of why in one case a change in religious identity formation takes place, and why this change is absent in the other case. Based on empirical evidence, this article identifies and discusses different religious identification aspects as well as different motivational, organizational and contextual factors responsible for the change or persistence of strongly religious practices and identity formation, against the background of migration.

Keywords: religion; migration; change; identity; organization; social movement.

*Михель О.В.***ИЗМЕНЕНИЕ И ПОСТОЯНСТВО
В «МИГРИРУЮЩИХ РЕЛИГИЯХ»**

Михель Ольга Вячеславовна, кандидат социологических наук
Гейльброннский университет, ул. Макса Планка, д. 39, г. Гейльбронн, 74081, Германия
Электронный адрес: omichel@stud.hs-heilbronn.de

АННОТАЦИЯ

Данное исследование рассматривает условия изменения и постоянства религиозной идентичности и религиозных практик в строго религиозных транснациональных миссионерских движениях с учетом их миграционного опыта. В статье представлен эксплоративный сравнительный микро-анализ двух кейсов, то есть двух религиозных общин, которые находятся в одном и том же городе в Германии и по-разному строят свои отношения с вышестоящими транснациональными структурами. Рассматриваются причины изменения в формировании религиозной идентичности в одном кейсе и причины их отсутствия во втором кейсе. Основываясь на анализе эмпирических данных, это исследование идентифицирует и обсуждает идентификационные, мотивационные, организационные и контекстуальные факторы, которые несут ответственность за изменения и постоянство строго религиозной идентичности и практик в религиозных движениях данного типа с учетом опыта их миграции.

Ключевые слова: религия; миграция; изменение; идентичность; организация; социальное движение.

Introduction

Scholarly literature identifies several factors that can initiate or support changes in religious identity formation and religious practices against the background of migration processes.

On the one hand, there is the argument that migration experiences can facilitate the transformation of religious identity in the process of acculturation in the receiving society. For example, Baumann (2000) identifies four different transformation processes, stressing the possibility of changes in religious practices as well. The trajectories he describes include the loss, the reinforcement, the preservation or the change of religious traditions [1, p. 17].

On the other hand, certain researchers have emphasized the role played by religious ideologies and religious organizations, which can guide immigrants through the acculturation process in receiving societies. For example, Yang and Ebaugh (2001) show in their analysis of immigrant religious communities in the United States that religious organizations can expand their functions and change their organizational, ritual and theological foundations in order to support the adaptation of their members to a particular cultural and economic context [2]. Levitt, too, (2002) argues in her exploration of the institutional characteristics of transnational religious organizations that the latter also influence the integration of religious immigrants in receiving societies [3]. She [Levitt] identifies three types of transnational religious organizations: (a) *Extended religious transnational organizations* integrate their migrant adherents into «powerful, well-established networks where they can express interests and make claims with respect to their home and host countries» [3, p. 3-4]; (b) *negotiated religious transnational organizations* involve their migrant followers in an «emerging set of cross-border organizational arrangements» that encourage an inner-worldly or other-worldly «working for God» [3, *ibid.*], including church-related activities or other forms of social and political engagement in a receiving society; and, (c) finally, *recreated transnational religious organizations* strongly reinforce members' «ties to their home country, often at the expense of furthering receiving-country social integration» [3, *ibid.*].

Matras (1964) offers additional insights into changes in religious identity formation and reli-

gious practices: He [Matras] detects intergenerational change as a possible and important factor in this context [4]. However, the transformation processes induced by intergenerational change may also depend on contextual circumstances, denominational aspects, and experiences of discrimination in the receiving society [5, 6, 7].

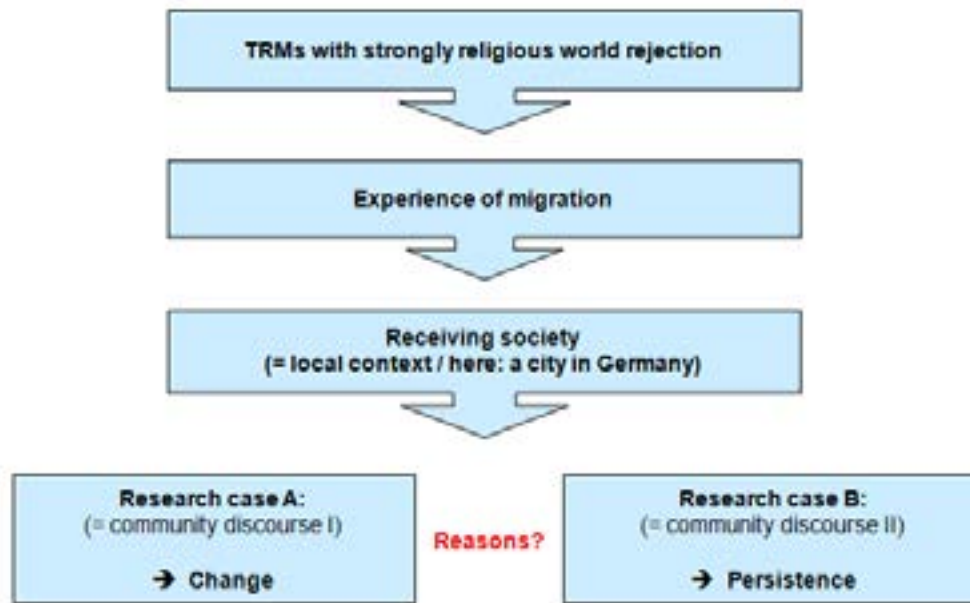
Furthermore, it is pivotal to consider the organizational goals of transnational religious organizations concerning their (a) migration incentives and (b) positioning to the organizational environment. The research conducted on migration and transnational religious movements shows that collective religious actors have varying incentives to involve themselves in international migration flows. For example, Martin Baumann (2000) differentiates between migration for the purpose of religious missions in «the world» and migration for other purposes, including different push and pull factors [1, p. 15]. This means that migration incentives can have a different impact on acculturation processes in a receiving society and can differently correlate with the transformation of religious practices and religious group identity. In addition, the research on strongly religious movements shows that the organizational goals of collective fundamentalist religious actors are very important for their positioning to the particular organizational environment. This positioning is ideologically-based and shaped by rejection of «the sinful world» outside their organizations. Almond, Appleby, and Sivan (2003) distinguish four main patterns to relate to the organizational environment in the field of strongly religious movements: These are world-renouncement, world-conquering, world-transformation and world-creation [8]. It is conceivable that the mode of strongly religious relating to «the world» may influence how strongly religious migrants might interact with their environment, how they experience acculturation processes and whether or not they go on to transform their strongly religious identity in particular cultural contexts of the receiving societies.

Last but not least, there are several studies which show that the contextual factors and thematic discourses on religion and migration in the receiving society can play an important role in fostering or impeding cultural convergence (German: *kulturelle Annäherung*) between a

receiving society and strongly religious groups with migration experiences [1, 6].

Research objective: Drawing on these theoretical considerations, this study combines the aforementioned discourses concerning (a) transnational religious movements (TRM) and their motivations for migration, (b) strongly religious movements with different modes of world-denying, and (c) transformation of religious identity

and practices. Special attention goes to different factors which can lead to a change of religious identity and religious practices, including self-identification codes, ideologically-based relationships with a particular organizational environment, migration incentives, types of migration, and the cultural context of the receiving societies. The following graph 1 visualizes the research objective of this study:

Graph 1. Research objective

Methodology

Research focus and research questions: This study aims to explore possible factors and conditions which lead to the transformation of the religious identity formation and religious practices or which induce institutional persistence of the latter. The analysis focuses on the community level of «migrating religions» (i.e., strongly religious messianic transnational movements). Accordingly, the main research questions of this study are as follows:

1. When do communities of strongly religious transnational movements tend to change their religious identity formation against the background of their migration experiences and encounters with culturally different contexts of the receiving society? When, on the contrary, do they tend to preserve their religious identity?

2. Which factors can influence the change or persistence of religious identity and practices?

Empirical basis, sampling and methods of analysis: This study is based on different sources of data (i.e., ethnographic data, interviews

and the analysis of available documents) from my research, conducted in Germany from 2008 to 2011 in the framework of a larger project on religious world-denying, conflicts and processes of social differentiation [9, 10]. By means of selective sampling, I chose two communities of transnational religious movements which were located in the same city and which differently framed the possibility of transformation of their group identity in the culturally different context of their current country of residence (i.e., Germany – see more below). Following Strauss (1998), I use the *Grounded Theory* methodology to generate empirically-based, conceptually-thick descriptions of the processes which supported or induced transformation of the religious group identity in one case and prevented this transformation in the other case [11]. Keeping in mind my research interest and considering the possibility of different factors impeding or fostering the transformation of a strongly religious identity formation, I apply a *multiple case inquiry* as a research strategy. Following

Yin (2009), I differentiate between two levels of analysis in this framework: These are within-case analysis (reconstructing a research case as such) and cross-case analysis (juxtaposing the results of the within-case reconstructions) [12]. Accordingly, this study reconstructs selected research cases in a separate section for each within-case analysis, followed by the comparison of these results in the framework of a cross-case synthesis.

Research cases: (1) The first research case involves a community of Mennonites from the former Soviet Union. This community began a partial transformation of its religious group identity and certain religious practices several decades ago. (2) The second research case involves a community of the Brighamite branch of Mormonism, in which no transformation process of group identity or religious practices could be observed in the last decade. These research cases offer the following common characteristics: (a) Both communities belong to larger transnational religious movements, i.e., «migrating religions»; (b) the organizations' members have previous migration experience (as missionaries or otherwise) and reside in the same social setting, in a large city in Western Germany; and (c) both communities can be characterized as «strong religions» [8] (that is, they have an exclusionary code of their religious group membership, the claim of salvation only for own organizational members, missionary practices, and the reference to world-denying in their organizational ideologies). At the same time, these research cases differ in the following features: (a) manifestation of the transformation processes relative to religious group identities and practices on the community level; (b) migration incentives; (c) relationship towards the organizational environment, and (d) organizational structure.

For example, the first research case (i.e., a community of Mennonites from the former Soviet Union) manifests several transformation processes relative to the constitution of religious group identity and certain religious practices in the course of acculturation in the receiving society. These changes concern their mode of religious world-rejecting, organizational ideology and certain religious practices. Female community members, for instance, are now allowed to wear trousers at community meetings during the

week (i.e., from Monday to Saturday), as well as knee-length skirts and earrings during the Sacrament meetings on Sunday. And along with these changes in their religious practices, rhetoric of apocalyptic expectations and religious world-denying was lessened in organizational discourse, at least on the level of leadership and among the second and third generations of community members. Both their exclusionary religious orientation and the relevance of the bookish tradition do still remain central to the constitution of the group's identity. However, the community does not exclude itself from «the world», i.e., the organizational outside. On the contrary, it endeavors to *transform* the organizational outside (i.e., «the world») wherever possible, according to its definition of Christian values. Considering the classification of strongly religious movements [8], one can observe in this case the transformation from the mode of world-renouncers to the mode of world-creators in this research case on the level of community discourse. This community not only cooperates with other communities of Mennonites with the same experience of migration from the former Soviet Union, it is also connected to autochthonous free evangelical unions and churches, participating in missionary activities abroad (e.g. in Africa, Israel and other foreign countries) as well as promoting evangelization and their religious values amongst youth in Germany. In order to attract the autochthonous population to their community, they name themselves not as the «Mennonite Community», but the «Community of Christ» (German: *Christusgemeinde*).

In the other research case, contrarily, no such transformative development was observable. This difference is the starting point for a sociological analysis. In the following I will present a reconstruction of these two research cases, identifying reasons for the transformation of identity formation and religious practices in the first research case, and discussing reasons for their absence in the other research case.

Within-Case Reconstruction I: Transformation of Religious Identity

In the first research case (i.e., a community of Mennonites from the former Soviet Union) the community members derive their understanding of migration processes and organizational goals pertaining to migration simultane-

ously from two codes of self-identification – that is, from their ethnic and theological self-determination as Christians in the world, and as ethnic Germans. Theologically, as «the people of God», community members are «on their way to heaven»; and historically, they are the ancestors of ethnic Germans, who immigrated to Tsarist Russia during the reign of Catherine the Great and returned to their historical homeland in the last century.

This intersection of religious and ethnic codes in identity formation provides the basis for a means-end-calculation relative to their relationship to the organizational environment, and to their migration incentives, migration experiences and adjustment processes in their current country of residence (that is, in Germany). These community members define their migration as «returning to their historical homeland». The type of migration to Germany in this research case can be defined as both return migration and chain migration. However, this incentive to migrate is interwoven with their religious code as well: As «the people of God», community members adjust their personal lives and their living space to be in line with their understanding of ‘divine laws’ and religious traditions. If living according to their religious creed in a society is not possible and there is a possibility of migration, then the faithful migrate to another place, where the freedom of belief is provided and where they can enjoy more freedom while practicing their religion. This religious self-distinctness shapes the migration and adjustment process in this research case, too. The idea of migrating back home for the purpose of ethnic reunion after a centuries-long history of migration and multiple self- and other-induced estrangements in foreign countries instills in many community members a strong sense of ethnicity as Germans and a strong longing for their homeland. This ethnic self-determination provides significant motivation for acculturation in Germany as the receiving country and historical homeland, to the extent that it does not collide with their religious self-distinctness.

In addition, this ethnic self-determination provides the basis for connectivity and matching in the framework of the ethno-national state of Germany. On the one hand, the strongly religious orientation did not gain much recognition, especially among the non-religious autochthonous population; and, certain identity markers and

cultural differences of first-generation migrants (such as special hairstyles, specific dress codes, an Eastern European accent, etc.) led to identity and recognition conflicts (German: *Identitäts- und Anerkennungskonflikte*) in their historical homeland. On the other hand, the German state supported the structural and economic integration of this group of immigrants with additional support (e.g., language courses, non-interest bearing loans, etc.). Furthermore, some autochthonous evangelical groups also encouraged religious and cultural exchange with Mennonite migrants from the former Soviet Union. In this way, this particular research case developed cultural convergence which was supported by the match of ethnic and religious codes in the self-determination of this particular migrant group and certain religious movements in the receiving society. However, the way to the currently observable cooperation with autochthonous evangelical groups has taken several decades, and such religious and cultural convergence cannot be found in any case of Mennonite communities living in Germany. We should also keep in mind the contextual factor at work here: Living in a large city, the community being studied could easily make use of the religious diversity in the given social space, which could be more difficult in a remote village with a less varied religious landscape.

Along with the common ethnic code connecting this migrant group to the receiving society, and along with the specific ethno-religious self-determination shaping their motivation to migrate, and positioning in relation to the organizational environment; the transformation of religious group identity and religious practices was supported in this case by several additional characteristics of the organizational discourse under analysis:

(1) First and foremost, there is a certain organizational independence of the so-called «base-communities» (German: *Basisgemeinde*) of Mennonite churches of each other. This institutional independence allows for variations in their organizational discourses and ideologies, including the issues of migration and acculturation processes in the receiving society. Since such «base-communities» are part of a negotiated transnational religious network [cf. 3] free of specific hierarchies, decisions concerning the reproduction of any particular organizational discourse and relations with

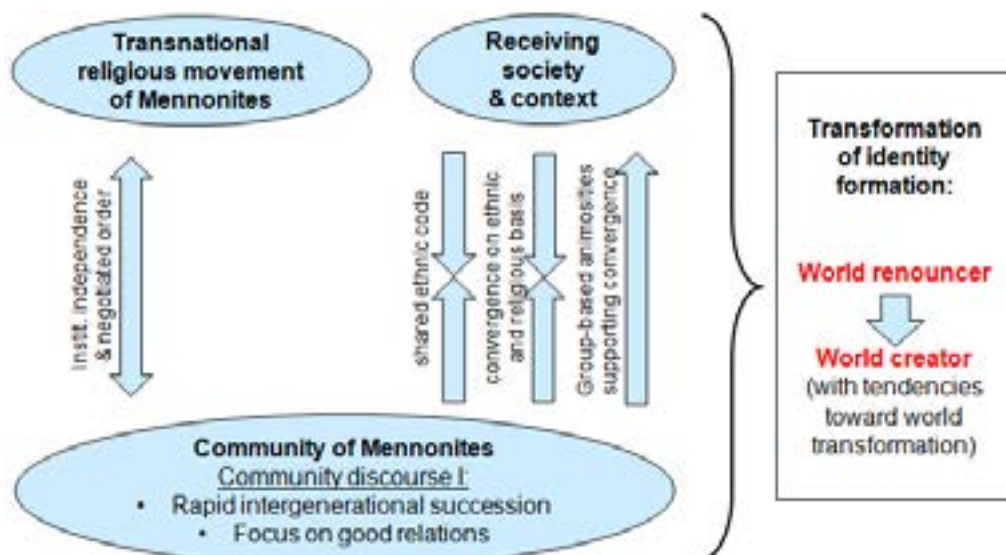
the organizational environment can be made according to particular community resources as well as contextual and situational opportunities and circumstances. Although centrality of a strongly religious orientation remains the central characteristic of this «base-community», specific adjustments to the organizational environment can be made over time, according to the orientation of community members as well as the receiving society with its particular population groups (i.e., evangelical free churches).

(2) Another important issue, which enhances the speed of organizational development and which in this research case also contributes to certain transformational processes, is relative to the rapid intergenerational succession in the leading positions (e.g. such as lay preachers). This rapid succession in the organizational structure and additional orientation of the community's management of the good relations and cooperation between members (German: *beziehungsfoкусиertes Miteinander*) make organizational hierarchies more permeable and prevent gerontology. Although the leadership of this community is exclusively male, the position of lay preachers and the focus on good relations in the community development enable this community to integrate the voices of different generations in the construction of organizational discourse. This fosters intergenerational exchange and the simultaneous participation of the first, second and third generations of migrant Mennonites on the organizational level. The orientation of the group's leadership (the council of Elders) on good relations and cooperation is part of the organizational culture, and provides an opportunity for productive intergenerational exchange in the organizational structure. For the community under study here, these conditions create further chances for the transformation of the particular mode of religious world-rejecting from world-renouncement to world-creating. They also induce the change of several religious practices.

(3) Finally, the mechanisms of organizational closure have to be mentioned in the following context: For this community, the myths of organizational descent (German: *Ursprungsmythos*) shape the narrations pertaining to self-determination and contain storylines about their history of religious and ethnic persecution, scattering, displacement, and migration firstly during the

Protestant Reformation in Europe, and subsequently during the Second World War, as well as in the post-war era in the former Soviet Union and in Germany. These storylines are preserved in the collective memory of this community and frame the symbolic and organizational boundaries between this strongly religious collectivity and its organizational environment. For example, the reminiscence of ethnic tensions roots in the remembered history of displacement and discrimination in the former Soviet Union. This reminiscence fills the communicative memory of the first and second generations of community members; and, in situations of identity-threat, ethnic competition and conflict, these remembered ethnic tensions can induce self-victimization or take the form of group-based animosity. Religion-based enemy images are another example of storylines, which define symbolic and organizational boundaries of this community: These images appeared during the Protestant Reformation in Europe and relate to the distant past in the structure of the organizational memory culture. These ethnic and religious semantics in the communicative memory of this organization shape particular lines of group boundaries. However, they do not impede communication with the current organizational environment in Germany. Moreover, in situations of recognition conflicts (German: *Anerkennungskonflikte*) with the autochthonous population or in situations of ethnic competition between different migrant groups, the semantics of group-based animosities even help to gain socially favorable positioning. This specific expression of symbolic and organizational boundaries not only encourages communication with the organizational environment, it also creates further chances for the transformation of religious identity. The rhetoric of strongly religious world-rejecting with generalized hostile attitudes towards «the sinful» and towards the so-called «inconsequent» styles of religiosity remains an integral part of the organizational discourse, and is directed toward the immediate organizational environment. However, this rhetoric does not prevent community members from cooperating with autochthonous religious groups, whose religious self-understanding is close to the organizational ideology of this Mennonite community.

I sum up the results of this within-case reconstruction in the following graph:

Graph 2. Conditions for the partial transformation of strongly religious identity in the research case I

Within-Case Reconstruction II: Persistence of Religious Identity

The second research case involves a community of the Brighamite branch of Mormonism. This community is situated in the same city in Western Germany, and is comparable in size to the Mennonite community under study. The Brighamite branch of Mormonism also has a long tradition of transnational migration. Like the first research case, the community under analysis here has to be defined as a strongly religious movement. However, the main feature of its relationship towards the organizational environment is characterized by the mode of world-transforming. Unlike the first research case, no transformation of religious identity or religious practices can be observed in this community. Like in the first research case, the following analysis focuses on the organizational discourse as a whole, on the particular discursive storylines relative to the code of the organizational Self and its role in the definition of migration incentives, as well as on the relationship towards the organizational environment. Both the migration incentives and the relationship of this transnational religious movement with its organizational environment are based in this research case exclusively on religious self-determination. As a church with the world-transforming mode of adjustment to the organizational environment, it integrates in its organizational ideology and discourse the requirement of missionary activities as a part of the group's religious iden-

tity. Only by transforming 'the world', – that is, by spreading 'the word of God', recruiting new organizational members and setting up new communities of followers all over the world – does a community member have the chance to obtain personal salvation and eternal life in «the Kingdom of God» [10]. The incentives of organizational members to migrate to Germany or to another place of mission are therefore legitimized theologically, at least on the level of organizational discourse. As a result, taking part in a mission, organizational members are involved in a kind of circular migration: Missionaries from the US and the autochthonous members of this community are regularly sent on missions to other German cities or other foreign countries. After their missionary work, the missionaries usually return to their home communities in their countries of origin. The mission implies «working for God», aiming at a step-by-step transformation of the organizational environment in line with organizational values and identity features. The missionaries support organizational growth by setting up new communities and by supporting already established communities in their development. In preparing for their missionary work abroad, the members of this movement are instructed to respect local laws, i.e., national legislations in the places of their mission and to be polite with other people. This guideline frames the process of adjustment in the receiving society (i.e., the target societies of the mission) as well. However, their missionary duty remains

a priority for its members in any receiving society. Therefore, interaction with non-members is largely influenced by these organizational directives and usually does not lead to personal bonding with representatives of the organizational environment or to the quest for new information about a receiving society. As a consequence, the chances of experiencing a transformation of the religious code on the organizational level are kept to a minimum.

In addition to this theologically legitimized attitude to the migration process and positioning towards the organizational environment; the continuity and stability of organizational discourse (relative to the issues of mission, migration and organizational policy in «the world») are supported by the following aspects, which also hinder its transformation:

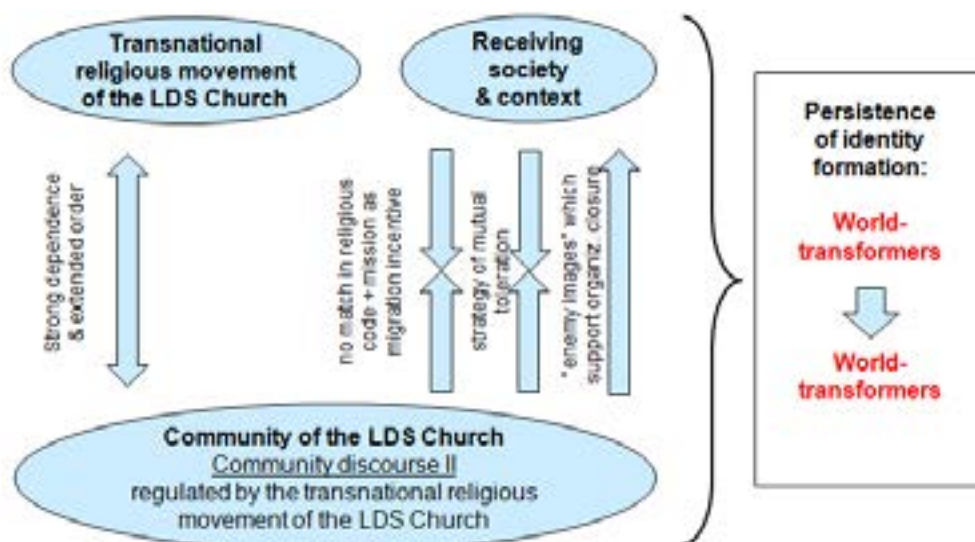
(1) Following Levitt [3, p. 6], this movement can be identified as an extended religious transnational organization, given that it integrates all of its members in powerful organizational structures with a particular ideological positioning in relation to its organizational environment. Being a part of such organization, the community's discourse is strictly shaped according to the organizational ideology and supervised by several institutions of formal and informal control. The centralized management, strong ties to religious authorities in the U.S., strict hierarchy between different levels of leadership and different organizational positions, and attribution of transcendent qualities to the organization and its structures (i.e., positions,

roles, rules etc.) not only ensure the continuity of organizational ideology, but also provide a mechanism for the suppression of any transformation processes at the local level.

(2) The slowness of organizational development and therefore the limited chances of transforming organizational ideology are also determined by the age structure of organizational leaders. Management of the church can be characterized as a gerontocracy, implying very little intergenerational succession in the top management positions of the church.

(3) Finally, the organization's discourse and ideology contain several generalized semantics of animosity and enemy images, which are functionally used in the organizational boundary management. These semantics characterize organizational myths of descent and reconstruction, and the myth (or rather the vision) of the prophesied future with regard to salvation. In all of these myths, the generalized images of external «enemies» are related to the immediate organizational environment. In addition, the organizational discourse is protected by references to images of internal «enemies» (e.g. «deviants» [German: «Abweichler»]), which are designed to preserve the 'purity' of organizational ideology. Such generalized images of internal and external «enemies» prevent the initiation of intra-organizational conflicts and debates concerning the structure of the organizational discourse, thereby preventing any possibility of transformational processes.

I sum up the results of this within-case reconstruction in the following graph:

Graph 3. Conditions for the persistence of strongly religious identity in the research case II

Cross-Case Analysis: Conditions for Transformation and Persistence

Although both communities under analysis may be characterized by several common features, they respond differently to the possibility of religious identity transformation in the receiving country. Both communities represent larger transnational religious movements, and both define themselves as strong religions, with a typical tendency to deny «the sinful world» (i.e., the organizational environment) and other lifestyles, including other forms of religiosity. Both communities also share the same social context in the receiving society and are located in the same city in Western Germany. However, in the first research case (i.e., in a community of Mennonites from the former Soviet Union) one can observe the transformation of certain religious practices, of organizational ideology and certain aspects

of religious identity (insofar as the mode of the religious world-rejecting is concerned); and in the second research case (i.e., in a community of the Brighamite branch of Mormonism), no such transformation process took place, in the period of time under analysis.

The research results in the following table (see Table 1) describe the major characteristics of the analyzed research cases considering their different tendencies to transform or maintain religious identity against the background of migration processes. Following the guidelines of cross-case analysis, I juxtapose central identification aspects as well as motivational, organizational and contextual factors, and define their expressions relative to the transformation or persistence of religious identity, organization and practices:

Table 1

Factors responsible for the transformation or persistence of religious practices and religious identity in two research cases

Case number Characteristics of the transnational relig. organizations	Research case I: A community of Mennonites from the former Soviet Union (in Germany)	Research case II: A community of the Brighamite branch of Mormonism (in Germany)
	Transformation of religious identity	Persistence of religious identity
Identification aspects and motivational factors		
Self-determination via ...	Intersection of religious and ethnic codes	Religious code only
Prior characteristics of the religious code and religious positioning towards the organizational environment («the world»)	Strong religion with the mode of world-renouncing, which changed into the mode of world-creating	Strong religion with the mode of world-transforming
Transformation of the religious code and religious positioning towards the organizational environment («the world»)	In the last decades the mode of world-renouncers was transformed into the mode of world-creators with tendencies toward world-transformation	No transformation of religious code or positioning to 'the world'
Migration to Germany is motivated by	The ethnic code	The religious code

Type of migration	Return migration & chain migration	Circular migration
Attitude towards migration and acculturation in the receiving society is determined by	A common ethnic code with the receiving society	The religious code, defined by the motivation of missionary work in «the world»
Contextual aspects		
Contextual framework for migration and acculturation, as well as support in acculturation processes, provided by the receiving society	(a) Additional support in structural integration, based on a common ethnic code. (b) Support in cultural integration, provided by autochthonous religious communities with a strongly religious orientation	(a) General regulations of migration to Germany (b) Support by the already established community of this movement and its members
Organizational aspects		
Type of transnational religious organization (TRO)	Part of a negotiated TRO, with a decentralized form of management on the transnational level and relationship-focused community development on the local level	Part of an extended TRO with centralized management, a strong organizational hierarchy, and diverse mechanisms of formal and informal control
The character of intergenerational succession in organizational management	Participation of different generations in the construction of the community's discourse	Gerontocracy with limited intergenerational succession in the top management positions
Group-based animosities or «enemy images» in the organizational discourse and in the collective memory of organizations	... root in the remembered and experienced discrimination, scattering, displacement and migration, experienced during the Protestant Reformation, in the former Soviet Union and in Germany	«Enemy images» are generalized and relate to the immediate organizational environment. They also target criticism concerning organizational ideology inside and outside the community

Concluding Remarks

The analysis shows that the incentive for migration is a deciding factor in determining whether or not strongly religious communities representing larger transnational religious movements will undergo transformational processes in the context of a culturally different society. However, even if return and chain migration (with an emphasis on the ethnic code in organizational self-determination) are one of the major motivations for migration in the first research case, it is not the only factor which supported transformation of certain religious practices in the community of Mennonites under study. The analysis identified the following additional factors: (a) the matching code in self-determination (in this case, the ethnic code) of the migrant Mennonites from the former Soviet Union and their receiving society, (b) mutual interest in a partial incorporation and (c) the specific structure of organizational and societal discourses which foster exchange, communication and cooperation between this group and autochthonous religious actors. Even if partial transformation took place in this research case, though, we should treat this result cautiously, given that the cultural convergence of this group of migrants proceeded on the basis of an ethno-religious code: That means that these were the ethno-religious autochthonous groups who (among other factors) could support the transformation of the strongly religious code of migrant Mennonites from strongly religious world-renouncing to world-creating (with tendencies toward world-transforming).

This study identifies the following factors as being important to consider in the exploration of change and persistence in strongly religious transnational movements and their local repre-

sentatives: These are (a) organizational regulations pertaining to the change in particular organizational discourses, (b) goals-and-means-relations in the relationship with the organizational environment, which has roots in the mode of religiously-motivated world-denying, (c) patterns of interpretation concerning migration purposes and adjustment on the local level, (d) alternation of generations, (e) collective memory concerning the myths of descent and reconstruction, as well as the plan of salvation, and (f) self-victimization in myths of organizational development, as well as possible intergroup tensions which can lead to rhetoric of animosity and which can legitimize «enemy images» in organizational ideologies. Summing up, several factors were involved in fostering the transformation of religious group identity and certain religious practices in one case, while preventing this transformation in the other research case.

A final comment relates to the framework of the possible generalization and application of the research results from these empirical case reconstructions. Following Max Weber's ideal type methodology, the results of this study can be interpreted and applied only as patterns of processes, which might be found under certain circumstances according to the makeup of diverse and complex social realities [13, p. 332]. The identified ideal type patterns are not the only possible way of transforming or preserving practices in strongly religious communities that can emerge in real-life contexts. That is why the transferability of these research results from this micro-analysis to other possible empirical cases should proceed according to the case-to-case-transfer method [13, p. 319].

REFERENCES:

1. Baumann M. Migration – Religion – Integration. Buddhistische Vietnamesen und hinduistische Tamilen in Deutschland. Marburg: Dialog – Verlag, 2000. 240 p.
2. Yang F., Ebaugh H.R. Transformations in New Immigrant Religions and Their Global Implications // American Sociological Review. 2001. Vol. 66. № 2. Pp. 269-288.
3. Levitt P. Redefining the Boundaries of Belonging: Thoughts on Transnational Religious and Political Life // The Center for Comparative Immigration Studies – Working Paper 48. March 2002. San Diego: University of California. 60 p. URL: <http://ccis.ucsd.edu/wp-content/uploads/2012/08/wrkg48.pdf> (date of access: September 3, 2015).
4. Matras J. Religious Observance and Family Formation in Israel: Some Intergenerational Changes // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 69. № 5. Pp. 464-475.
5. Fleishmann F., Phalet K. Integration and Religiosity among the Turkish Second Generation in Europe. A Comparative Analysis across Four Capital Cities // Ethnic and Racial Studies. 2012 (Vorab online publiziert 11. Juli 2011). Vol. 35. № 2. Pp. 320-341.
6. Fleischmann F., Phalet K., Klein O. Religious Identification and Politicization in the Face of Discrimination. Support for Political Islam and Political Action among the Turkish and Moroccan Second Generation in Europe // British Journal of Social Psychology. 2011. Vol. 50. № 4. Pp. 628-648.
7. Hirschman Ch. The Role of Religion in the Origins and Adaptation of Immigrant Groups in the United States // International Migration Review. 2004. Vol. 38. № 3. Pp. 1206-1233.
8. Almond G.A., Appleby S.R., Sivan E. Strong Religion. The Rise of Fundamentalisms Around the World. Chicago et al.: University of Chicago Press, 2003. 281 p.
9. Michel O. Spheres and Trajectories of Religiously-Motivated Activism in the Field of Strongly Religious Movements // Partecipazione e Conflitto. 2014. № 7(1). Pp. 83-110.
10. Michel O. Religiöse Weltablehnung und Positionierung zum «abweichenden Anderen». Theorie der positionalen Konfliktperformanz am Beispiel des streng religiösen Feldes. Dissertation an der Leibniz Universität Hannover. Hannover: TIBUB, 2014. 388 p. URL: <http://edok01.tib.uni-hannover.de/edoks/e01dh14/810902885.pdf> (date of access: October 3, 2015).
11. Strauss A. Grundlagen qualitativer Sozialforschung. Datenanalyse und Theoriebildung in der empirischen soziologischen Forschung. München: Fink, 1998. 372 p.
12. Yin R.K. Applications of Case Study Research. Los Angeles et al.: Sage, 2012. 231 p.
13. Przyborski A., Wohlrab-Sahr M. Qualitative Sozialforschung: ein Arbeitsbuch. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2008. 403 p.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.454.54

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-67-74

*Конев И.В.
Евминов К.Н.*

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ГРУППОВОГО ВЛИЯНИЯ НА ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Конев Иван Викторович,

*доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, Белгород, 308012, Россия
Электронный адрес: synergy7@mail.ru*

Евминов Константин Николаевич, *соискатель кафедры социологии и управления
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, Белгород, 308012, Россия
Электронный адрес: synergy7@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье выделены и рассмотрены технологии косвенного действия, применяемые для оптимизации группового влияния на организационное поведение: компаративно-сопоставительная технология, технология социального развития группы, технология сотрудничества, технология кумулятивной ответственности, технология сопряженной мотивации.

Ключевые слова: организационное поведение; групповое влияние; технология; технологизация; сотрудничество.

*Konev I.V.
Evminov K.N.*

TECHNOLOGISATION OF GROUP INFLUENCE ON ORGANIZATIONAL BEHAVIOR

Konev Ivan Viktorovich, *doctor of sociology, professor of sociology and management
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukova Street, Belgorod, 308012, Russia
E-mail: synergy7@mail.ru*

Evminov Konstantin Nikolaevich,
*Competitor of the Department of Sociology and management
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukova Street, Belgorod, 308012, Russia
E-mail: synergy7@mail.ru*

АБСТРАКТ

The article presents indirect technology used to optimize group influence on organizational behavior: a comparative-controversial technology, the technology of group's social development, collaboration technology, technology of cumulative liability, conjugate technology motivation.

Keywords: organizational behavior; group influence; technology; technologisation; cooperation.

Множество технологий, используемых и предназначенных для оптимизации группового влияния на поведение в организации можно разделить условно на две группы:

- технологии прямого действия, применение которых предусматривает оказание непосредственного воздействия на сотрудников организации (членов группы);

- технологии косвенного действия, применение которых предполагает оказание опосредованного воздействия на сотрудников организации (членов группы), т.е. обеспечение таких условий, которые побуждали бы их к выбору желаемого для группы варианта поведения.

В данной статье рассмотрим технологии косвенного действия, к которым относятся:

- компаративно-состязательная технология. Данная технология раскрывает регулятивный потенциал группы, приводит его в действие.

- технология социального развития группы. Чем выше уровень социального развития группы, тем большим позитивным потенциалом обладает она в регулировании поведения сотрудников организации;

- технология сотрудничества. Эффективное влияние группы на поведение сотрудников организации возможно в условиях реального сотрудничества, что достигается, прежде всего, благодаря коллективным формам организации и стимулирования труда (КФОСТ);

- технология кумулятивной ответственности;

- технология сопряженной мотивации, нацеленная на интеграцию индивидуальных и групповых критериев.

5. *Компаративно-состязательная технология.* Компаративное влияние (от лат. comparatio – сравнивать, сопоставлять) основано на социальном эффекте сравнения. Человек выступает для другого своего рода «зеркалом», в котором тот видит себя, свои достоинства, недостатки и, соответственно, делает из этого практические выводы: минимизировать недостатки, закрепить и развить достоинства, оставить все как есть и т.д. Эти ориентации формируются и изменяются чаще всего стихийно, без целенаправленных, в том числе управленческих воздействий, вследствие чего приобретают нерегулируемый характер. При этом сама ориентация на других людей (компаративно-состязательная ориентация) ко-

леблется в довольно широком спектре. Быть (работать или выглядеть) *лучше других* – это только одна из ориентаций. Другая ориентация – на наш взгляд, даже более распространенная, – *быть не хуже других*. Третья ориентация – *«не перетрудиться»*. Общий тон сотрудничеству задают в этом случае не лучшие, а худшие. Четвертая ориентация – *сделать то же, но не так же*. Такая ориентация мотивируется нередко приоритетными или «мундирными» соображениями, задетым честолюбием. Пятая ориентация – *поступить назло*: «если вы так, то я буду наоборот». Имеется и такая категория людей, которая ни на кого не ориентируется, во всяком случае, в рамках данной организации [18].

Могут различаться не только вектор ориентаций, но и их интенсивность (сильная или слабая), продолжительность (постоянная или ситуативная), эффективность (высокая или низкая) и т.д.

Смысл компаративно-состязательной технологии заключается в том, чтобы придать компаративно-состязательным отношениям в организации управляемый характер, раскрыть их социально-регулятивный потенциал и успешно использовать его в управлении поведением персонала организации. Задачи использования компаративно-состязательной технологии можно сформулировать, соответственно, следующим образом:

- формирование компаративно-состязательных ориентаций персонала организации;

- регулирование предметной сферы компаративно-состязательных ориентаций (содействие выбору предмета, релевантного для сравнения, подражания и соревнования);

- регулирование направленности, продолжительности, эффективности компаративно-состязательных ориентаций;

- изменение компаративно-состязательных отношений по указанным параметрам;

- обеспечение соблюдения организационно-технологических принципов, методов и процедур.

Обращаясь к организационно-технологическим принципам, используемым в компаративно-состязательной технологии, укажем, прежде всего, на принципы гласности, сравнимости и обмена опытом.

Принцип гласности предусматривает освещение: во-первых, индивидуальных и кол-

лективных результатов деятельности группы; во-вторых, путей достижения результатов; в-третьих, индивидуального вклада в достижение коллективных результатов.

Принцип сравнимости означает: во-первых, обеспечение возможности для сравнения индивидуальных результатов (выбор качественных и количественных показателей, их оценку и самооценку); во-вторых, выявление лучших и худших результатов; в-третьих, обеспечение возможности для сравнения индивидуальных вкладов в общий (коллективный) результат.

Принцип обмена опытом предполагает: выявление и описание позитивного (передового) опыта, заслуживающего одобрения, распространения и дальнейшего развития; определение возможности и условий обмена опытом; соблюдение принципов обмена опытом, включая принципы мотивированности, адресности и т.д.

Продолжая характеристику компаративно-состязательной технологии в целенаправленном использовании социального потенциала группового влияния, обратимся к известной книге Д. Карнеги «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей». «Если ничто другое не действует, попробуйте это» – именно так назвал Д. Карнеги одну из глав своей знаменитой книги, в которой рассказывается о трудовом состязании [8]. «Лучший способ добиться, чтобы дело было сделано – это поощрять соперничество. Я имею в виду не низменное, корыстное соперничество, а стремление добиться превосходства» [8]. Это сказано уже Г. Швабом – одним из лучших менеджеров Америки.

Целенаправленное использование эффектов состязательности для оптимизации группового влияния возможно посредством следующих методов:

- конкурсного метода, в частности, при выявлении, оценке и поощрении «лучших по профессии» как по отдельным номинациям, так и по всему комплексу значимых показателей;

- метода конкуренции, что предполагает введение в социальное взаимодействие режима соперничества, борьбы за достижение лучших результатов. Если конкурсный метод направлен непосредственно на выявление лучших, то метод конкуренции – на выявление или исключение из взаимодействия худших.

Если проведение конкурсов требует их специальной организации, то конкуренция может возникнуть и спонтанно [19];

- метода значимого сравнения, основанного на систематическом сопоставлении показателей деятельности и поведения членов группы, что побуждает их самостоятельно ориентироваться на эти результаты, чтобы не оказаться «хуже других»;

- метода направленного подражания, применение которого предполагает, во-первых, знание того, кто потенциально готов подражать и кому подражать. Во-вторых, направленное подражание предполагает выделение одобряемых эталонов поведения и ориентирование на них внимания. В-третьих, важно нейтрализовать нежелательные объекты подражания посредством психологической девальвации их ценности;

- метода личного примера, предполагающего, что члены группы полностью или отчасти ориентируются на своего лидера, видя в нем пример делового и нравственного поведения;

- метода «вызова»: если один бросает вызов, а другой его принимает, то оба партнера побуждаются к мобилизации собственных ресурсов для достижения цели соперничества; данный метод эффективно работает, когда за каждым соперником стоит группа «болельщиков», когда есть группа, выступающая как «аудитория» и группа – в роли «арбитра» [20].

Принципиально важно обеспечить высокий уровень мотивации членов группы к активному участию в состязательности. Для этого требуется, во-первых, обеспечение таких условий совместной деятельности, в которых ее участники могли бы самораскрыться, реализовать свой потенциал, проявить собственную значимость; во-вторых, обеспечить условия, которые позволили бы членам группы «прилично» выглядеть на фоне других; люди избегают ситуаций и контактов, которые наводят на мысль о собственных недостатках, вызывают чувство неполноценности.

Для оптимизации группового влияния на поведение персонала организации важно также знать и учитывать, что представляет собой группа, каковы ее ценностные установки и нормы, на каком уровне социального развития она находится. Так, если группа находится на низком уровне социального развития, и ее ценности, нормы расходятся с организацион-

ными ценностями и нормами, то влияние такой группы на отдельных индивидов следует даже ограничивать и нейтрализовать. Центр тяжести социального управления переносится на социальное «оздоровление» группы, обеспечение ее восходящего социального развития. В этой связи актуализируется потребность в применении технологии социального развития группы [14; 2; 12; 17].

6. *Технология социального развития группы.* Представляя данную технологию, мы опираемся на теорию развития коллектива, основы которой были заложены в трудах А.С. Макаренко [13]. В настоящее время имеется несколько «моделей» развития коллектив[14], в которых фиксируются отдельные стадии или уровни в этом процессе.

Исходная точка развития коллектива – *группа-конгломерат*, т.е. группа, в которой объединены ранее непосредственно незнакомые люди, оказавшиеся (или собранные) в одном пространстве и в одно время. Основанием их объединения в такую группу оказываются какие-то общие интересы.

Вторую стадию развития коллектива можно назвать стадией *дифференцирования*. На этой стадии в основном завершается взаимное изучение, на основе которого происходит сближение людей в соответствии с их интересами и общим складом характера. В этот же период формируется *актив* коллектива, который раньше других усваивает требования, оценивает, их жизненную значимость и стремится поддержать руководителей. Появляется и группа *добросовестных исполнителей*. Эти люди понимают свои обязанности, осознают необходимость дисциплины и порядка и делают свое дело, но «голоса» своего не подают, инициативы не проявляют. Может образоваться и группа *пассива*: это люди, которые стремятся работать «по минимуму», чтобы себя не перетруждать. При некоторых условиях может сформироваться и группа *дезорганизаторов*. К этой группе могут относиться разные люди – недисциплинированные и ленивые, с чрезмерной амбицией и тщеславием, аморальные и т. п.

Следующую стадию развития коллектива образует *группа-кооперация*. На этой стадии коллектив отличается реально и успешно действующей организационной структурой, высоким уровнем групповой подготовленности и сплоченности[5].

Расширение и углубление внутригруппового общения означают переход коллектива на более высокую стадию развития – *стадию автономизации* или стадию «автономной» группы. На этой стадии достигается довольно высокое внутреннее единство группы по всем параметрам (единство целей, организационное единство, психологическое единство), особенно, по параметру психологического единства (совместимости)[11].

На завершающей стадии социального развития группа обретает коллективистскую направленность, т.е. направленность на приоритетное, первоочередное удовлетворение общественных (организационных) потребностей.

До сих пор речь шла о положительной направленности социального развития группы. Но возможно ее движение и в противоположном направлении: от группы-«конгломерата» к группе-«антиколлективу», которой присущи замкнутость, внутригрупповая антипатия, межличностный эгоцентризм и эгоизм, конфликтность и агрессивность.

Процесс социального развития группы (коллектива) тесно связан с развитием сотрудничества ее членов, что актуализирует задачи целенаправленного содействия данному процессу.

7. *Технология сотрудничества.* Сотрудничество – совместная деятельность, осуществляемая на основе или простой кооперации, или разделения труда. В первом случае происходит суммирование усилий участников совместного труда, к примеру, при поднятии и переносе тяжелого предмета. То, что не в силах сделать каждый в отдельности, легко совершить им при объединении усилий. Во втором случае сотрудничество строится на разделении и координации действий (функций, операций). В условиях разделения труда и соответствующей специализации, т.е. исполнения индивидом определенных функций в процессе сотрудничества, экономится энергия, затраты которой неизбежны при переходе от выполнения одной функции к другой, наиболее эффективно используются способности отдельных людей к выполнению определенных работ. Что касается координации (согласования) действий членов группы, то она включает в себя функциональное согласование (что кому делать), согласование во времени (когда делать – одновременно, вслед друг за другом или через ка-

кой-то интервал), согласование в пространстве (где делать).

Суть технологии сотрудничества в контексте оптимизации группового влияния на поведение заключается в следующем. С целью обеспечения или изменения группового влияния на поведение человека его вовлекают в новую деятельность, используя желание взаимодействовать с каким-то определенным лицом, либо вовлекая всю группу в эту новую деятельность и используя мотив следования дисциплинарным нормам, либо используя желание человека к повышению престижа. При этом, вовлекая человека в новую для него, пока еще безразличную деятельность, полезно обеспечить минимизацию усилий человека по ее выполнению – если же новая деятельность для него слишком обременительна, то человек теряет желание и интерес к ней.

Следует обратить внимание и на то, что лекарством от нежелательного группового давления становится ответственное участие в группе, в отношениях с ее представителями, то есть забота о группе, о другом человеке, ответственность за себя и за другого. Такая ответственность делает сотрудников равноправными партнерами с группой, с другим человеком. Нормы группы тогда становятся индивидуальными нормами. У сотрудников появляется свобода ими распорядиться, следовать им или нет, свобода отменить эти нормы вовсе. Забота о другом, о группе ставит интересы других вровень с индивидуальными. Сотрудники тогда в состоянии взвесить, что и насколько нужно другому, группе, что нужно самим и выбрать нужное. Но не под давлением предполагаемых ожиданий другого или группы (под их ответственность), а в соответствии с собственным пониманием действительных интересов других, всей группы, в соответствии с пониманием требований реальной ситуации, в соответствии с собственным опытом, интуицией, чувством, вкусом, по здравому разумению, по совести – ответственно [15].

Сотрудничество в организации основано чаще всего на узкой специализации членов группы: каждый из них занимается своим делом и не вмешивается в дела других. Образно выражаясь, каждый имеет свой чемодан. Однако такого (классического) сотрудничества оказывается недостаточно, когда требуется более тесное и частое взаимодействие членов

группы при решении общих задач. Требуется сотрудничество с так называемой кумулятивной ответственностью членов производственной группы.

8. *Технология кумулятивной ответственности.* Понятие «кумулятивная ответственность» впервые было введено в научный оборот М.П. Фолетт [9]. Суть этой ответственности – в обеспечении взаимного согласования работы различных людей и подразделений. Так как функции не могут существовать отдельно друг от друга, то, следовательно, каждый работник и тем более руководитель несет ответственность за интеграцию своей работы с сотрудниками, а не просто за передачу им скоординированных обязанностей [1; 3]. «Быть в ответе за себя и за того парня» – так образно можно выразить смысл кумулятивной ответственности.

Показательна в этом отношении деятельность *кружков качества*. Это – небольшие автономные группы, ежедневно или еженедельно самостоятельно контролируемые результаты и разрабатывающие улучшения. Чем короче интервалы между заседаниями «кружков качества», тем раньше можно распознать ошибки в развитии и принять контрмеры. Если все сотрудники ежедневно реагируют таким образом на свою работу, возникает тенденция улучшения качества. В этом кроется секрет японского менеджмента и господства японских товаров на рынке [4].

Кружки качества представляют собой небольшие группы добровольцев, занятых на соответствующей работе, которые регулярно встречаются, чтобы под управлением подготовленного руководителя предлагать и обсуждать пути совершенствования методов работы или рабочих соглашений.

Цели кружков качества следующие:

- открыть работникам больше возможностей для применения своего опыта и профессиональных секретов;
- предоставить возможность применить опыт работников, которые могут больше знать о рабочих проблемах, не очевидных для далеких от подобных проблем менеджеров и руководителей групп;
- повысить производительность и качество;
- улучшить отношения с работниками;
- добиться приверженности организации.

Неотъемлемые черты кружков качества заключаются в том, что они:

- состоят из добровольцев;
- имеют подготовленного руководителя, обычно, но не всегда, руководителя группы;
- проводят регулярные встречи, которые строго ограничены во времени – чаще всего одним часом;
- включают от пяти до десяти членов;
- обычно выбирают проблемы, которые берутся решать, но их могут увести от проблем, которые явно выходят за рамки возможностей кружков или уже решаются;
- обучены применять системные аналитические методы или мозговой штурм для определения и решения проблем;
- представляют руководству полученные ими результаты;
- реализуют принятые предложения [3].

Показательна также практика организации «сквозных бригад качества». Такая бригада отвечает за всю цепочку операций, скажем, при изготовлении мужских рубашек – от раскроя ткани до пришивания пуговиц. Работник, выполнивший начальную операцию, сдает свою продукцию тому, кто отвечает за следующую операцию. Этот второй работник, принимая работу (полуфабрикат, изделие) от первого, проверяет качество ее выполнения, заставляет устранить недоделки, если таковые оказываются. Только после этого он приступает к выполнению своей операции и, выполнив ее, передает «трудовую эстафету» дальше. Если же он по невнимательности или беспечности пропускает производственный брак (недоделку на предыдущей операции), то ответственность за этот брак уже целиком переходит на него. В данной ситуации он просто не может быть безразличным и безучастным к работе своих коллег.

Кумулятивное сотрудничество характеризуется, во-первых, тем, что члены рабочей группы знают не только свои личные обязанности, но и имеют определенное представление об обязанностях других членов, по крайней мере, тех, кто находится рядом по технологической цепочке. Они имеют также представление об общем, конечном результате. Во-вторых, сотрудники заинтересованы не только в индивидуальных результатах, но и в результатах своих коллег и, следовательно, в общем, конечном результате. В-третьих, между ними складываются взаимные равностные отношения, высокая чувствительность как к

успехам, так и к недостаткам других сотрудников. В-четвертых, устанавливается также цепочка взаимного контроля.

Следует также отметить, что кумулятивное сотрудничество развивается не только «вглубь», но и «вширь», т.е. в направлении расширения его предметного поля и поступательного включения в него новых смыслов. Это поле выходит за рамки трудовых отношений, охватывая постепенно сферу неформальных, межличностных отношений. Таким образом, в процессе кумулятивного сотрудничества усиливается групповое влияние на поведение персонала, оно приобретает более позитивный, целенаправленный и адресный характер.

9. Технология сопряженной мотивации.

Суть данной технологии заключается в обеспечении единства личных и групповых интересов [7; 10; 11; 16; 21]. Имеется несколько способов достижения такого единства. Самый распространенный среди них – совмещенное премирование работников за индивидуальные и групповые показатели [6; 22]. При этом премия за производственные результаты делится на три примерно равные доли. Первая доля достается работнику, если он успешно выполняет индивидуальные задания, вторая доля – если успешно выполняются задания производственным подразделением. Третью долю он может получить при условии, если организация в целом успешно справилась с выполнением месячной производственной программы. Таким образом обеспечивается материальная заинтересованность работника не только в высоких личных результатах, но и в успешной работе производственного подразделения, всей организации. При этом соотношение долей в премии может меняться в соответствии с относительной значимостью стимулирования индивидуальных или коллективных показателей работы.

Таким образом, применение технологий косвенного действия предполагает оказание косвенного, опосредованного воздействия на сотрудников организации, т.е. обеспечение таких условий, которые побуждали бы их к выбору желаемого для группы варианта поведения. Из данной группы технологий выделены и рассмотрены компаративно-состязательная технология, технология социального развития группы, технология сотрудничества, технология кумулятивной ответственности, технология сопряженной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов Р.Н. Корпоративная социальная ответственность как пример организационного изоморфизма в условиях глобализации // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3. С. 327-345.
2. Агадуллина Е.Р., Котова М.В. Взаимосвязь воспринимаемой целостности группы и групповой активности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 1. С. 97-105.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2005.
4. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами. М.: ИНФРА-М, 2002.
5. Бандекина О. Умелое построение взаимоотношений с людьми – «тонкая работа» для профессионалов // Управление персоналом. 2002. № 9. С. 6-9.
6. Дурыхин М.И. Принципы системной мотивации труда // Социальные инновации: теория и практика: сб. науч. работ. Белгород: Изд-во центр ООО «Логия», 2005. Вып. I. С. 49-58.
7. Кабаченко Т.С. Психология в управлении человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2003.
8. Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. Екатеринбург: Изд-во «АРД-ЛГД», 1999.
9. Классики менеджмента / под ред. М. Уоркера. СПб.: Питер, 2001.
10. Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. М.: Инфра-М, 1997.
11. Ли Д.Д. Преданность компании – это очень важно // Управление персоналом. 2002. № 1. С. 6-8.
12. Ломоносова М.В. Групповое развитие. Истоки и многообразие концепций // Менеджмент в России и за рубежом. 2011. № 6. С. 112-119.
13. Макаренко А.С. Педагогическая поэма: собр. соч. в 4-х т., т.1. М.: Изд-во «Правда», 1987.
14. Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. М.: Политиздат, 1989.
15. Покрасс М.Л. Активная депрессия. Добрая сила тоски. Самара: «Бахрах-М», 2001.
16. Прохоров А.П. Солидарность подчиненных на предприятиях при различных режимах управления // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 43-57.
17. Сидоренков А.В., Мондрус А.Л. Эмпирическое обоснование модели групповой сплоченности // Психологический журнал. 2012. № 2. С. 40-58.
18. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции / под ред. Н.С. Данакина. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009.
19. Хашаева С.В. Конкурсно-состязательные отношения в сфере поддержки малого предпринимательства по материалам Белгородской области // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 8. С. 121-126.
20. Хашаева С.В. Социально-психологические методы управления соревновательными отношениями // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. Вып. 6 (48). С. 114-119.
21. Чередниченко И.П., Тельных Н.В. Психология управления. Р-на-Д.: Феникс, 2004.
22. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: Гросс медиа, 2003.

REFERENCES:

1. Abramov R.N. Corporate social responsibility as an example of institutional isomorphism in the context of globalization. *Journal of Social Policy Studies*. 2005. V. 3. № 3. Pp. 327-345.
2. Agadullina E.R, Kotova M.V. The relationship of perceived integrity of the group and group activity. *Messenger of Moscow University. Series 14. Psychology*. 2012. № 1. Pp. 97-105.
3. Armstrong M. *Practice of human resource management*. St. Petersburg, 2005.
4. Armstrong M.A. *Strategic of Human Resource Management*. Moscow: INFRA-M, 2002.
5. Bandekina O. Building skillful relationships with people – «delicate workmanship» for professionals. *Personnel Management*. 2002. № 9. Pp. 6-9.
6. Duryhin M.I. Principles of the system labor motivation. *Social Innovation: Theory and Practice: Collection of scientific works*. Belgorod, Publishing house LLC «Logia», 2005. Vol. I. Pp. 49-58.
7. Kabachenko T.S. *Psychology in human resource management*. St. Petersburg, 2003.
8. Carnegie D. *How to Win Friends and Influence People*. Yekaterinburg: Publishing house «ARD-LGD», 1999.
9. *Classics of management*. St. Petersburg, 2001.
10. Krasovsky J.D. *Management of behavior in the company: the effects and paradoxes*. Moscow: INFRA-M, 1997.
11. Lee D.D. Allegiance to the company – it is very important. *Personnel Management*. 2002. № 1. Pp. 6-8.
12. Lomonosov M.V. Group development. The origins and diversity of concepts. *Management in Russia and abroad*. 2011. № 6. Pp. 112-119.
13. Makarenko A.S. *Pedagogical Poem: Collection of works in 4 Vols. Volume 1*. Moscow: Publishing House «Truth», 1987.
14. Peter A. *Personality, activity, collective*. Moscow: Politizdat, 1989.
15. Pokrass M.L. *Active depression. Good strength of longing*. Samara: «Bachrach-M», 2001.
16. Prokhorov A.P. Solidarity of subordinates at enterprises under different control modes. *Sociological study*. 2002. № 12. Pp. 43-57.
17. Sidorenkov A.V., Mondrus A.L. Empirical substantiation of the model of group cohesion. *Psychological Journal*. 2012. № 2. Pp. 40-58.
18. Hashaeva S.V. A controversial mechanism of social regulation / under the editorship of N.S. Danakin. Belgorod: University BGTU, 2009.
19. Hashaeva S.V. Competition and competitive relations in the sphere of small business support on the materials of the Belgorod region. *Socially-humanitarian knowledge*. 2013. № 8. Pp. 121-126.
20. Hashaeva S.V. Social and psychological methods of management of competitive relations. *Etnosocium and ethnic culture*. 2012. Vol. 6 (48). Pp. 114-119.
21. Cherednichenko I.P., Telnykh N.V. *Psychology of Management*. R-to-D.: Phoenix, 2004.
22. Shapiro S.A. *Motivation of staff*. M.: Gross-Media, 2003.

УДК 316.46

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-75-82

*Конев И.В.
Федосюк Я.В.*

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМАНДЫ

Конев Иван Викторович,

*доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, Белгород, 308012, Россия
Электронный адрес: synergy7@mail.ru*

Федосюк Ян Владимирович,

*аспирант кафедры социологии и управления
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, Белгород, 308012, Россия
Электронный адрес: synergy7@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье изложена технологическая модель формирования управленческой команды, включающая двенадцать последовательных операций, начиная от определения целей команды и выбора командного лидера и завершая проведением тренингов, направленных на укрепление позиций лидера и укрепление командного духа.

Ключевые слова: управленческая команда; формирование; технология; тренинг; лидер; руководитель.

*Konev I.V.
Fedosyuk Y.V.*

TECHNOLOGIES OF FORMATION OF THE MANAGEMENT TEAM

Konev Ivan Viktorovich,

*doctor of sociology, professor of sociology and management
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukova Street, Belgorod, 308012, Russia
E-mail: synergy7@mail.ru*

Fedosyuk Yan Vladimirovich,

*post-graduate student of the department of sociology and management
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukova Street, Belgorod, 308012, Russia
E-mail: synergy7@mail.ru*

АБСТРАКТ

This article presents technological model of the formation of the management team, including twelve serial operations, starting from defining goals of the team and selection of team`s leader and concluding by training courses, aimed at strengthening the position of leader and strengthening team spirit.

Keywords: management team; formation; technology; training courses; leader; manager.

В данной статье предлагается рассмотрение технологии формирования управленческой команды как способа оптимизации данного процесса и обеспечения эффективности командной деятельности.

Сначала выделим общие социально-технологические подходы к формированию команды. Т.Ю. Базаров предлагает четыре основных подхода: 1) целеполагающий (основанный на целях), 2) межличностный (интерперсональный), 3) ролевой и 4) проблемно-ориентированный.

Целеполагающий подход (основанный на целях) – реализуется с помощью эксперта, определяющего общие, стратегические цели с учетом конкретной деятельности команды. С помощью этого подхода увеличивается вовлеченность членов команды в процесс принятия решения, все задачи проходят через фильтр мнения сотрудников.

Межличностный подход (интерперсональный) – во главу угла ставятся вопросы доверия, взаимоподдержки, ускорения и усиления внутренних коммуникаций. Подход основан на методе психологической поддержки и позволяет сформировать команду с высоким уровнем поддержки.

Ролевой подход – частично основан на бизнес-симуляции, процесс формирования команды проходит через последовательность искусственных ситуаций, определяющих роль каждого члена команды. Обычно применяется в создании разного рода спортивных командах.

Проблемно-ориентированный подход (через решение проблем) – гибридный подход, включающий в себя элементы первых трех – бизнес-симуляцию, тренинги, укрепление доверия. Процесс формирования команды движется последовательно, через решение конкретных задач на каждом этапе. Предполагается, что теоретические положения будут применяться в решении прикладных задач, создавая прочную основу для развития сотрудничества.

Обычно выделяются следующие технологические стадии формирования команды: вход в рабочую группу (сбор данных); диагностика групповых проблем; подготовка решений и составление плана действий (активное планирование); выполнение плана действий

(активный процесс); мониторинг и оценивание результатов.

Вход в рабочую группу. Анализ входящей информации, диагностика, встречи с командой с консультантом и без.

Диагностика групповых проблем. Определение текущих целей команды, достижение взаимопонимания по конкретным задачам, их приоритизация, установление норм и правил внутренней структуры.

Подготовка решений и составление плана действий. Активное вовлечение членов команды в процесс определения стратегических целей, формируется инструментальная деятельность.

Выполнение плана действий (активный процесс). Анализируется и критикуется деятельность команды, идет процесс корректировки распределения ролей, дополнение или изменение целей, также усилия направлены на оптимизацию внутренних коммуникаций и упрочнение положительного климата в коллективе. Такая совместная деятельность способствует возникновению чувства «командности» – единства, связанности.

Мониторинг и оценивание результатов. Финальная стадия, оценка результатов функционирования, разрешение частных проблем, создание плана работы над ошибками отчетного периода.

Сравнительный анализ подходов к формированию команды приводит к выводу о том, что наиболее эффективным с точки зрения трудозатрат является проблемно-ориентированный подход. Результаты авторских теоретических и эмпирических исследований приводят также к выводу о том, что технологическая цепочка в процессе формирования управленческой команды включает следующие стадии, операции:

- определение целей команды;
- выбор командного лидера;
- подбор сотрудников, отвечающих за приоритетные задачи;
- подбор рядовых сотрудников;
- совместная проработка целей и первичных способов достижений;
- вынесение на общее рассмотрение системы мотивации;
- тренинг на укрепление командного духа;

- выход на стадию определения критериев;
- тренинг взаимодействия, построение бизнес-ситуаций;

- выход на стадию функционирования;
- тренинг на укрепление позиции лидера.

Определение целей команды. Будь то проектная, официальная либо неофициальная команды, целеполагание является формирующим параметром. В литературе выделяют такие цели, как:

- *материальные*, выраженные в таких результатах деятельности, как деньги, продукт.

- *нематериальные*: создание рабочих мест, расширение организации и т.д.

- *социальные*: повышения авторитета организации путем своевременного и исправного выполнения поставленных задач и обязательств.

По долгосрочности цели подразделяются на *стратегические, тактические* и *оперативные*.

Например, управленческая команда компании «Салон2116» в г. Курске в 2012 году столкнулся с проблемой снижения доверия к компании со стороны клиентов ввиду активного развития фирму-конкурента и увольнения технического директора, отвечавшего за функционирование сервисного центра. В этой ситуации достижение социальных целей напрямую влияло на материальные, что отразилось на изменениях в рыночной политике «Салона2116», согласно которым цены на всю номенклатуру были снижены и была внедрена система демотивации за нарушение сроков поставки (выполнение *оперативной цели*). Вместе с этим в команду был приглашен известный на рынке Курска руководитель собственного сервис-центра, и в результате слияния компаний получилась организация, способная и готовая быстро и качественно решать все технические задачи клиента (выполнение *тактической цели*), что помогло в следующие годы вернуть утраченный уровень доверия к компании (выполнение *стратегической цели*).

В случае создания команды «с нуля», имеет смысл сфокусироваться на достижении в первую очередь материальных целей, но на стадии нормализации разумно вернуться к комплексному целеполаганию и внести коррективы согласно текущему положению организации.

Выбор командного лидера. Сложно переоценить важность следующего этапа при формировании команды, а именно выбора сотрудника, вокруг которого будут объединяться остальные члены команды. От уровня его компетенции, навыков общения и готовности к сотрудничеству будет зависеть общая эффективность команды. Среди исследователей командного типа организации существует два мнения относительно выбора лидера.

С одной стороны, и практический опыт это подтверждает, определить нужного кандидата на роль будущего лидера практически невозможно среди всех потенциальных членов команды, и логичнее сначала определить основной состав и затем из имеющихся вариантов выбрать наиболее компетентного сотрудника с задатками лидера. Однако ряд авторов утверждает, что осуществляя подбор участников команды под конкретного, заранее определенного лидера, можно добиться гораздо большей совместимости и уже на стадии определения критериев заложить фундамент эффективного сотрудничества. Учитывая возможные специфические черты будущего лидера – неприятие алкоголя, приверженность личному общению, увлечение спортом – и осуществляя набор кандидатов именно под эти критерии, можно снизить воздействие потенциальных деструктивных факторов, полностью исключить возникновения неформального лидера и решить ряд других проблем еще до их начала. Разумеется, подобные подходы в большинстве случаев уместны при создании проектной команды, однако при прочих равных условиях будет логично формировать команды «с головы», принимая возможные риски при неверном определении лидера.

Подбор сотрудников, отвечающих за первостепенные задачи. После определения целей и выбора лидера команды наступает время определить «ближний круг» – членов команды с максимально достижимым уровнем сотрудничества с лидером. Идея «ближнего круга» хорошо освещена в психологической литературе и выступает фактором не столько командным, сколько личностным и в большей мере относится к лидеру. Для примера, рассмотрим ситуацию, когда управленче-

ская команда состоит из числа сотрудников, превышающего оптимальные 5-7 человек. В этом случае у лидера возникает пресыщение информацией и появляется необходимость фильтрации входных данных по приоритетности, что и входит в большинстве случаев в функции «ближнего круга». В официальных структурах такой круг выглядит как аппарат заместительства, иногда эту роль выполняет ассистент руководителя (лидера). При возможности следует выбирать членов команды для «ближнего круга» из числа кандидатов, максимально полно повторяющих профессиональный опыт лидера, но с учетом возможного риска создания неформального лидера.

Подбор рядовых сотрудников. Данная стадия, являясь завершающей для процесса формирования состава команды, включает в себя одну из фундаментальных функций командообразования – *распределение ролей*. По М. Белбину, командные роли выглядят следующим образом:

- лидер: наиболее компетентный член команды, обладает большим практическим опытом, коммуникабелен, способен создавать связи между подчиненными, отличается навыками целеполагания;

- реализатор: практик, стабильный член команды, обладающий чувством дисциплины;

- творец (потенциальный лидер): сотрудник, умеющий повести членов команды за собой, создать и упрочнить взаимоотношения внутри коллектива;

- генератор идей: инноватор, отличающийся от творцов меньшей склонностью к коммуникации;

- снабженец: основной переговорщик в команде;

- объективный критик: необходимая и важная роль в процессе принятия решений;

- душа группы/миротворец: средний по уровню компетенций сотрудник, но обладающий большим потенциалом по налаживанию взаимоотношений;

- исполнитель: отличается от реализатора сниженным уровнем ответственности, слабым влиянием на цели и задачи команды.

Совместная проработка целей и первичных способов достижений. Определившись с кадровым составом, убедившись в правильности выбора лидера, соразмерно-

сти «ближнего круга» и корректным распределением ролей на первостепенном и второстепенном уровнях, необходимо использовать один из параметров командности, а именно – совместная проработка целей. В условиях предложенного алгоритма базовые цели уже заданы, однако требуется их корректировка с учетом профессионального уровня потенциала и определения срочности решения вытекающих из них задач. По мнению Е.С. Яхонтовой, эффективность командного подхода к достижению цели определяется следующими факторами:

- цель непосредственно связана с интересами потенциальных членов команды, проблема касается всех;

- для достижения цели необходим большой объем разнообразной информации, источниками которой являются или могут быть потенциальные члены команды, а в организации существуют методы и процедуры обмена информацией не только по вертикали, но по горизонтали;

- результативность достижения цели зависит от компетентности и взаимосвязанности деятельности группы сотрудников, они понимают, что последствия их затрагивают;

- уже существует идентификация потенциальных членов команды с ее целью;

- потенциальные члены команды испытывают положительные эмоции в отношении друг друга и совместной деятельности;

- стили руководства не противоречат командному методу решения проблем;

- все ключевые подсистемы управления (контрольная, принятия решений, стимулирования, техническая) настроены на поддержание командного метода достижения целей.

Вынесение на общее рассмотрение системы мотивации. Некоторые авторы полагают, что выработку мотивационной системы следует проводить вместе с определением базовых целей, аргументируя это подсознательным нежеланием множества людей каким-либо образом ограничивать свою потенциальную прибыль за достижение результатов. Однако на практике невозможно создать идеальную систему, учитывающую все пожелания сотрудников разного карьерного положения, разных возрастов с тем, чтобы она подталкивала к усердной и честной работе.

Для одного сотрудника эффективным стимулом будет премия, для другого – свободный график работы, для третьего – корпоративный автомобиль и т.д. Многие руководители неверно считают систему мотивации исключительно денежным инструментом, зачастую упуская из виду действительно талантливых сотрудников, не стремящихся к сплошным денежным поощрениям.

Одним из вариантов решения этого вопроса воспользовалась компания ООО Контрология, предложив своей кадровой службе регулярно общаться с сотрудниками, отслеживать динамику изменения значимости в их картине мира различных мотивационных факторов, постоянно вносить изменения в систему оплаты труда, в систему премирования, в систему льгот, в трудовой распорядок и т.д. Но итоговая система оказалась слишком индивидуальной и подтолкнула сотрудников к размышлениям, какие еще «дыры» в их материальных благах способна закрыть компания, что на деле превратилось в своего рода демотивацию. Демотивация – это система дисциплинарных наказаний, материальных взысканий и эмоциональных стрессов для того чтобы дать понять сотруднику, что он плохо справляется со своими обязанностями.

Особенность демотивации состоит в том, что при грамотной ее реализации она производит противоположный позитивный эффект, а именно:

- меняет отношение сотрудников к работе, заставляет задуматься об их пользе и роли в компании;
- воздействует на амбиции сотрудника, оказывает отрезвляющее стимулирующее действие.

В применении демотивации существует только одно правило – этот стиль управления не должен идти в разрез с трудовым законодательством или нарушать нормы трудового договора.

Наиболее значимыми средствами демотивации можно назвать лишение премии, выговоры и различные формы психологического воздействия – игнорирование, критика.

Разумный лидер команды должен найти баланс между интересами компании и ожиданиями членов команды, а для этого нужно нужно максимально полно проана-

лизировать все составные части системы мотивации.

Анализ действующей системы оплаты труда:

- анализ действующих мотивационных программ, внутренней сбалансированности базового уровня з/п сотрудников и соц. пакета;

- проведение опроса на предмет выявления индивидуальной мотивации сотрудников компании;

- разработка основных принципов системы мотивации команды проекта.

В части базового вознаграждения:

- разработка «должностной окладной сетки» для обеспечения сбалансированности базового уровня з/п;

- разработка правил установления и пересмотра базового уровня з/п.

В части переменного вознаграждения:

- определение алгоритма формирования мотивационного фонда в проекте;

- определение ключевых показателей эффективности для основных проектных ролей, корреляции между успешностью проекта и КПЭ ключевых ролей;

- определение типов мотивационных программ: индивидуальные/групповые, краткосрочные/долгосрочные;

- определение периода выплат по мотивационным программам.

В части социальных гарантий и льгот:

- определение перечня корпоративных гарантий и льгот, действующих в компании;

- определение соответствия между должностным уровнем и соц. пакетом;

- определение процедуры оценки КПЭ команды проекта;

- определение процедуры установки КПЭ для вновь инициированных проектов.

Тренинг на укрепление командного духа. Существующий миф о том, что в бизнесе для создания команды достаточно просто собрать людей, дать им задачу и определить вознаграждение развенчивается ежедневно. Люди теряют мотивацию, ссорятся с коллегами и уходят к конкурентам. Увеличение зарплат ситуацию не улучшает. Вместо синергетического эффекта зачастую проявляется эффект «3-1» – команда из трех человек выполняет норму двоих. Командная работа позволяет достичь организации великих результатов только тогда, когда:

– личные качества и умения сотрудников дополняют друг друга;

– цели, стоящие перед командой, воспринимаются всеми сотрудниками на уровне внутренних убеждений;

– нормы и правила коммуникации в организации способствуют, а не затрудняют взаимодействие;

– цели, стоящие перед командой, не противоречат личным целям участников и базовым целям организации;

– в качестве эффективных мотивирующих и объединяющих корпоративных мероприятий выступают тренинги различной направленностью. Они подтверждают серьезное отношение компании к обучению и развитию людей, и поэтому она тратит на это время и средства.

Также организуются поощряющие бизнес-тренинги с выездом в загородные отели, где коллеги могут получать полезные знания, совершенствовать навыки и в свободное время вместе отдыхать на природе во время барбекю, играть в боулинг или проводить шахматные турниры. Тренинги по командообразованию создают общее коммуникативное и эмоциональное пространство, снижают уровень конфликтности, нормализуют социально-психологическую атмосферу, способствуют раскрытию личностных и профессиональных качеств людей, развитию их креативности. В результате подобных мероприятий происходит идентификация каждого из сотрудников с командой и компанией, знакомство с новичками, их более быстрая адаптация, общение с коллегами, поддержка мотивации, установление атмосферы уважения и взаимопомощи и, конечно же, новые впечатления и положительные эмоции. Важную роль играют общие собрания, коллегии, на которых подводятся итоги работы за полугодие, определяются планы по развитию на следующий период и обсуждаются назревшие вопросы или возникающие в работе сложности путем «мозгового штурма». Еще один из способов развить «чувство команды» – пробудить гордость за свою компанию и осознание своей причастности к ней. Речь идет именно о созидательной гордости, при которой люди концентрируются не на финансовых факторах эффективности, а на удовлетворенности клиента, одобрении коллег и наставников, совершенствовании спо-

собностей и качестве результатов. Это рождает эмоциональный подъем и ожидание будущих успехов, которые мотивируют к эффективной работе. Созидательная гордость питает чувство самоуважения, сопричастности к группе профессионалов и удовлетворение от личного развития. Участие коллег в процессах, позволяющих им добиваться высокой результативности, способствует их самореализации, которая, наряду с эффективностью предприятия, является постоянным источником гордости и приверженности сотрудников организации.

Когда в жизни компании происходят важные события, после которых она выходит на новый, более высокий, профессиональный уровень, занимает лидирующие рейтинговые позиции – важно говорить об этом и в неформальной обстановке. Совместное приготовление еды – еще один из способов объединения и нахождения общих интересов. Можно, к примеру, организовать мастер-классы по приготовлению оригинальных блюд зарубежной кухни.

Укреплению командного духа в компании также способствуют:

- развитая система адаптации;
- ежемесячный внутренний корпоративный бюллетень (или газета) с новостями от каждого отдела;
- совместное празднование общих и профессиональных праздников;
- интранет (внутренний сайт для коллег, где можно узнать больше о жизни компании);
- организация спортивных мероприятий (футбол, совместная рыбалка).

Выход на стадию определения критериев, или, иначе говоря, на *стадию нормализации*. Лидер определен, «ближний круг» сформирован, набраны второстепенные члены команды, все роли распределены, команды знает и одобряет внутреннюю систему мотивации, а также разделяет все цели организации и рассказы о недавно прошедшем тренинге только-только начинают прекращаться. Пройден большой этап формирования базиса команды, заложен фундамент каждой из многих внутренних ниточек, делающих из команды команду. Наступает момент, когда необходимо сделать качественный рывок и перейти на стадию нормализации, и этим рывком является возвращение идеи *сотрудничества*

в команде. Как уже было определено, стадия нормализации характеризуется следующими факторами:

- принятие членства в группе;
- появление новой способности – конструктивного выражения критики;
- взаимопомощь и направленность на выполнение работы;
- попытка достичь гармонии, избегая конфликта;
- более дружелюбное, доверительное отношение друг к другу, люди делятся личными проблемами;
- ощущение принадлежности к группе, совместимости, общего духа и общих целей;
- установление и поддержание основных правил и «норм» группы.

Поскольку члены команды начинают учитывать свои различия, у них теперь имеется больше времени и энергии на проект, общее дело. Таким образом, они способны к существенному продвижению вперед.

Выход на стадию функционирования. При условии успешного выполнения всех предыдущих шагов управленческая команда становится готовым сбалансированным продуктом. Наступает время достижения средне- и долгосрочных материальных, нематериальных и социальных целей. Стадия функционирования команды считается наиболее стойкой ко внешнему воздействию ввиду слаженности работы и выстроенной структуре, но всё же допустимы и порой даже необходимы небольшие корректировки в кадровом составе, подгонка система мотивации, смена приоритетов у второстепенных задач и прочие ограничительные и регулирующие действия. Прибегнув к разного рода критериям оценки эффективности – например, прибыльности – необходимо построить график успешности команды и оценить деятельность команды. От полученных данных будет зависеть степень вмешательства в работу команды и параметры, наиболее сильно нуждающиеся в доработке.

В идеальной модели, на этом этапе формировании команды остается одна задача, решение которой, да и само её наличие, зачастую скрыто от руководителей организации – укрепление позиции лидера в команде. В условиях недостаточной компетенции лидера необходимо подключать внешние источники – менторов, коучеров и т.п. При отсутствии авторитета, «имени», следует об-

ратить внимание на специальные тренинги повышения навыков лидерства.

Тренинг на укрепление позиции лидера. Находясь на стадии функционирования, иначе говоря деятельности, команда может оказаться в состоянии постоянного стресса из-за быстросменяющихся задач и в ситуации напряженности для лидера наступает свой «момент славы» – от его действий или бездействия будет зависеть продолжительность пребывания на этом этапе жизненного цикла команды. Понятие *доверия* к лидеру часто называют ключевым в условиях нестабильности, однако слепая вера в непреложность решений руководителя вряд ли будет долгое время сдерживать разрушающие факторы, поэтому логично использовать превентивные меры, а именно – различные тренинги, направленные на укреплении позиции лидера в команде и рост его компетентности.

Многие авторы предлагают так называемые веревочные тренинги как основной механизм укрепления лидерской позиции, действуя по простой спортивной аналогии, где грубая физическая сила игроков объединяется вокруг капитана, однако такие мероприятия больше относятся к улучшению общей атмосферы в команде и влияют на лидерство лишь косвенно. Ниже предлагается один из наиболее удачных тренингов, позволяющий каждому члену команды понять и примерить на себя позицию лидеру, вследствие чего решается сразу несколько задач:

- каждый член команды осознает уровень ответственности лидера;
- официальный лидер отрабатывает навыки управления и противодействия внутренним конфликтам;

Таким образом, на основе анализа модели социальной технологии формирования и организации управленческой команды можно сделать следующие **выводы**.

1. Начинать процесс формирования команды следует с определения целей её функционирования. Четкое определение официальных целей позволит верным образом подобрать кадровый состав команды и определить все нужные в них навыки и характеристики. Например, футбольная команда, имеющая основную цель в виде гола в ворота соперника, должна успешным образом противостоять достижению такой же цели у противника. Таким образом, в команде должны быть вратарь, за-

щитники, полузащитники и нападающие. Подобное распределение ролей на раннем этапе позволяет подбирать кандидатов по выдающимся навыкам в нужной позиции. Определив целью команды создание принципиально нового электродвигателя, логично осуществлять подбор сотрудников не из менеджерской сферы, а из технической среды.

2. Подбор персонала должен состоять из двух этапов и приоритет здесь отдается сотрудникам, которые займут роли «добытчиков» – по Белбин это исследователи ресурсов, формирователь, исполнитель и доводящий до конца. Грамотно построив своеобразный аппарат «агрессоров», логичным будет подбор остальных членов команды с точки зрения максимально эффективного закрывания пробелов в характеристиках приоритетных сотрудников.

3. Цели и задачи команды необходимо скорректировать на стадии нормирования или определения критериев в соответствии с мнением набранных членов команды. Таким образом будет снижена субъективность восприятия «насажденных» целей.

4. В качестве тренингов на укрепление командного духа необходимо использовать раз-

ного рода физкультурные мероприятия, направленные на повышение инстинктивного взаимодействия членов команды друг с другом, эмоциональную разрядку и укреплению сотрудничества в решении прикладных задач.

5. Между стадиями нормирования и функционирования разумно и правильно провести бизнес-симуляции реальных управленческих задач с целью снижения возможных рисков в процессе деятельности команды, а также для возможности внеплановой коррекции численности персонала и\или их персональных навыков.

6. В процессе деятельности команды особое внимание следует обращать на постоянное укрепление позиции лидера и регулярно направлять его на курсы повышения компетенции в той или иной, нужной для команды, отрасли. Таким образом, вопрос доверия к лидеру и его способность к налаживанию сотрудничества внутри команды будут решены и повышены соответственно. Также необходимо учитывать краткосрочный эффект тренингов на укрепление командного духа и обозначить план-график регулярности подобных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ветлужских Е.О. Мотивация и оплата труда. Инструменты. Методики. Практика. М.: Альпина Паблишер, 2013. 102 с.
2. Власова Н.О. Курс молодого талантливого менеджера. М.: Эксмо, 2010. 77 с.
3. Гасанов Р. 67 секретов разработки мотивационной системы. М.: Феникс, 2013. 174 с.
4. Данакин Н.С. Социальная технология как способ оптимизации целевого управления в муниципальной сфере // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 46-56.
5. Иванова А.А. Тренинг: за эффективность ответят все // Элитный персонал. 2004. № 10.

REFERENCES:

1. Vetluzhsky E.O. Motivation and remuneration of labor. Instruments. Methods. Practice. M.: Alpina Publisher, 2013. 102 p.
2. Vlasov N.O. The course of talented manager. Moscow: Eksmo, 2010. 77 p.
3. Hasanov R. 67 secrets of motivation system development. Moscow: Phoenix, 2013. 174 p.
4. Danakin N.S. Social technology as a way to optimize management in the field of municipal // Middle-Russian Herald of Social Sciences. 2013. № 3. P. 46-56.
5. Ivanov A.A. Training: All will response for effectiveness. Elitestaff. 2004. № 10.

УДК 316.444.34

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-83-88

*Овечкина Я.В.***ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННЫХ ДАУНШИФТЕРОВ****Овечкина Яна Вадимовна,***аспирантка кафедры социологии и социальной работы**Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия**Электронный адрес: yanaovechkina@gmail.com***Аннотация**

В статье рассматривается позиция дауншифтеров на рынке труда и в социальной структуре российского общества. Анализируется специфика карьерной стратегии. Под «дауншифтингом» понимается явление добровольной нисходящей вертикальной социальной мобильности, характеризующееся добровольным долгосрочным изменением стиля повседневной жизни, которое может проявляться в изменении трудовой занятости, повседневных практик, социальной и географической мобильности. В рамках концепции индивидуализации дауншифтинг представлен как дестандартизованная модель биографии, предполагающая отказ от типичных для данного общества этапов, фаз жизненного цикла. Приводятся результаты глубинных интервью с дауншифтерами, позволяющие проанализировать образ жизни, «выходящий за рамки» стиля жизни в общества потребления. Внимание сосредоточено на двух важных характеристиках стиля жизни дауншифтеров: организации труда и решении финансовых вопросов. Результаты исследования показывают, что дауншифтеры – яркий пример не стандартизированной занятости и индивидуализированной карьеры. Результаты авторского исследования позволяют описать сценарии развития жизни дауншифтеров после принятого ими решения, позволяют описать особенности новых форм трудового поведения.

Ключевые слова: дауншифтинг; социология труда; добровольная нисходящая вертикальная мобильность; индивидуализация стиля жизни; стиль жизни; фриланс; общество потребления.

UDC 316.444.34

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-83-88

*Ovechkina Y.V.***LABOR PROPERTIES
OF MODERN DOWNSHIFTERS****Ovechkina Yana Vadimovna,**
*Post-graduate student*Chair of Sociology and Social Work North-West Institute of Management
57/43, Sredniy prospect Vasilyevsky Island, Saint-Petersburg, 199178, Russia
E-mail: yanaovechkina@gmail.com**А**BSTRAKT

This article provides an analysis concerning the position of downshifters in the labor market and social structure of modern Russian society. The specifics of career strategy are also being examined. «Downshifting» is understood as a phenomenon of voluntary downward vertical social mobility, characterised by voluntary long-term change of style in everyday life, which can manifest itself in the change of employment, everyday practices, social and geographical mobility. Within the concept of individualization downshifting presented as destandardised model of biography, implying the rejection of typical for a given society stages, phases of the life cycle. The results of the in-depth interviews with downshifters which were needed to better understand and analyze the «beyond» lifestyle in a consumer society. We focus on two important characteristics of the lifestyle of downshifters: labor organization and financial issues. The results reveal that downshifting is a prime example of non-standard, individualized employment and career. The results of the study allow us to describe the scenarios of the development of life of downshifters after the decision they made and the features of new forms of labor behavior.

Keywords: downshifting; sociology of work; voluntary downward vertical mobility; individualization of lifestyles; lifestyle; freelancing; «Consumer society».

Движение дауншифтинга (англ. downshifting, переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса) распространилось на рубеже XX-XXI вв. в странах Запада как добровольное долгосрочное изменение стиля повседневной жизни, которое может проявляться в изменении трудовой занятости, повседневных практик, социальной и географической мобильности [10]. Последователи этой идеологии исповедуют уход от общепринятых общественных ценностей: высоких чинов, вертикального продвижения по службе и прочих материальных благ, переход к более простой жизни. В США, Австралии, в европейских странах явление дауншифтинга уже не ново, социологи изучают причины и последствия такого вида антиконсьюмеристского стиля жизни.

В 1990-х гг. в научном сообществе начинают появляться обсуждения изменений, происходящих в экономике, а также их последствий. Один из прогнозов заключался в смене «работника организации» независимым работником, занятость которого не будет связана с конкретной фирмой или компанией, а обеспечение доходов, выстраивание карьеры и профессиональная реализация будут решаться им самостоятельно. Модель стандартных трудовых отношений, для которой характерна стабильность и полная занятость, будет постепенно вытесняться гибкими формами найма и нестандартной занятостью [1, 3, 6].

Сегодня, изучая практики дауншифтинга, нестандартной занятости, фриланса, возникает вопрос: «Почему люди выбирают занятость не в организации, обеспечивающей стабильность и защищенность, а самостоятельно выстраивают трудовую стратегию, биографию с ее рисками и неопределенностью?» И ответ на этот вопрос можно получить, определив, какие ценности разделяет эта группа, как и при помощи каких тактик, они выстраивают свое поведение, трудовую деятельность и что представляет успех в их понимании.

Необходимо заметить, что в США, Великобритании и Австралии были проведены социологические исследования, направленные на описание сообщества дауншифтеров [8, 9, 11]. В России подобные исследования ранее не проводились. Несмотря на многие сложности, которые возникают в процессе исследования явления дауншифтинга в России, большинство авторов, занимающихся данной проблематикой, сходятся во мнении – дальнейшее изучение фе-

номена дауншифтинга представляет интерес. «Дауншифтинг по-русски» имеет отличительные черты, обусловленные экономическими, социальными и психологическими факторами.

Результаты исследования, приведенные в данной статье помогут приблизиться к пониманию особенностей образа жизни российских дауншифтеров, а именно специфики их трудовой деятельности. Фокусом авторского исследования является стиль жизни, выходящий за рамки «обычного» или «нормального» для общества массового потребления. С целью описания механизмов формирования и особенностей потребительского ретретизма, были проанализированы случаи сознательного изменения стиля жизни. В первую очередь нас интересовали случаи индивидуальной вертикальной социальной мобильности в направлении «сверху вниз» (например, переход на менее оплачиваемую должность). Анализ интервью был сосредоточен на построении и реализации альтернативного стиля профессиональной деятельности.

Всего в опросе поучаствовало 170 человек из них 50 дали согласие на участие в полуструктурированном интервью посредством программы skype, с согласия участников велась запись разговора. Период проведения исследования май-начало июня 2014 г.

Возраст самого младшего респондента составил 25 лет, самого старшего 46 лет. Всего собрано 50 глубинных интервью с представителями сообщества дауншифтеров. На основе анализа интервью мы смогли описать способы реализации трудовых практик современных дауншифтеров.

Прежде всего, дауншифтинг связан с изменением профессиональной деятельности: переходом на работу с более низким уровнем оплаты и или вообще кардинальной сменой сферы деятельности. По результатам интервью можно сделать вывод, что большинство приверженцев дауншифтинга перешли на свободную занятость, или фриланс, – выполнение работы без заключения долгосрочного договора с работодателем, часто дистанционно, либо найм только для выполнения определённого перечня работ [5]. Рассматривая фриланс как особый стиль жизни, укажем, что его основу составляют ценности, разделяемые «свободными агентами», а именно – свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха [4, с. 57]. Обозначая свободу как «первый компонент трудовой этики свободных агентов», Д. Пинк считает,

что наивысшей формой её проявления является возможность «поступать по своей воле» [4, с. 72-73].

Как показало наше исследование, основным принципом организации труда для дауншифтеров является свобода как автономность, независимость работника в выборе заказчиков, проектов, режима работы, формировании стоимости, заработной платы.

Именно свобода является осью, определяющей и практики занятости, и особенности образа жизни дауншифтеров, их приоритеты, мотивацию. Но понимание свободы неодинаково, дауншифтеры воспринимают ее по-разному, например, как мобильность, как разнообразие, как гибкость графика, как отсутствие контроля, как возможность заниматься тем, что интересно.

На основе интервью выделены следующие мотивы ухода в «свободное плавание»: независимость, творческая самореализация, наличие свободного времени и возможность организовать свой досуг, отпуск и, главное, взаимоотношения с близкими, семьей:

«Ты сам себе хозяин... можно какие-то вещи ставить на первый план, а работу все-таки на второй» (Михаил, 40 лет, переехал из Санкт-Петербурга в поселок Лен.области в 2011 году, в «прошлой жизни» владелец собственного бизнеса, в настоящий момент художник).

«Я занимаюсь разработкой и раскруткой веб-сайтов. Еще, когда я стал фрилансером, я понял, что в Москве меня почти ничего не держит, а жизнь за городом с интернетом имеет массу преимуществ. Удивительно, но у моей жены было такое же мнение, и когда у нас появились деньги, мы решили купить дом в селе и переехать туда на постоянное жительство» (Алексей, 27 лет, переехал в 2013 г из Санкт-Петербурга в Лен.область, вэб-мастер).

Благодаря современным технологиям и Интернету появляется возможность трудовой мобильности, связанной с переменой места жительства, очень важной для организации трудовой деятельности дауншифтеров:

«Многие жители крупных городов просто мечтают о таком прекрасном зеленом офисе. И современные технологии дают возможность наслаждаться путешествиями, отдыхом около природы, в деревне или на даче» (Дмитрий, 32 года, переехал из Москвы в Алтайский край в 2012 году для ухода за престарелыми родителями, решил остаться, в прошлом вэб-дизанер, на данный момент фрилансер).

«Все, что нужно – это телефон, ноутбук и модем... Современные технологии позволяют подключаться к сети намного быстрее и проще даже с дальней дачи. Так что за окном будут цвести деревья, вокруг будет свежий воздух почти все время, которое вы будете работать. А все остальное время можно и природой наслаждаться» (Вадим, 43 года, переехал вместе с семьей (жена и двое детей) из Санкт-Петербурга в посёлок Лен.области в 2010 году, ранее владелец собственного бизнеса, на данный момент «свободный» бизнес-консультант).

Некоторые респонденты характеризуют свою прошлую работу как «бег в колесе», дауншифтинг стал для них побегом из круга «заработок-потребление»:

«Если вы считаете, что на 20 тыс. прожить нельзя – у вас психология, внушенная моделью бессмысленного потребления... сейчас большинство – это просто винтики в бессмысленной корпоративной системе, они как белка в колесе – бегут и бегут на месте...» (Анатолий, 40 лет, проживает в Москве, ранее руководитель отдела продаж, с 2011 года в «затянувшемся отпуске» (цитата интервьюируемого)).

Возможность делать так, как человек считает нужным, и быть таким, каким он сам себя ощущает – важное преимущество. Дауншифтеры склонны формировать собственный стиль трудовой деятельности: кто-то продолжает работать по профессии, просто меняя график и сбавляя темп, кто-то кардинально меняет род деятельности, кто-то превращает своё хобби в профессию и зарабатывает на этом деньги:

«К дауншифтингу я отношусь с большим уважением. Не к крайним случаям а-ля «уехать в Гоа и ничего не делать», а именно либо как к длинным перерывам от работы, либо выборе менее стрессовой работы поближе к дому, либо к занятию любимым делом – пусть менее доходным, чем работа на корпорацию» (Татьяна, 30 лет, г. Санкт-Петербург до 2013 года ведущий менеджер крупной пивоваренной компании, на данный момент флорист).

Кто-то вообще отказывается от занятий какой-либо определённой деятельностью и живет на доход со сдачи квартиры и т.п.: «...я управленец, работал в крупной международной консалтинговой кампании, в какой-то момент понял, что больше не могу, устал. Взял перерыв на 3 месяца, потом на полгода, а потом вообще понял, что больше не вернусь. Сей-

час живу за городом, квартиру в городе сдаю в аренду, сменил машину на более «простой» вариант. Ничем конкретно не занимаюсь, помогаю друзьям, пока меня всё устраивает...» (Владимир, 39 лет, в 2012 году переехал из Москвы в посёлок Московской области).

Были и те, кто из бизнесменов, юристов, инженеров, специалистов по маркетингу и рекламе ушли в фермеры, воспитатели в детском саду, разнорабочие:

«Непрерывная работа в режиме нон-стоп – это вредно для здоровья, это скучно, это бессмысленная растрата своей жизни, это однообразно. Считаю, что дауншифтинг – для людей, которые реально любят и понимают жизнь, любят своих близких и способны уйти от преклонения перед золотым тельцом, бессмысленно тратя деньги на пустое...» (Станислав, 43 года, г. Новосибирск, до 2010 года руководитель департамента строительной компании, на данный момент занимается проектировкой загородных домов, работает под заказ).

В контексте исследования организации трудовой деятельности дауншифтеров важными и интересными являются особенности решения финансовых вопросов. Формирование и использование денежных средств отчасти связаны с ведущей мотивацией дауншифтинга, а отчасти – с условиями жизнедеятельности. Как уже говорилось выше, основные источники дохода – средства от сдачи квартиры, удаленная работа (фриланс), мелкие заработки (продажа овощей со своего огорода, различного рода подработки) [2, с. 69]. Многие говорят о том, что стараются выстроить жизнь так, чтобы денег не требовалось совсем:

«Мы сами печем хлеб, овощи – со своего огорода, делаем заготовки на зиму, молоко, яйца тоже свои, одежда пока кое-какая осталась из «прошлой жизни», пока совсем без денег не получается, но мы к этому стремимся» (Василий, 37 лет, в 2012 году вместе с семьёй (жена и дочь) переехали из Екатеринбурга в деревню Екатеринбургской области, в прошлом руководитель логистической компании, на данный момент безработный).

«Мы стараемся не тратить, статьи расхода, от которых мы не можем отказаться: оплата Интернета, мобильной связи, электричество, налоги, бензин, ну и одежда... мясные продукты еще. Мы живем в экопоселении, здесь просто жить, потому что мы все друг другу помогаем, что-то вроде бартера, по

строительству, по саду, с детьми посидеть и т.д.» (Антон, 40 лет, в 2009 году совместно с женой переехали из Москвы в экопоселение «Светлое» Московской области, в прошлом ведущий специалист отдела информационных технологий).

Отвечая на вопрос о тратах в месяц на человека, наши респонденты сходились на сумме в пределах от 10 тыс. руб. до 20 тыс. руб., но подчеркивали, что эта сумма достаточна для полноценного уровня жизни при наличии квартиры/дома и автомобиля:

«Я раньше тратил на каждодневные нужды на себя 60 тыс. руб. в месяц. А сейчас на 10 тыс. могу жить гораздо лучше, чем раньше на 60... Представляю, как вы воспринимаете эти слова – я сам раньше не представлял такого» (Владимир, 35 лет, соучредитель рекламного агентства, с 2013 года «свободный консультант-фрилансер» (определение интервьюируемого)).

«Деньги далеко не все решают, одной из важных причин для дауншифтинга как раз является желание больше бывать с семьей. Хороший пикник на природе, поездка, наличие свободного времени, отсутствие депрессии, связанной с тяжелой работой, – все это гораздо важнее бессмысленного «зарабатывания» и «транжирования» денег» (Андрей, 39 лет, финансист, с 2013 года владелец интернет-магазина).

«Я утверждаю, что не 20 тыс., а 10 тыс. (рублей) на человека позволяют иметь высочайшее качество жизни, если есть хорошая квартира, машина и свободное время. Раньше я этого не понимал. Я сейчас питаюсь намного лучше, чем питался, когда работал и транжирил деньги. Я спокоен, у меня хорошее настроение, я свободен и получаю удовольствие от жизни. Я живу. А когда я работал за 150 тыс. – я существовал, пределом моих мечтаний было тупо добраться до кровати и выспаться...» (Василий, 46 лет, в 2009 году уволился по собственному желанию с поста руководителя отдела продаж крупной международной кампании, на данный момент безработный).

Более детальный анализ образа жизни дауншифтеров, расширение его контекста станет, на наш взгляд, важным шагом в понимании индивидуализации стилей жизни, изменений на рынке труда, в сфере занятости и образования, трансформаций в обществе в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. М., 2010.
2. Козырева Л.Д., Овечкина Я.В. Дауншифтинг как объект социологического анализа // Вестник орловского государственного университета. 2012. №8. С. 68-71.
3. Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М.: ЗАО «Олимп бизнес», 2006.
4. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: ИД «Секрет фирмы», 2005.
5. Харченко В.С. Ценностные предпочтения как основа формирования стиля жизни фрилансеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №1. С. 120-124.
6. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001.
7. Яковлева А.А. Потребительский ретритизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 192-201.
8. Hamilton C. Downshifting in Britain: A sea change in the pursuit of happiness // Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 58.
9. Hamilton C., Mail E. Downshifting in Australia: A sea change in the pursuit of happiness // Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 50.
10. Ray P., Anderson S. The Cultural Creative`s. New York: Harmony Books, 2000.
11. Tan Ph. Leaving the rat race to get a life: a study of midlife career downshifting. Melbourne: Swinburne University of Technology, 2000.

REFERENCES:

1. Gorts A. Immaterial: Knowledge, Value and Capital. Moscow, 2010.
2. Kozyreva L., Ovechkina Y. Downshifting as an object of sociological analysis. Vestnik of Orel state University. 2012. № 8. Pp. 68-71.
3. Malone Th. Work in the new century. As new forms of business affects the organization, management style and your life. Moscow: ZAO «Olimp business», 2006.
4. Pink D. Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself. Moscow: Secret firmy, 2005.
5. Kharchenko V. Values and preferences as a basis for the formation of lifestyle freelancers. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2013. №1. Pp. 120-124.
6. Handy Ch. The Time of desperation. The art of management in the organization of the future. SPb: Piter, 2001.
7. Yakovleva A. Consumer retreatism: alternative lifestyle in a consumer society. Journal of sociology and social anthropology. 2011. №5. Pp. 192-201.
8. Hamilton C. Downshifting in Britain: A sea change in the pursuit of happiness. Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 58.
9. Hamilton C., Mail E. Downshifting in Australia: A sea change in the pursuit of happiness. Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 50.
10. Ray P., Anderson S. The Cultural Creative`s. New York: Harmony Books, 2000.
11. Tan Ph. Leaving the rat race to get a life: a study of midlife career downshifting. Melbourne: Swinburne University of Technology, 2000.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 316.454.54

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-89-92

Федосюк Я.В.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРИНЦИПЫ КИБЕРНЕТИКИ КАК ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМАНД

Федосюк Ян Владимирович,*аспирант кафедры социологии и управления*

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,

ул. Костюкова, 46, Белгород, 308012, Россия

Электронный адрес: synergy7@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выделены и рассмотрены законы необходимого разнообразия, обратной связи, а также принципы, эмерджентности, внешнего дополнения, выбора решения, декомпозиции, иерархии управления и автоматического регулирования, которые выступают методологическими ориентирами при формировании управленческих команд.

Ключевые слова: закономерность; закон; принцип; управленческая команда; формирование; команда; методология.

Fedosyuk K.N.

REGULARITIES AND PRINCIPLES OF CYBERNETICS AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF FORMATION OF MANAGEMENT TEAMS

Fedosyuk Yan Vladimirovich,*post-graduate student of the department of sociology and management*

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,

46, Kostyukova Street, Belgorod, 308012, Russia

E-mail: synergy7@mail.ru

АБСТРАКТ

The article presents the laws of requisite variety, feedback, as well as the principles of emergence, external addition, the choice of solution, decomposition, hierarchies of management and automatic control, which are methodological orienting points when forming management teams.

Keywords: regularity; laws; principles; management team; formation; team; methodology.

Особенности кибернетики как теоретико-методологической основы формирования управленческих команд заключается в том, что она:

- рассматривает организацию как некоторую большую систему, каждый элемент которой берется не только сам по себе, но и как часть большой совокупности, в которую он входит;

- обеспечивает оптимальное решение многовариантных динамических задач организации;

- акцентирует внимание на процессах обратной связи, саморегулирования и самоорганизации и т. п.

В данном контексте выделим закономерности и принципы кибернетики, акцентирующие ее теоретико-методологические функции.

Закон необходимого разнообразия. По определению У.Р. Эшби, первый фундаментальный закон кибернетики заключается в том, что разнообразие сложной системы требует управления, которое само обладает некоторым разнообразием. Иными словами, большое количество внешних раздражителей должно быть сопоставимо со способами противодействия в арсенале команды. Существенное преобладание одного или другого является следствием нарушения принципа единства частей.

Данный закон сводится к тому, что увеличением управляемой системы должен увеличиваться и аппарат управления. Например, с появлением логистической службы, службы оценки качества, отдела стратегического планирования и т.п., разумно усложнить и процесс управления, однако не простым ростом числа менеджеров. Необходимо внедрять компьютерные программы, математические алгоритмы, совершенствовать навыки конкретных сотрудников из числа управленцев, повышать их интеллектуальную стоимость.

Закон необходимого разнообразия имеет принципиальное значение для разработки оптимальной структуры системы управления. Если центральная часть управления при сохранении разумных размеров не обладает необходимым разнообразием, то следует развивать делегирование, передавая принятие определенных решений на разные уровни и

контролируя процесс сохранения информации. По мнению Т.Ю. Базарова, в позиции теории управления главнейшим моментом, характеризующим сложность системы, является её разнообразие. Поэтому определение степени оптимального разнообразия при разработке любых систем – организации производства, планирования, обслуживания, оперативного управления, систем оплаты труда и т.д. – является одним из наиболее важных и первоочередных этапов использования кибернетики при проектировании и функционировании организации.

В отсутствие внешних идей не появятся идеи внутренние, поэтому вопрос разнообразия составных элементов системы является ключевым в борьбе за выживание команды.

Принцип эмерджентности. Второй принцип У.Э. Эшби выражает следующее важное свойство сложной системы: «Чем больше система и чем больше различия в размерах между частью и целым, тем выше вероятность того, что свойства целого могут сильно отличаться от свойств частей». Данный принцип особенно актуален для крупных холдингов, корпораций. Чем сильнее диверсифицирована работа, чем разнообразнее задачи, стоящие перед подразделениями и отделами, тем больше отличий в локальных целях, их слабая связь с глобальными целями компании.

Специалисты предлагают использовать системный подход при формировании листа целей, разделяя их на подзадачи, понятные отдельным частям компании и складывающиеся в единую, общую задачу функционирования всей организации. Подобный подход позволит избежать фрагментации в процессе деятельности, а также прямо повлияет на сотрудничество между подразделениями.

Принцип внешнего дополнения. Впервые сформулированный С.Т. Биром третий принцип кибернетики гласит: любая система управления нуждается в «черном ящике» – определенных резервах, с помощью которых компенсируются неучтенные воздействия внешней и внутренней среды. План Б, как иначе его называют в народе, определяет степень восприимчивости команды и организации к стрессовым ситуациям. Разумеется, ни один бизнес-план не может включать в себя абсолютно все – по-

литические, природные – факторы, способные радикально изменить статус организации.

По мнению опрошенных экспертов, для удержания системы в заданных пороговых значениях переменных (показателей) необходимо наделить её нормативным уровнем резервов (стратегических, тактических, оперативных, технических, технологических, организационных, экономических и управленческих), компенсирующих воздействие этих факторов.

Закон обратной связи. Четвертый принцип кибернетики возведен в ранг фундаментального закона, который известен как закон обратной связи. Без наличия обратной связи между взаимосвязанными и взаимодействующими элементами, частями или системами невозможна организация эффективного управления ими на научных принципах. Иначе говоря, для эффективной деятельности всей организации необходима входящая информация со стороны всех составных элементов.

Различают два вида обратной связи: *отрицательную*, которая уменьшает влияние входной величины на выходную величину, т. е. стремится как бы установить и поддерживать некоторое устойчивое динамическое равновесие, и *положительную*, увеличивающую это влияние и тем самым создающую неустойчивое равновесие. Основная роль обратной связи – поддержание нормальной работы и компенсация нарушений, т. е. способность систем к саморегулированию и самоорганизации (адаптации).

Вторая важная роль обратной связи состоит в помощи регулирования всей системы в условиях частичной, фрагментарной информации.

Принцип обратной связи является одним из основных в процессе налаживания сотрудничества. От того, насколько полной будет информация о результате всех централизованных решений, степени их влияния на ситуацию, зависит общая успешность всех процессов внутри команды.

Принцип выбора решения. Пятый принцип кибернетики заключается в том, что решение должно приниматься на основе выбора одного из нескольких вариантов. Достаточно простой принцип, основной смысл ко-

торого заключается в том, что степень субъективности решения прямо зависит от числа вариантов этого решения. Опыт экспертов подтверждает этот факт. Например, при выводе нового продукта на рынок, специалисты компании проводят исследования с целью определения внешнего вида продукта, набора его характеристик, физических свойств именно с целью снижения субъективности. Подобный подход учитывает многовариантность восприятия и позволяет повысить потенциал продукта.

Принцип декомпозиции. Этот принцип указывает на то, что управляемый объект всегда можно рассматривать как состоящий из относительно независимых друг от друга подсистем (частей). Данное положение, развитое У.Э. Эшби и Г. Клаусом, по мнению Т.Ю. Базарова представляет значительный интерес для приложения кибернетики к производству. Дело в том, что приспособление регулятора к сложному объекту, учитывая все его аспекты и переменные, является теоретически и практически невозможным, так как на это никогда не хватило бы времени. Расчленение объекта на независимые звенья и переменные и самого регулятора на отдельные управляющие блоки обеспечивает возможность приспособления ко многим условиям и последовательного управления ими. Например, на практике диспетчер предприятия не рассматривает одновременно все возникшие возмущения. Он ранжирует их по степени влияния на производственный процесс и принимает меры к последовательному их устранению. Искусство управления заключается в отборе взаимосвязанных факторов, в расчленении решаемой задачи на ряд последовательных звеньев.

Принципы иерархии управления и автоматического регулирования. Невозможно создать многоуровневую компанию с одинаковыми характеристиками уровней. Верхние будут обладать большей властью, но низкой скоростью принятия решений. Нижние уровни с высоким показателем мобильности не могут полноценно влиять на целеполагание. Чем сложнее структура, тем более разноплановы потоки информации и для обработки каждого из них требуется всё больше времени. Упрощение и обобщение потоков, стан-

дартизация информации могут позволить ускорить формальные отношения внутри команды, снизить влияние бюрократического аппарата.

Выводы. На основе анализа принципов кибернетики в социологии управления, можно сделать следующие выводы:

– на ранних стадиях формирования управленческой команды необходимо следовать закону разнообразия. Чем больше потенциал на первых этапах, тем выше вероятность создания гибкой, способной к быстрой адаптации системы, не склонной к бюрократизации;

– в процессе налаживания сотрудничества внутри команды оптимально пользоваться принципом обратной связи, создавая и упрочняя взаимоотношения как в горизонтальной плоскости, так и в вертикальной;

– при усложнении структуры организации разумно стандартизировать и упрощать информацию с целью ускорения её обработки;

– сильная удаленность друг от друга по целям и задачи может послужить фактором снижения сотрудничества между отделами и подразделениями, необходимо создавать стратегию команды, учитывая подзадачи каждой группы сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика: учебник для бакалавров. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 381 с.
2. Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации. – М., 1996.
3. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература, 1959. 432 с.

REFERENCES:

1. Bazarov T.U. Psychology of Personnel Management. Theory and practice: the textbook for undergraduate. M.: Publishing House Yurayt, 2014. 381 p.
2. Bazarov T.U. Personnel management of developing organization. Moscow, 1996.
3. Ashby W.R. Introduction to cybernetics. M.: Foreign Literature, 1959. 432 p..

УДК 316.613

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-93-100

*Шаповалова И.С.***ПОНЯТИЕ
СУБСРЕДОВЫХ ЛОКУСОВ
СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА****Шаповалова Инна Сергеевна,***заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью,
доктор социологических наук, доцент*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул.
Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
Электронный адрес: shapovalova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье предложен анализ эволюционных вариаций формирования среды обитания человека. Приведена авторская типология среды обитания, основанная на ее трехчленном делении. Типология основана на первичности одной из сфер среды и включает в себя экологический, социокультурный и техногенный тип среды обитания человека. Дано авторское понятие субсредового локуса, детерминирующее его как территорию, ограниченную по какому-либо из принятых принципов демаркации, и имеющую определенный тип акцентуации среды обитания. В статье даны характеристики трем типам субсредовых конфигураций, обозначены прогнозные сценарии их развития в контексте экстраполяции ситуации влияния первичной сферы. В качестве перспективы анализа территориальной ситуации предложена модель верификации субсредового локуса, включающая: территориальную историю формирования субсредового локуса, состояние ведущей и подчиненных подсистем среды, диспозиции социума, экономическую ситуацию, группы полярных факторов территории, стратегию территории, форсайт-сценарии территории, риски территории.

Ключевые слова: среда обитания человека; природная сфера; социокультурная сфера; техносфера.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека».

UDC 316.613

DOI: 10.18413/2408-9338-2015-1-3-94-100

*Shapovalova I.S.***CONCEPT SUBENVIRONMENT'S
LOCUS OF THE HUMAN
ENVIRONMENT****Shapovalova Inna Sergeevna,***Head of the Department of Sociology and organizations working with youth, Doctor of Social Sciences, Associate Professor*

Belgorod State University, 85, Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

АBSTRAKT

In the article the analysis of evolutionary variations formation of the human environment. Shows the author's typology of the environment, based on its tripartite division. The typology is based on the primacy of one of the areas of the environment, and includes environmental, socio-cultural and technological type of the human environment. Given the author's concept subenvironment's locus that determine it as a territory limited by any of the accepted principles of demarcation, and having a certain type of accentuation habitat. The article gives the characteristics of the three types of subenvironment's configurations are denoted forecast scenarios of their development in the context of an extrapolation of the situation influence the primary sector. As the prospects for territorial analysis the situation, a model verification subenvironment's locus, including: territorial history of the formation subenvironment's locus, state master and slave subsystems environment disposition of society, the economic situation, the group of polar factors of the territory, the territory of the strategy, foresight scenarios territory risks territory.

Keywords: human environment; the natural environment; the socio-cultural sphere; technosphere.

Acknowledgements: This research was supported by research grant of Russian Science Foundation, project № 14-38-00047 «Forecasting effort and social risks management of anthropogenic human-caused systems development over time human environment transformation processes».

Среда обитания человека как биологического вида, изначально включала в себя только его биологическую (природную) обстановку.

Становление и развитие социальных отношений сформировало как отдельную подсистему, социокультурную часть среды. Развитие человеческой мысли, создало в социокультурной подсистеме среды обитания одну из разновидностей ее продукта – технические инновации. Развитие машинного производства выводит технические инновации в отдельный, но пока не обособленный от социокультурной подсистемы среды, кластер – объединение технических продуктов для удовлетворения потребностей человека. Преобразование социальной жизни, которое влечет за собой развитие техники, уже не позволяет отнести ее к элементам культуры, так как она более не подчиняется законам и принципам создания культурных продуктов. Отделение технической сферы происходит на этапе появления поточного производства технических продуктов и развития бытового сектора производства.

В момент масштабной утраты навыков «безтехнического существования» человека, становится возможным говорить о полноценном отделении технической подсистемы,

которая, как и природная и социокультурная подсистема среды обитания, приобретает все свойства самостоятельной системы (согласно законам иерархии систем и одновременно закону эмерджентности). Обращаясь к научным трудам ученых, посвященных изучению специфику становления и функционирования техносферы, мы констатируем тот факт, что не только зарубежные, но и российские ученые осуществляют их в разных направлениях и с различных дисциплинарных позиций [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Структура среды обитания человека, представляющая собой на данном этапе цивилизационного развития триаду подсистем (природная, социокультурная и техническая подсистемы), имеет тенденции к иерархическому подчинению технической подсистемой двух других и является динамическим и пространственно-опосредованным образованием.

Сложность иерархической конфигурации, определяемая пространственно-временным континуумом, говорит о существовании типов среды обитания. В фундаментальном смысле, такая типология включает три типа среды и основанием здесь выступает первичность указанных подсистем (рис. 1).

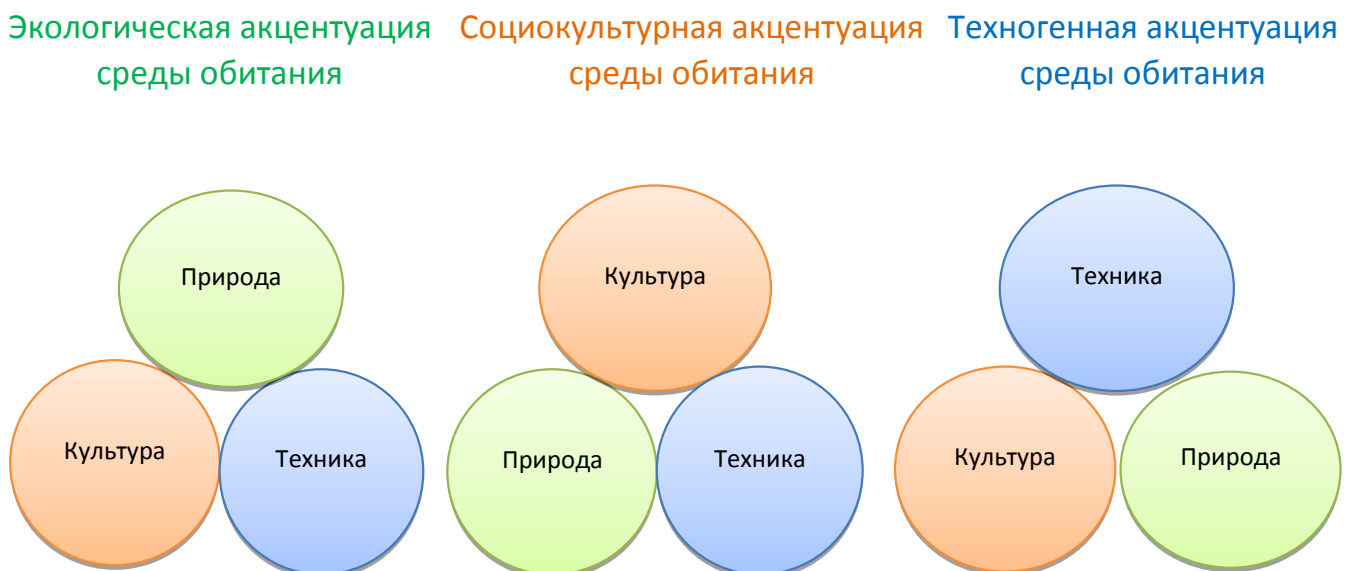

Рис. 1. Акцентуации среды обитания человека
Figure 1. Accentuation of the human environment

В широком смысле, данные типы представляют собой смену акцентов среды обитания в цивилизационном масштабе, по мере эволюции человека. Природный тип среды с развитием цивилизации сменялся на куль-

турный и техногенный, последовательно утверждения их в роли главной подсистемы.

В узком смысле, такая типология дает возможность рассмотреть специфику среды обитания относительно ее динамики и статики для

конкретной территории, что позволяет ввести понятие «субсредового локуса». Субсредовый локус – территория, ограниченная по какому-либо из принятых принципов демаркации, и имеющая определенный тип акцентуации среды обитания. Понятие субсредового локуса дает возможность выделять в общей техногенной цивилизации территории, имеющие природные и культурные акценты и говорить об уровне техногенности территории.

Несмотря на простоту принципа, лежащего в основе такой типологии, каждый из ука-

занных типов среды отличается совокупностью характеристик, позволяющих описать строй субсредового сообщества, его перспективы и риски развития. Более того, первичность влияния каждой из указанных в типах подсистем определяет состояние подчиненных подсистем среды обитания, но при этом идентичные подчиненные системы в каждом из типов среды будут различны (так, подсистема природы в социокультурном типе среды не будет идентичной такой же подсистеме в техногенном типе).

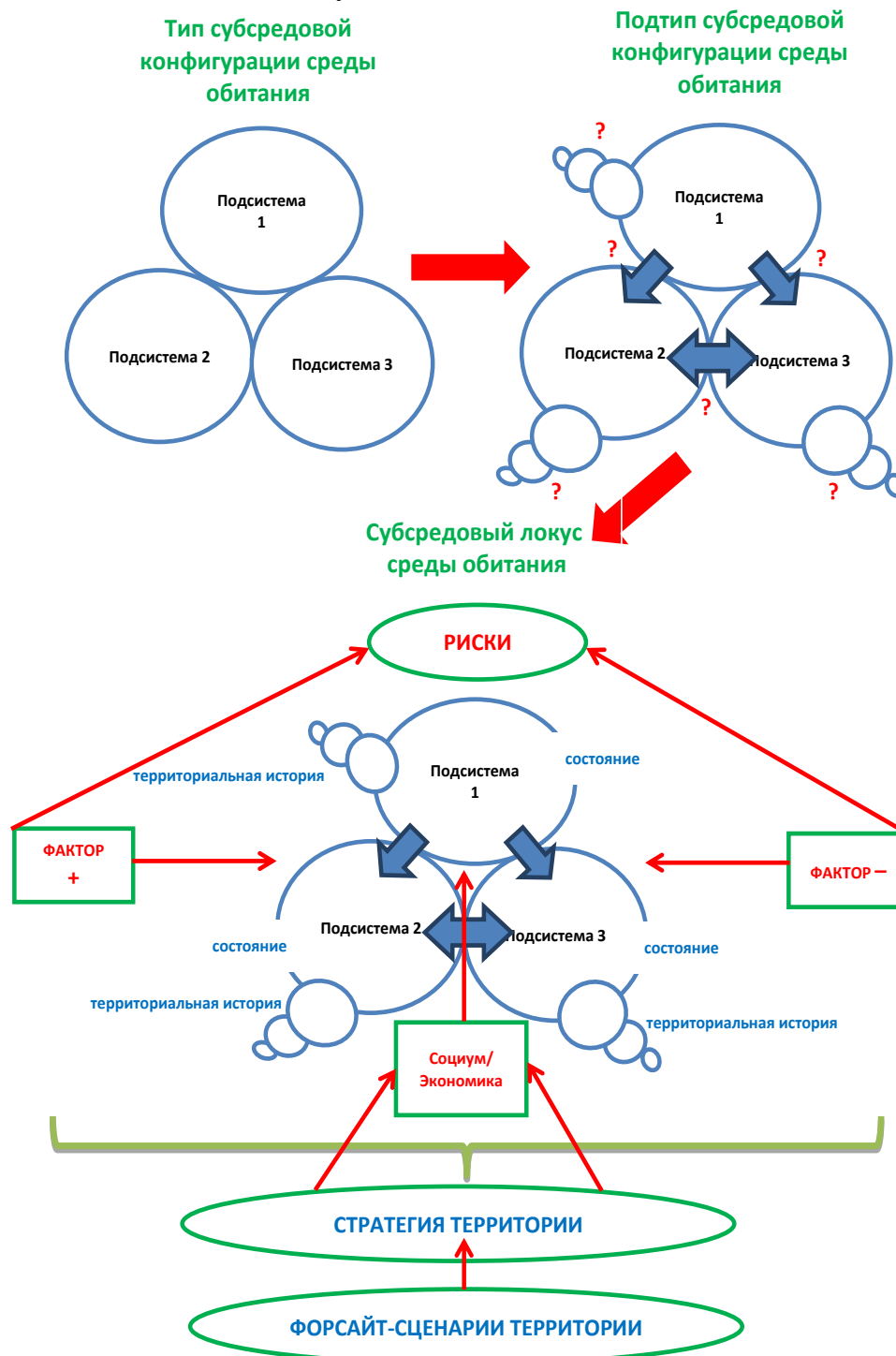

Рис. 2. Построение средовой типологии территории

Figure 2. Construction of the typology of the territories of the human environment

Таким образом, возникает субсредовая конфигурация (обобщенная модель субсредового локуса), имеющая свой подтип, чаще всего связанный с эволюцией формирования конфигурации и спецификой отношений между подсистемами среды.

Обобщенные характеристики типа и подтипа накладываются на конкретные характеристики территории, вносящие свои коррективы в виде верификации конкретных позиций. Элементами такой верифицированной модели становятся: территориальная история формирования субсредового локуса, состояние ведущей и подчиненных подсистем среды, диспозиции социума, экономическая ситуация, группы полярных факторов территории (положительные и отрицательные факторы основных факторных групп), стратегия территории, форсайт-сценарии территории, риски территории (рис. 2).

Рассмотрим основные типы субсредовых конфигураций.

Экологическая акцентуация среды обитания – первичность природной подсистемы может быть обусловлена как естественным, так и искусственным образом. Естественность первичности природной составляющей предопределяется исторически определенным ландшафтом, уникальность и ценность которого воспринимается и поддерживается обществом. Иной вариант становления субсредовой конфигурации возможен в случае искусственных причин определения природной подсистемы как первичной – в этом случае мы можем говорить о динамике развития территории, формирования экологического сознания социума и подчинение технической подсистемы для создания мощного природного комплекса субсредового локуса. Динамический виток развития обычно в этом случае сопровождается рядом экологических кризисов, которые и становятся бифуркационными факторами выбора типа среды обитания.

Но, и в том и в другом случае, стоит рассматривать функцию культурной подсистемы в этом типе как поддерживающую (формирование экологического сознания, трансляция экологических ценностей, продуцирование соответствующих норм и контроль поведения), а функцию техносреды как обслужива-

ние и соответствие (поддержание состояния экологической подсистемы и развитие чистых производств, и продуцирование экологически чистых технических продуктов).

Безоценочное суждение о данном типе субсредовой конфигурации не дает нам возможности говорить о степени правильности такой территориальной стратегии, возможно лишь упомянуть о существующих рисках. Эти риски напрямую зависят от величины и обособленности территории и близости к ней рискогенных факторов, прежде всего техногенного свойства. Естественность и материальность ведущей подсистемы делают ее уязвимой перед катастрофами и вторжениями, способными уничтожить ее, лишив тем самым территориальную систему интеграционного ядра (а часто и экономической стабильности). Подчиненность двух других подсистем определяют высокую вероятность возникновения ситуации невозможности быстрого замещения основ культуры и производства. Но, с другой стороны, такой сценарий может быть связан с предложением «территориальной идеи» по спасению природной подсистемы, что в свою очередь является не меньшим интеграционным компонентом для общества.

В любом случае, территории с данной субсредовой конфигурацией являются редкостью. Хотелось бы уточнить тот факт, что не каждая территория, обладающая мощным природным ресурсом, относится к данному типу. Выбор первичности природной подсистемы является осознанным решением территориального сообщества и культивируется во всех формах социальных отношений и деятельности.

Итак, основные черты данного типа субсредовой конфигурации:

- 1) Наличие мощного природного ресурса естественного или искусственного происхождения;
- 2) Экологическое сознание населения и формирование экономики на основе природного ресурса локуса;
- 3) Поиск и развитие экологических типов и видов производства.

Социокультурная акцентуация среды обитания – главенство культурной подсистемы, предполагает деление на два подтипа:

акцентуация среды связанная с историческим наследием или с современным развитием культурной компоненты. Хотя, рассматривая эти типы на существующих примерах, мы часто можем наблюдать как их симбиоз, так и иллюстрацию парадокса исторического хронотопа, который заключается в том, что цивилизационные культурные предпосылки территории не реализуются в данный тип и, напротив, отсутствие предрасположенности выводит территорию в социокультурную локусную конфигурацию.

Интересно взаимодействие подсистем в таком типе: природная подсистема выступает в двух ролевых ипостасях – как декорация к культурным композициям территории и как демонстрация культурного уровня территории; техносфера чаще существует независимо от двух подсистем и развивается по остаточному принципу.

Говоря о данном типе территорий необходимо разделять подтипы с экономической направленностью культуры (как правило, туристический бизнес, связанный с историческим культурным наследием) и подтип социальной направленности, отражающийся в первую очередь в культуре самосознания граждан.

Сценарии развития таких локусов обычно не претерпевают значительных кризисов и основным фактором, способным нанести им явный ущерб (или напротив) является социально-политический. Отсутствие выраженной стратегии научно-технической эволюции, делает данные территориальные цивилизации заведомо экономически уязвимыми и неконкурентоспособными перед мощными индустриальными центрами. Утрата значимости культурной составляющей, или нанесение ей ущерба политическим решением (например, политика толерантности Франции, Скандинавских стран) снижает культурный уровень, но не восполняет природный и технический показатель.

Таким образом, отличительными признаками культурного типа локусной конфигурации являются:

- 1) Наличие мощного культурного наследия, трансформировавшегося в архитипы и самосознание населения;
- 2) Процессы культурного прогресса и эскалации культурного уровня, формирующие основу экономических поступлений;

3) Превалирование культурных результатов над результатами научно-технического прогресса.

Техногенная акцентуация среды обитания – первенство технической подсистемы, в отличие от двух других типов, является осознанным выбором территории и требует постоянных усилий по поддержанию ведущей роли технической подсистемы в локусной конфигурации. Можно выделить несколько подтипов рассматриваемого варианта среды:

– «варварская техногенность» – подтип, представляющий собой результат экспансии техносреды, подавленное, а иногда и дефицитное состояние двух других подсистем. Такой подтип формирует весь рискогенный спектр развития техносреды, и часто связан с экономическим фактором, предопределяющим развитие подсистемы;

– «инвестиционная техногенность» – данный подтип инвестирует доходы техносреды в развитие двух других подсистем, формируя иллюзию гармонии и стратегию, направленную на стабильность территории, посредством создания устойчивых сценариев развития, куда относится и восполнение ресурсов (природных и социокультурных);

– «высокая техногенность» – данный тип чаще всего связан с высокоразвитыми техническими производствами, расположенными на территории. Оснащение данных производств, их функционирование и развитие требуют высокотехнологичной инфраструктуры и интеллектуальных кадров, которые формируют ядро территориального сообщества, детерминирующее политику управления, соответствующую высокому развитию социума. Природная и культурная подсистемы в данном случае получают высокое, хотя и второстепенное, развитие.

Таким образом, техногенный тип среды обитания отличается следующими признаками:

- 1) Превалирование технической инфраструктуры и результатов в территориальном локусе;
- 2) Техническая подсистема и ее инфраструктура становятся основой экономического развития территории;
- 3) Вторичный и остаточный принцип развития природной и культурной подсистемы.

Говоря о топологии расположения типов и подтипов субсредовых конфигураций, при верификации предлагаемых выше моделей, в частности при эмпирическом описании специфики взаимодействия подсистем, актуальным может стать концепция среды обитания,

предложенная А.М. Якуповым. Автор предлагает рассматривать возможные конфигурации среды как симбиоз сфер (природ – авт.): Мир природы планеты Земля, Мир Социума, Техногенный Мир (рис. 3).

Рис. 3. Среда обитания человека в системе планеты Земля [7]
Figure 3. Human environment in system of the planet Earth [7]

В результате взаимодействия этих сфер появляются их производные подсистемы: Социоприродный Мир, Социотехнический Мир и Техноприродный Мир. На наш взгляд, анализ специфики этих «миров» может стать отправной точкой построения средовой топологии территории, а в дальнейшем и конкретными характеристиками приграничных (или смешанных) территориальных субсредовых локусов.

Иначе говоря, региональный тип деления (и даже внутрорегиональный тип) подразумевают наличие не просто границ перехода территорий с разным типом субсредовой конфигурации, но и возникновение «смешанных» конфигурантов. Более того, мы рискуем предположить, что существование в чистом виде типов и подтипов субсредовых конфигураций на конкретной территории будет встре-

щаться не часто. Таким образом, при построении субсредовой топологии исследователь может столкнуться с 6-ю типами субсредовых конфигураций, вместо 3-х: природный тип (чистый), социокультурный тип (чистый), техногенный тип (чистый), социоприродный тип (смешанный), социотехнический тип (смешанный) и техноприродный тип (смешанный). Зная характеристики каждого из типов, установление прогностического сценарного ряда и определение рискогенных факторов, может способствовать созданию рациональной системы управления, включающей и планирование развития территории. В результате взаимодействия этих сфер появляются их производные подсистемы: Социоприродный Мир, Социотехнический Мир и Техноприродный Мир. На наш взгляд, анализ специфики

этих «миров» может стать отправной точкой построения средовой топологии территории, а в дальнейшем и конкретными характеристиками приграничных (или смешанных) территориальных субсредовых локусов.

Иначе говоря, региональный тип деления (и даже внутрорегиональный тип) подразумевают наличие не просто границ перехода территорий с разным типом субсредовой конфигурации, но и возникновение «смешанных» конфигурантов. Более того, мы рискуем предположить, что существование в чистом виде типов и подтипов субсредовых конфигураций на конкретной территории бу-

дет встречаться не часто. Таким образом, при построении субсредовой топологии исследователь может столкнуться с 6-ю типами субсредовых конфигураций, вместо 3-х: природный тип (чистый), социокультурный тип (чистый), техногенный тип (чистый), социоприродный тип (смешанный), социотехнический тип (смешанный) и техноприродный тип (смешанный). Зная характеристики каждого из типов, установление прогностического сценарного ряда и определение рисковенных факторов, может способствовать созданию рациональной системы управления, включающей и планирование развития территории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попкова Н.В. Основное противоречие техносферы // *Философия и общество*. 2005. №3. С. 123.
2. Горюнов А.В. Информационные технологии и общество, или состоятелен ли технологический детерминизм? // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8(14). Ч. I. С. 54-58.
3. Гвишиани Д.М. Кризис буржуазных концепций научно-технической революции // *Техника, общество, человек*. М., 1981. С. 24-43.
4. Попкова Н.В. Методология философского анализа техносферы // *Вестник тамбовского государственного технического университета*. 2005. №3. С. 817-825.
5. Кочергин А.Н. Техносфера и общество: проблема взаимодействия // *Научный вестник МГТУ ГА*. 2011. № 166. С. 32-39.
6. Васильев Ю.С. Устойчивое развитие техносферы в системе природа – общество – человек: введение в проблему // *Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика*. Вып. 2(7). 2011. С. 3. URL: www.yrazvitiye.ru (дата обращения: 11.09.2015).
7. Якупов А.М. Среда обитания людей и «поля опасностей» в ней // *Вестник НЦ БЖД*. 2013. № 4(18). С. 91-100.

REFERENCES:

1. Popkova N.V. The basic contradiction of the technosphere // *Filosofiya i obshchestvo*. 2005. №3. P. 123.
2. Goryunov A.V. Information technology and society, or whether technological determinism is consistent? *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011. № 8(14). P. I. Pp. 54-58.
3. Gvishiani D.M. The crisis bourgeois concepts of scientific and technological revolution. *Tekhnika, obshchestvo, chelovek*. Moscow, 1981. Pp. 24-43.
4. Popkova N.V. The methodology of the philosophical analysis of the technosphere. *Vestnik tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2005. №3. P. 817-825.
5. Kochergin A.N. Technosphere and society: the problem of interaction. *Nauchnyj vestnik MGTU GA*. 2011. № 166. Pp. 32-39.
6. Vasil'ev U.S. Sustainable development of the technosphere in the nature – society – man: introduction to the problem. *Mezhdunarodnyj ehlektronnyj zhurnal. Ustojchivoe razvitiye: nauka i praktika*. № 2(7). 2011. P. 3. URL: www.yrazvitiye.ru (date of access: 11.09.2015).
7. Yakupov A.M. Habitat people and «field hazards» in it. *Vestnik NC BZHD*. 2013. №4(18). Pp. 91-100.